
В45
82
Желиборис

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Забайкальский Отдел Русского Географического Общества
и Краевой Музей имени А. К. Кузнецова в г. Чите

ИЗУЧАЙТЕ РОДНОЙ КРАЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ХАРЧЕВНИКОВА

Издано по поручению Дальоно

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ ИЗД—ВО
„КНИЖНОЕ ДЕЛО"
Чита—Владивосток
1924

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Большая и напряженная работа началась в последние годы во всех уголках необъятного С. С. С. Р.

Работа эта—изучение своего края, учет всех его сил и возможностей.

Важность этой работы заключается в том, что только на основе добытых ею результатов возможно планомерное хозяйственное развитие и народное строительство.

Проясняющееся сознание необходимости изучения родного края, растущий интерес к нему, развивающиеся симпатии всех слоев общества—являются залогом дальнейших успехов начавшейся краеведческой работы.

Но для того, чтобы изучение родного края велось вполне целесообразно и успешно, не принимая расплывчатых форм, ставящих неограниченное количество задач и тем только рассеивающих внимание—оно должно быть направлено по определенному руслу.

Правильный подход к краеведческой работе—наилучшая гарантия ее дальнейшего развития.

Первым шагом в вопросе изучения родного края должно быть объединение местных краеведческих сил в деле создания краевых музеев.

Работа эта настолько необходима, интересна и разностороння, что вполне сможет объединить все местные краеведческие силы.

Краеведческое общество должно ясно сознавать, что уже одна эта работа является большим достижением, так-как задачи Общества и Музея вполне аналогичны.

Их неразрывная связь, взаимное единение необходимы одинаково обоим.

„Общество—душа музея—его движущая сила, музей та книга, которую пишет общество, показатель его работ, выразитель его достижений. Если музей и общество работают отдельно, каждый сам по себе—значит, они оба не работают" *).

Таково начало краеведческой работы. На этой ступени она находится в настоящее время не только в глухих угол-

*) Из доклада А. А. Мансурова: „Краеведческая работа на местах", „Вестник Рязанских Краеведов", № 2-й—1923 г.

ках, но и во многих крупных центрах Европейской части С. С. С. Р.

Не то в Сибири. Здесь во всех крупных городах первая стадия краеведческой работы пройдена. Отделы Географического Общества и созданные ими музеи не один десяток лет ведут работу по изучению своего края. Сибирь не знала музеев-кунсткамер, и ее музеи с самого возникновения были музеями краевыми. Сибирское студенчество всегда интересовалось родным краем и работа его по собиранию материалов под руководством „Общества изучения Сибири" получила полное признание и была отмечена Российской Академией Наук.

Следующей задачей краеведческих обществ и учреждений, дальнейшей ступенью, на которую должна подняться краеведческая работа и в Сибири, является установление связи со школой и внесение в школу элементов краеведения.

Необходимость введения в школу хотя бы основных понятий о жизни края сознавалась частью педагогических работников уже давно, но массовая школа была далека от признания необходимости и абсолютной неизбежности стать краеведной.

И только теперь в опубликованных новых программах Наркомпроса краеведение ставится основой всей школьной работы.

Внимательно рассмотрев новый комплексный план, предлагаемый Наркомпросом, не трудно заметить, что первая колонка вполне соответствует заданиям краеведческих организаций в области естественно-исторической, вторая—в области экономической и третья—в области историко-бытовой.

Школа принимает тот план, который давно уже является основой работы краеведческих сил.

Это совпадение диктует настоятельную необходимость самого ближайшего соединения краеведческой работы со школьной.

От этого соединения, несомненно, выиграют та и другая.

Краеведческие организации и учреждения должны организовать исследовательскую работу среди местного учительства, привлечь последнее к сбору материалов по всем отраслям изучения края.

Собранный материал с большим успехом может быть использован в деле создания школьных музеев, а дубликаты или в чем-либо выдающиеся отдельные находки могут пойти на пополнение местного краевого музея.

Ясно сознавая стоящие перед ними задачи, Забайкальский Отдел Русского Географического Общества и Краевой Му-

зей имени А. К. Кузнецова стремятся настоящим сборником внести свою посильную долю в общую краеведческую работу, ведущуюся сейчас по всему С. С. С. Р.

Сборник делится на две части: в первой помещены статьи, которые предназначаются специально для школьных работников и имеют задачей дать определенный материал, который может быть использован в школьной работе; вторая часть содержит материалы по краеведению в широком смысле этого слова.

Забайкальский Отдел Русского Географического Общества и Краевой Музей имени А. К. Кузнецова выражают глубокую признательность заведующему Дальне-Восточным Отделом Народного Образования М. П. Малышеву, идейному руководству, глубокому вниманию и материальной поддержке которого обязан выходом в свет настоящий сборник.

5 апреля 1924 г.
г. Чита.

зей имени А. К. Кузнецова стремятся настоящим сборником внести свою посильную долю в общую краеведческую работу, ведущуюся сейчас по всему С. С. С. Р.

Сборник делится на две части: в первой помещены статьи, которые предназначаются специально для школьных работников и имеют задачей дать определенный материал, который может быть использован в школьной работе; вторая часть содержит материалы по краеведению в широком смысле этого слова.

Забайкальский Отдел Русского Географического Общества и Краевой Музей имени А. К. Кузнецова выражают глубокую признательность заведующему Дальне-Восточным Отделом Народного Образования М. П. Малышеву, идейному руководству, глубокому вниманию и материальной поддержке которого обязан выходом в свет настоящий сборник.

5 апреля 1924 г.
г. Чита.

I

Материалы по методике краеведения

Задачи экскурсионного изучения окрестностей города Читы.

Никто не станет возражать, что экскурсионному методу в наше время как в школьном, так и во внешкольном преподавании отводится все более почетное место. Права гражданства в трудовой школе этот метод безусловно завоевал. Литература по экскурсиеведению продолжает расти. Уже имеются на книжном рынке соответствующие методические руководства, из коих на первом месте должно быть поставлено: „Методика и техника ведения экскурсий"—проф. Б. Е. Райкова.

Издательством „Начатки знания" издан сборник: „Вопросы экскурсионного дела, по данным Петроградской экскурсионной конференции 10-12 марта 1923 г."; в журнале „Краеведение", издаваемом Центр. Бюро Краеведения при Российской Академии Наук, вопросам экскурсионного дела тоже посвящено несколько страниц; наконец, мы знаем что в Москве и многих других городах С.С.С.Р. деятельно работают экскурсионные станции и Экскурсионный Институт. Словом, —с методико-технической стороной этого прекрасного способа накопления учащимися прочных знаний дело обстоит вполне благополучно. Было бы желание—а изучить этот метод (путем чтения или непосредственной переписки с соответственными лицами и учреждениями) может каждый интересующийся.

Но вот вопрос: всякий ли сможет умело воспользоваться усвоенным, испытанным на практике методом в обстановке данного пункта, будь то город, село, железно-дор. станция и пр.? Здесь приходится указать на одно чрезвычайно существенное правило ведения экскурсий, о котором руководители экскурсий часто забывают. Правило это требует от руководителя *хорошего знания местности*, куда идет экскурсия и в формулировке проф. Райкова звучит так: „*Изучи место куда ведешь экскурсию, наметь ее тему и составь ее план.*" *)

---

*) См. „Методика и техника ведения экскурсий" 2-е изд. Изд-во „Время" Петроград. 1922 г. стр. 112.

Наметить тему и составить план экскурсии как будто бы может только сам руководитель, хотя бы и при участии руководимых. Действительно, тут многое зависит от возраста, уровня знаний, количества пройденного по данному предмету, от имеющегося в распоряжении времени и пр. Во всяком случае детали плана экскурсионных работ и темы, конечно, должны быть даны руководителем. Но вехи плана могут быть поставлены и не руководителем, а, скорее всего, краеведом, соответствующим учреждением или научным обществом—хорошо знающими условия местности, куда предполагается экскурсия. Именно краеведы и краеведческие общества и учреждения всего более могут помочь как „экскурсиеводам", так и подлинным экскурсиеведам. Будучи заинтересованы в планомерном систематическом изучении той или иной местности, как отдельные краеведы, так и общества с краеведческим уклоном, никогда не откажут поделиться своими знаниями, собранными ранее сведениями, опытом и пр. с экскурсионистом, так как всегда можно и от последнего ожидать значительной помощи в деле изучения того или иного явления из жизни природы или человека. Такой союз сулит выгоды обоим сторонам, тем более, что экскурсионисты весьма часто бывают в состоянии подойти ко всему изучаемому или просто встреченному во время экскурсий—с научными приемами наблюдения и исследования.

Применяя для экскурсантов исследовательский метод, как педагогический прием, руководитель экскурсии часто этим же методом может воспользоваться уже как научным исследовательским методом. Могут возразить: „на это не хватит времени". Иногда—да, но если руководимые достаточно втянуты или захвачены работой, то, при некотором опыте ведения экскурсии, всегда можно устроить так, что все будут работать и никто никому не будет мешать, даже вопросами и расспросами. Больше того. Даже самая „игра в научное исследование", которую, по мнению многих, ведут экскурсанты, воображая, что они якобы что-то исследуют—даже такая игра может принести немалую долю пользы. Так, например, малыши, играющие в исследовательскую игру, могут часто выполнить такое научное задание, которое не под силу серьезному исследователю. Прежде всего, не надо забывать, что их идет в экскурсию много: 20-30-40 человек. Уже одной численностью можно многое взять, и там, где одинокий, хотя бы и оснащенный сугубыми знаниями, исследователь проходит мимо интереснейших научных объектов, там веселая цепь ребят делает открытие и шутя выполняет серьезное задание. Вот пример.

Для пополнения коллекций музея крайне необходимо иметь комплект гнезд и яиц степных птиц. Как их собрать? Сколько придется бродить по степи в поисках их? Между

тем стоит только рассказать задание экскурсантам, выстроить их затем в одну шеренгу, разомкнуть строй на 3-5 шагов и „поисковая вереница“, длиною в 100-150 шагов, готова. Шансы на удачу выросли во много раз. Соревнование заставит ребят быть очень внимательными. А как только гнездо найдено — все знакомятся тут-же с постройкой пернатого и пр. Желание сделать „открытие“ в экскурсантах обыкновенно бывает очень велико и в высшей степени благотворно влияет на развитие наблюдательности. Глаза такого будущего Колумба не скользят уже по предметам и явлениям, а пытливо сосредоточиваются: не новое ли что-нибудь? Может быть другие еще не видели этого, не находили? От массовой, если можно так выразиться, и несколько поверхностной, односторонней наблюдательности недалеко и до наблюдательности индивидуальной, более изощренной. Вот тому пример.

Во время плаванья по р.р. Ингоде и Шилке летом 1923 г. 1-й Детской Экспедиции Центрального Детского Дома, при остановке баркаса и лодок экспедиции выше, села Александровского (40 в. к в. от Читы)—у правого берега р. Ингоды, одной из юных исследовательниц, девочкой 15 лет, был найден на высоте $3^1/_2$ метров над меженным уровнем реки слой раковин-беззубок.

На первый взгляд в таком открытии нет ничего особенного. Но если принять во внимание, что слой этот, в общем довольно значительный по размерам, наружу из берега почти не выдавался, будучи прикрыт илистой осыпью; если к тому же иметь в виду, что по берегу этому с целями исследования прошел уже взад и вперед „отряд географов“ (9 человек из 32-х человек — участников экспедиции)—и слоя никто из 9-ти не заметил (открывшая была из этого же отряда, но оставалась дольше других на баркасе); если и руководительский состав экспедиции (6 человек) тоже оказался не на высоте, то приходится признать наблюдательность юной исследовательницы достаточно изощренной.

Конечно, место выхода слоя сейчас же было внимательно исследовано всеми остальными юными географами, был произведен обмер толщины и длины его, произведены небольшие раскопки, слой был зарисован, снят на план, были взяты образцы раковин разной сохранности, образцы сложившегося ила, и затем экспедиция тронулась дальше.

Спрашивается: была ли это „игра в исследование“ или серьезное исследование?

Дальнейшие работы „юнисов“ *) убеждают в том, что открытие это как в педагогическом, так и в научном отношении имело серьезное значение.

---

*) Т.е. юных исследователей. „Юнисами“ или еще экспедиционерами назвали они себя сами.

В педагогическом—потому что ниже по Ингоде и Шилке, пожалуй, уже не было пропущено ни одного подобного же слоя, а были осмотрены внимательно все мягкие берега.

Таким образом, юная исследовательница своим открытием вызвала некоторое соревнование в других „юнисах“, заставила их подтянуться в наблюдательности и дала толчок к более внимательному исследованию в дальнейшем.

В научном и учебном отношениях этот случай натолкнул на мысль установить путем приблизительной нивеллировки высоты всех других „стоянок старинных беззубок“ на древних берегах Ингоды *), дал возможность судить о прежнем уровне вод Ингоды и прекраснейшим образом иллюстрировал такие вопросы, как образование тех или иных органических отложений по берегам рек (а затем и озер, и морей), образование речных террас, эрозионная деятельность воды и пр. Польза, как видите, получилась всесторонняя и громадная. А открой этот слой кто-нибудь из руководителей—эффект был бы совсем не тот.

Но возвратимся ближе к теме.

Как же наилучшим образом наладить изучение окружающих нас мест. Опыт экскурсионного (а в будущем, когда станем побогаче, и экспедиционного) изучения, произведенный в довольно крупном масштабе летом 1923-го года, показал, что наибольший интерес и максимальное внимание к изучаемым объектам и явлениям природы и жизни наблюдаются у экскурсантов тогда, когда им кажется, что они первые производят данное наблюдение или исследование.

Этот педагогический прием дает прямо-таки чудесные результаты **).

Следовало бы применить его всюду для планомерного изучения экскурсионными силами окрестностей Д.-восточных городов, сел, деревень, станций и т. д. Следует ставить экскурсантов, даже в кратковременной экскурсии, в положение пионеров, первых исследователей, предоставляя им самостоятельность в выборе маршрутов и способов осуществления намеченных исследовательских задач, до работы без всяких руководителей включительно. А так как окрестности более значительных населенных пунктов, таких, напр., как Чита, Верхнеудинск, Сретенск и пр., в сущности

---

*) Надо иметь в виду, что высоких и длительных разливов на Ингоде не бывает. Весной она не разливается, а после июльских дождей, вызванных юго-восточными муссонами, вода в реке хотя и значительно прибывает, но так же быстро и сбывает, как во всякой горной реке. (Примечание автора).

**) См. статью В. Н. Фалелеева „Итоги педагогической работы 1-й Детской Экспедиции“ в № 1 „Вопросов Просвещения на Дальнем Востоке“ за 1923-й год.

тоже еще не изучены, то не трудно убедить молодежь в необходимости повнимательнее относиться ко всему, что нас окружает, каким бы обыденным это окружающее нам ни казалось.

Приводимые ниже примерные планы-программы порайонного изучения окрестностей г. Читы являются первой попыткой поставить вехи для последующего всестороннего систематического изучения района. Думается, что по этим вехам местные школьные и внешкольные работники сумеют найти дорогу как к правильному ведению экскурсий, так и к изучению окрестностей г. Читы.

В последнем отношении им всецело пойдет навстречу местный Краевой Музей имени А. К. Кузнецова и местный Отдел Географического Общества.

Можно надеяться и на помощь местного Отдела Всеросс. Ассоц. Инженеров, где не мало специалистов—геологов, могущих помочь в определении собранных петрографических и менералогических материалов.

Надо только позаботиться, чтобы все собираемое, во-1-х, *хорошо хранилось* (бумага, ящики, коробки, банки) и, что особенно важно, *хорошо этикетировалось*

В этом случае наилучшим руководством является „Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь“ изд. 2-е, СПБ, 1914 (имеется в местных библиотеках), а также—*Ильин* „Справочная книжка для путешественников“. Устные указания и советы всегда всякому с удовольствием будут даны сотрудниками Музея.

Итак, готового, исчерпывающего материала по изучению окрестностей г. Читы в настоящем кратком очерке нет, ибо нет такого материала нигде. Но он должен быть найден. Изучить окрестности г. Читы, а затем других городов, сел и пр. должен учитель-экскурсионист. Помочь ему в этом должны местные краеведческие организации и силы. Материалы по изучению должны концентрироваться и разрабатываться под общим руководством Краевого Музея и Географического Общества. Дубликаты материалов необходимо передавать в Музей в целях пополнения его коллекций. Главной же рабочей силой по сбору материалов будут участники будущих экскурсий и экспедиций как школьники, так и взрослые.

После длинной Забайкальской зимы всем хочется побродить хотя бы по ближайшим живописным окрестностям города. Всех тянет в лес, в поле, на реку. А молодежь—и подавно. Надо использовать эти первые после зимы теплые дни, надо использовать и, все предстоящее лето и в особенности—пре-

красную, золотую забайкальскую осень. В календарном порядке надо задать ученикам и неученикам—всем, кто собирается экскурсировать по окрестностям г. Читы—культурную задачу: систематически изучить в течение, скажем, месяца или двух, или даже всего лета озеро Кенон, или Титовскую сопку, или окрестности Атамановки—кому что по душе, или кому что территориально ближе.

Не надо стеснять инициативу в группировании. Отряды пусть организуются сами.

Экскурсию—две можно провести „под руководством". А дальше—дело пойдет само собой и к зиме даст обильную жатву.

Бодрей же за дело!

Примерные планы порайонного изучения окрестностей г. Читы.

1. Падь речки Кайдаловки.

Овраг Кайдаловки в черте города. Три различных по характеру участка: 1) от р. Читы до Коротковской ул.—некультурный, засыпаемый, в будущем—подземная труба; 2) от Коротковской до Уссурийской с перерывом на Большой ул.—культурный, улучшенный насаждениями участок. Сады—Городской и имени Жуковского. История сада Жуковского до 1899-го года. Выставка 1899 г. Деятельность А. К. Кузнецова. Дацан. Водопровод. Разбивка питомников растений. Роль кайдаловского колодца. Система поливки. Система эксплоатации. Будущее сада; 3) верхний некультурный участок оврага Кайдаловки от Уссурийской ул. до Ново-Бульварной (просека). Постепенный занос песком. Наслоения песчаных и культурных слоев в обрывах оврага в районе школы № 10 и Письменовой заимки. Из прошлого Письменовой заимки (что представляла Кайдаловка в 1880 году). Обезлесение пади рч. Кайдаловки. Размывы крутых склонов холма, что против Письменовой заимки. Водоотводная канава. Размывы 1897 года против Угданской ул. Мамонты в Кайдаловской пади. Выход ключа (зимой—накипи) против Песчанской улицы на правом склоне оврага. Остатки водопровода и пороховых складов.

Падь речки Кайдаловки вне черты города).* Былые броды на Кайдаловке: 1-й, 2-й и 3-й—там, где всегда в Кайдаловке есть вода. Разветвление пади: правый и левый распадки. Крутой и узкий участок пади против горы Россыпной. Россыпи Их образование. Их эксплоатация (собирание

---

*) Маршрута по Кайдаловке указывать не приходится, Можно лишь посоветовать подниматься вверх по пади—по нижней дороге, а возвращаться по верхней (по юго-вост. склону г. Гривы).

строительного камня и на памятники). Сиениты горы Гривы (по Герасимову). Легенда о разбойнике Лопаницыне (денщике барона Корфа). Места бывших кирпичных сараев. Остатки обжигательных печей. Размытые дороги. Зарастание верховьев Кайдаловки Водораздел между Кайдаловской и Антипихой. Водораздел между Кайдаловкой и Сухой. „Выварки". Растительность по Кайдаловке. Фауна. Труд человека в Кайдаловской пади—разумный и хищнический. Кайдаловка—как будущий дендрологический питомник.

II. Батарейская сопка.

Местоположение (по отношению к городу, к р.р Чите и Ингоде и к старому Московскому тракту). Границы горы (где кончаются склоны?). Характер склонов--северо-восточного, юго-западного и пр. Лощины и овраги по склонам и у подножия сопки (где именно расположены? Как велики? Имеются-ли разветвления? Растут ли или остановились в росте? почему?). Борьба с оврагами. Гребень Батарейской сопки, его направление; седло и главная вершина сопки. Выходы горных пород по склонам и на вершине сопки. Формы выветривания (валуны, бараньи лбы—ложные), дресва и пр.). Состав горных пород слагающих сопку. Типы гранитов. Пласты горных пород, в оврагах у подножья сопки, их залегание, толщина, состав, цементация, окраска и пр. Выходы синей глины в окрестностях сопки (на дне оврагов). Выходы грунтовых вод. Растительный покров. Типы лесных насаждений (по каким склонам—какой лес?). Поляны: 1-я (Усть-Читинская), 2-я (Средняя, над 2-м утесом) Антипихинская и Верхняя, их характеристика. Цветы, травы, мхи, лишайники и пр., встречаемые на Батарейской сопке (с указанием—какие и когда встречаются). Фауна Батарейской сопки (фауна оврагов, фауна лесистых склонов, фауна полян и пр.).

Сооружения на склонах и у подножья сопки: жел. дор. линия, откосы, выемки мосты, разъезд № 59 („Антипиха"). Военный городок и поселок Антипиха. Разумный и хищнический труд человека на Батарейской сопке. Каменотесы. Дороги и тропы по склонам сопки.

Виды с Батарейской сопки: на юго-восток, на юг, на юго-запад и северо-запад. Батарейская сопка зимой, весной, летом и осенью. Юго-западный склон Батарейской сопки, как место будущего дачного поселка.

III. Озеро Кенон.

Местоположение Кенона по отношению к городу, к Чите I-ой, окружающим горам и к Ингоде Высота уровня вод как над уровнем моря, так и над уровнем р. Читы и р. Ингоды. Терраса Титовской сопки. Ее обрывы к Кенону. Девичья го-

ра (холм на с-в. берегу). Яры—Малый (у с. Кенон) и Большой (у Радио-станции).

Размеры Кенона—вдоль, поперек, длина береговой линии весной—по льду). Расчленение берегов. Малый Кенон, его очертания, длина его берегов.

Прибрежная полоса Кенона. Сухое побережье. Подводное и затопляемое побережья.

Берега Кенона. Крутые (с какой стороны озера, какой длины, высоты и пр.). Есть ли на них размывы, оползни, об валы, выдувы, конусы выносов, выступы скал? Какой формы эти выступы и выдувы, какой длины и ширины. Точное местонахождение наиболее достопримечательных мест берегов Кенона. Подмывание берегов.

Геологическое прошлое Кенона. Геологический состав берегов (где пески и какие? где глины, песчаники и пр.?.) Почвы. Солонцы (если есть). Отлогие берега Кенона. Береговые валы (где? сколько? какой высоты? каковы профили валов?). Дюны, их высота. Длина и ширина всей площади, занимаемой дюнами; размеры отдельных холмов и их форма. Стрелки.

Устья речек Кадалы и Ивановки. Их режим. (Имеют ли „бары" или дельты?). Состав дна у впадения речек (ил, песок, галька и пр.).

Глубина Кенона и характер его дна. Линии одинаковой глубины (изобаты).

Вода Кенона, ее состав и плотность. Цвет воды. Цвет льда. Колебание уровня озера. Расспросы старожилов о прежних уровнях озера.

Растительный мир озера. Водоросли. Плауны Цветение Кенона. Растительный мир берегов озера. (Степи, луга, ильмы и пр.).

Фауна Кенона. Рыбы, гады, рачки, насекомые. Сухопутная фауна берегов Кенона.

Население и населенные пункты на берегах Кенона. Село Кенон и его жители Выселок. Жел. дор. полуказарма у линии жел. дороги. Сооружения на берегу Кенона. Линия железной дороги. Радио-станция.

IV. Титовская сопка.

Титовская сопка является возвышенностью, с которой открываются наилучшие виды на город и его окрестности как ближайшие, так и отдаленные.

С нее видна долина р. Читы до гольца Саракакана (75 в. к северу от города), цепь Яблонового хребта на протяже-

нии 125 верст (от с. Куки и разъезда Лесного до Саранакана), долина р. Ингоды вверх—верст на 35, вниз—верст на 30. С северо-восточной вершины сопки (той, что ближе к городу и сильно обезлешена)—лучший вид на Ингодино-Читинский грабен и на „остатки" когда-то бывшего здесь громадного озера, наполнявшего всю впадину Ингоды-Читы от с. Татаурова до Бургени (50 в. к северу от г. Читы*). Остаточными озерами являются: Кенон, Угдан, Камышевое и еще ряд мелких озерков.

Титовская сопка *заслуживает самого полного внимания* при изучении окрестностей г. Читы и как обсервационный пункт и сама по себе.

Программа изучения может быть приблизительно та же самая, что и для Батарейской сопки:

Местоположение. Границы. Характер склонов и гребня. Две вершины сопки(северо-восточная и юго-западная), Больничное ущелье между ними. „Лощина расстрелянных" (та что видна из города . Остальные лощины сопки. Несимметричность их склонов. Характер склонов самой сопки. Сухотино. Засопочные утесы. Терассы на сопке: каменистые и наносные. Геологический состав: фельзиты и порфириты. Овраги на сопке.

Распределение растительности по склонам и лощинам. Ильмовая роща на южном склоне сопки.

Населенные места у подножия сопки. Бывшая казачья станица Титовская, как пример подгородного села. Огородничество у подножия сопки. Пос. Засопочный. Чита I (общий обзор.)

Московкий тракт по склону сопки. Памятник на выступе сопки в честь проезда Николая II в 1891 г. Отсутствие памятника в честь расстрелянных Ренненкампфом в 1906-м г. Титовская сопка, как будущий подгородный заповедник.

V. Сухотинское ущелье р. Ингоды.

В тесной связи с изучением Титовской сопки стоит изучение загадочного геологического „трюка", произведенного рекой Ингодой в непосредственной близости от города.

В самом деле, по Герасимову (см. Геолог. иссл. вдоль линии Сиб. ж. д. вып. XVIII, стр. 49—50 и вып. XIX, соотв. стр.) долины р. р. Ингоды и Читы, идущие в стык друг другу, имеют в районе озер Кенон и Угдан приблизительно оди-

---

*) А. П. Герасимов. Геологические исследования в в Заяблонье в 1897 году, стр. 48 и 49. (Геологическое исследование по линии Сиб. жел. дор., вып. XVIII СПБ. 1899).

наковую высоту над уровнем моря (670 метр.—уровень оз. Кенон).

С северо-восточной вершины Титовской сопки очень отчетливо видно, что естественным местом слияния р. Читы с р. Ингодой должно бы было быть оз. Кенон или район близкий к нему и лежащий, так сказать, на дне Ингодино-Читинской впадины. Между тем р. Ингода, не дойдя до Кенона каких-нибудь 2—2 1/2 версты, уклоняется вправо и зарывается в глубокое, скалистое, живописное ущелье, склонами которого служат—справа—высокие (540 с. над уровнем моря) горы хр. Черского, а слева—юго-западные, южные и юго-восточные склоны Титовской сопки. С юго-западной вершины Титовской сопки особенно отчетливо видна вся глубина ущелья и проделанная р. Ингодой в прежние геологические эпохи работа, но проблема прорыва реки через отрог (а это еще вопрос) хр. Черского остается неразрешенной.

Не знаем мы—как сложена Титовская сопка. Представляла ли она лакколит, т. е. приподнятую излиянием изверженных пород толщу пород осадочных, в последующие эпохи смытых, или она служит непосредственным продолжением хр. Черского, выступом этого хребта?

Тогда—каким образом р. Иногда перепилила этот выступ.

Чтобы найти, или хотя бы приблизиться к разрешению этого вопроса, необходимо самым тщательным образом изучить все выходы горных пород по обоим берегам р. Ингоды и в Сухотинском ущельи.

Надо собрать исчерпывающие по полноте коллекции фельзитов, порфиритов и пр. с указанием, где какой образец взят, с какого склона, какой лощины, на какой высоте над уровнем реки (барометрическая нивеллировка), как залегает пласт, из которого отбит данный кусок горной породы и пр.

Чтобы сносно выполнить программу геологического изучения Титовской сопки, необходимо соответствующим образом подготовиться к каждой экскурсии по ней: иметь несколько геологических молотков*), анероид (хотя бы взятый на время), горный компас и, если знания по геологии у руководителя не достаточно полны, то руководство вроде „справочной книжки для путешественников"—изд Ильина или курса геологии—Мушкетова, Иностранцева и др.

Весь собранный материал надо тщательно этикетировать и с соответствующими описаниями предоставить или в распоряжение Краевого Музея или в минералогический кабинет школы № 1 II ступени.

---

*) В Чите их можно за недорогую плату заказать в Проф.-технической школе.

Можно надеяться, что путем изготовления шлифов*) удастся проследить распространение тех или иных горных пород в ближайших окрестностях Читы и общими усилиями составить уже не топографическую (каковая есть), а геологическую карту окрестностей города. Только этим путем может быть разрешена и загадка Сухотинского прорыва реки Ингоды.

В целях планомерного изучения Сухотинского ущелья, можно разбить его на три участка и каждый участок тщательно обследовать отдельно как по правому, так и по левому берегу реки Ингоды, идя то по низу, то по склонам гор и лощин, не пропуская ни одного выхода горных пород.

Участки эти по правому берегу: 1) верхний от скалистых выступов выше Засопочных утесов (включая эти выступы) до устья рч. Громотухи, кончая левым склоном пади этой речки; 2) средний – от правого склона пади Громотухи, включая этот склон до Сухотинского ключа, его левого склона; 3) нижний – от правого склона Сухотинского ключа до дач за р. Ингодой, что против села Титовского.

По левому же берегу: 1) от Засопочных утесов (включая их) до конца оврагов выше Засухотинского утеса, что против поляны на правом берегу; 2) Сухотинские утесы, в том числе так наз. „Зал" или „Дворец", представляющий наклонную наносную площадку между западным и восточным „бычками"; 3) участок от „Восточного бычка" Сухотинских утесов до бывш. Войсковой больницы для душевно-больных казаков, что у Титовской часовни.

На этом третьем участке необходимо особенно тщательно проследить простирание и падение пластов фельзитов в скалистых, несимметричных по характеру склонах, спусках в Сухотинский „Зал" и в 3-х больших лощинах между Сухотиным и городом, обратить также внимание на террасовидные склоны гребней между 2-й и 3-й лощинами—по юго-восточному склону сопки, проследить (барометрически) высоту соответственных участков террас, т. к. этот материал может дать указания на прежнюю высоту уровня р. Ингоды которая даже несколько веков тому назад текла совсем не там, где течет сейчас.

Так, например, по выходе из Сухотинского ущелья, расставшись с горами правого берега, Ингода раньше текла вдоль наносной террассы, на которой сейчас расположены дачи. Еще и сейчас заметно, что именно эта тарраса была коренным берегом Ингоды в начале нашей эры.

---

*) В Минералогическом кабинете школы II ступени № 1 есть набор кругов и всех принадлежностей для этого.

В первых веках после так назыв. Р. Х. в районе гор. Читы—у оз. Кенона за Архиерейской заимкой, за Антипихой и против теперешней Титовой были поселения древнего человека. Найденные на Кеноне летом 1922 археологом В. Я. Толмачевым бронзовые наконечники стрел указывают, по его мнению, что приблизительно 1000 лет тому назад в местности, где расположен теперь г. Чита, жило какое то маньжурское охотничье племя, одна из стоянок которого, между прочим, была там, где теперь ближайшие к городу Заингодинские дачи.

Т. к. люди любят селиться в ближайшем соседстве с реками, то и указанная стоянка древнего человека является косвенным подтверждением того, что именно здесь раньше текла река Ингода.

Таким образом, долина этой реки в ближайшем соседстве с городом представляет в высшей степени интересный для изучения материал со всех точек зрения—до археологической включительно.

В заключение остается сказать, что необходимо по намеченным здесь вехам, местами лишь предположительно поставленным, *наметить пути к дальнейшему, систематическому и планомерному изучению всех окружающих нас фактов и явлений природы и жизни во всем их многообразии и взаимной между собой связи.*

Необходимо на примерах окрестностей Читы и др. городов Д. Востока *научиться изучать природу и жизнь*—безразлично—в целях ли педагогических ведется изучение или в целях научных.

И лишь тогда и только тогда можно рассчитывать на успешные результаты народного труда в деле подъема благосостояния нашей обширной, богатой естественными рессурсами, но все еще очень слабо изученной страны.

М. Союзов.

Ботанические экскурсии в окрестностях г. Читы.

Что ознакомление с природой должно производиться не только в школе, но, главным образом, среди самой природы—это истина, доказывать которую не приходится. Громадное значение школьных экскурсий, как метода преподавания, признано уже давно и ныне им отводится большое и почетное место в общем плане преподавания. К сожалению, до сих пор существует громадный пробел в разработке методики экскурсий вообще и уж тем более отсутствуют указания на ведение экскурсий в определенных районах.

Нередко и сами руководители школьных экскурсий чувствуют себя не совсем уверенно, не будучи достаточно ориентированы в окружающей природе, затрудняясь подчас ответить на многочисленные запросы юных исследователей; отсутствие плана экскурсии, наряду с малым знакомством с природными условиями и характером района экскурсирования приводят нередко к тому, что экскурсия превращается в увеселительную прогулку, не принося пользы участникам и расхолаживая руководителя.

А между тем, если экскурсию правильно организовать, если составить заранее план предполагаемых работ, зная, что и где можно встретить и на что обращать внимание, то экскурсия превратится в лабораторные занятия с той лишь разницей, что лабораторией тут будет сама природа.

На экскурсии участники должны ознакомиться с составом растительности данной местности, научиться наблюдать этот состав, должны уяснить себе простейшие взаимоотношения между растениями и окружающей средой. Ознакомление с различными биологическими особенностями растений, изучение морфологических свойств, анализ важнейших частей растения и даже самое определение растений по определителю—значительно удобнее, с меньшей затратой времени и несоизмеримо большим успехом может быть проделано также на экскурсии.

Для того, чтобы экскурсия не была увеселительной прогулкой, чтобы она дала тот результат, которого вправе от

нее ожидать, надо, чтобы на экскурсию шел только тот, кто действительно хочет работать и чтобы он был снаряжен соответственным образом.

Опыт личных моих экскурсий показал, что для этого нужно вовсе не так много, как это рекомендуется в различных руководствах. Не надо упускать также из виду и то обстоятельство, что первой целью экскурсии должно стоять изучение, а второй—сбор материала.

Для экскурсии нужно: папку для сбора растений, лопатку или нож для выкапывания, перочинный нож в кармане и записную книжку, а еще лучше—блок-нот. Дома—запас бумаги для сушки и пресс.

Придя на место экскурсии, каждый экскурсант должен отметить в своей записной книжке число, месяц и год экскурсии и географическое место, по возможности, точно. Последнее становится особенно удобным, если пользоваться картой окрестностей г. Читы, изданной Краевым Музеем имени А. К. Кузнецова.

Отметив затем общий топографический характер местности—экскурсант приступает к сбору растений. Практика показывает, что все сведения, требуемые для зафиксирования, должны писаться на листке, тут же на экскурсии и вкладываться вместе с растением, к которому они относятся, в бумагу.

Сведения эти должны быть следующие: является ли данное растение однолетним, двулетним или многолетним, кустарником или деревом. В последнем случае надо отметить средний рост и толщину стволов. Затем отмечается степень распространенности, для чего могут служить три определения: *обильно*—когда данные растения составляют основной элемент растительности; *часто*—когда растения встречаются в значительном количестве в основном растительном покрове и *редко* — когда встречаются одиночными экземплярами. Затем отмечается степень цветения растения, т. е. находится ли оно в данное время в полном цвету, или же с цветами и бутонами, или же только в бутонах.

Одновременно с наблюдением указанного, следует обратить особое внимание на морфологическое строение растения—форма корня, стебля, листьев, листорасположение форму и строение цветка во всех деталях, т. е. тщательно записывая число тычинок, место их прикрепления форму и положение завязи, число столбиков, количество лепестков венчика и чашечки, спайность или раздельнолепестность венчика и проч.

Попутно изучаются биологические особенности цветка, способы его опыления—ветром или насекомыми и в послед-

нем случае — какими насекомыми: бабочками, жуками, шмелями, пчелами, осами, мухами.

Изучая морфологические особенности растения, необходимо не упускать из виду и биологических его особенностей. Здесь же изучаются и фиксируются такие приспособления, как волосяной покров, приземистость, восковой налет, ядовитость, иглы, шипы, колючки, жгучие волоски, формы корневища и его назначение и т. д.

Затем следует обратить внимание, есть ли на данном растении плоды и какие они—зрелые или незрелые. При зрелых плодах надо отметить способы распространения семян: если ветром—то чем они для этого снабжены—хохолком, летучкой или крылаткой; если животными, то есть ли у них зацепки, или колючки, или же плоды сочные.

Личный опыт мне показал, что ознакомление с приемами определения также весьма полезно проводить в поле. Имея дело со свежими, живыми цветами—значительно легче отмечать все его морфологические признаки, чем в кабинете, когда растения приходится размачивать, от чего они теряют свою форму.

Не надо также упускать из виду и то обстоятельство, что на первых шагах изучение по предполагаемой схеме будет итти очень медленно, с большими задержками. Смущаться этим не надо, так как ясно, что опыт появляется не сразу.

Проведенная по предположенному плану экскурсия даст возможность экскурсанту обратить и сосредоточить свое внимание на целом ряде вопросов состава растительности изучаемой местности, на отношениях растений к условиям окружающей среды, ознакомиться с бессчисленным количеством биологических особенностей растений, составить себе ясное представление о флоре родного края, даст толчок к развитию наблюдательности и способности не только уяснять факты, но и находить им объяснение.

Г. Чита находится в удивительно благоприятных условиях в смысле возможностей, ознакомления с растительностью, в массе своей, типичной почти для всего Забайкалья. Находясь на границе лесо-степной области с типичной таежной, окрестности г. Читы позволяют не только изучать растения, как таковые,—но и составить, более или менее ясное представление о характере растительных сообществ, типичных для всего края.

Начнем обзор с северо-востока и востока от города. С этой стороны город окаймлен грядой гор, распространяющихся далеко на восток. Узкие долины горных речек („пади“ — по местному) весьма характерны. Ближайшая к нам такая

„падь“ горной речки „Кайдаловки“, протекающей через город, может послужить нам для изучения растительности, типичной для тайги.

Весьма характерной является разница в составе растительности между южными склонами („солнопеками“) и северными („сиверá“).

Южные склоны заросли сосной (Pinus sylvestris L.) и только весьма изредка можно встретить березу и лиственницу. Подлесок состоит почти исключительно из багульника (Rhododendron dahuricum L.), да изредка встречается таволга (Spiraea). Травянистый покров также весьма беден—песчаная почва не дает возможности развиться богатой растительности.

Резкое изменение обнаруживается, как только мы перейдем на северный склон. Сосны нет. Вместо нее растет наша даурская лиственница—(Larix dahurica Fisch.). Наравне с лиственницей, иногда преобладая, растет береза (Betula alba L. var. verrucosa). В подлеске буйно разростается тот же багульник, но к нему примешивается так же обильно растущий ольховник (Alnaster fruticosus Ldb.), разные виды таволги (Spiraea, Sorbaria Sorbifolia L.), багул (вереск—Ledum palustre L.), некоторые виды ив (Salix)

По дну „падей“, торфяным болотам сплошь зарастает ерник (Betula fruticosa Pall.). Травянистый покров несравнимо богаче, так как условия рельефа оказывают громадное влияние на влажность почвы, накопление перегноя и т. д.

Экскурсируя в этот район ранней весной, мы сможем произвести ряд наблюдений над пробуждением растений после зимнего периода покоя: набухание почек, движение соков—для чего лучшим объектом будет береза, позеленение хвои у сосны и первое появление нашего первенца полей—прострела или ургуя (Pulsatilla patens Mill.) Зачатки его листьев покрыты густым, волосистым покровом в защиту от утренних заморозков, все еще имеющих место в это время.

В это же время можно наблюдать появление сережек на березе, ернике, тополе и осине. Кроме прострела, возможно наблюдать появление розеток листьев василистника (Thalictrum), лапчатки (Potentilla), некоторых осок (Carex stenophylla Wachl.) и некоторых других.

Так как весна у нас в Забайкалье холодная, развитие ее происходит очень медленно, а переход к лету резкий, совершающийся в несколько дней, то после экскурсии, проведенной для наблюдения пробуждения, вторую надо совершать в первых числах июня (нов. ст.).

Июнь месяц будет самым богатым по разнообразию расцветших растений.

Не перечисляя всех представителей формаций соснового и смешанного лесов и горных лугов—укажу на растения, на которых особенно удобно можно изучить различные явления биологического и морфологического характера.

Даурская лиственница (Larix dahurica Fisch.) начинает впервые появляться в Забайкалье, распространяясь отчасти и на Амурскую губ. От заменяющего ее вида в Сибири — сибирской лиственницы (Larix sibirica L.) даурская лиственница отличается меньшим размером по длине шишки (1/3 шишки сибирской лиственницы) с характерной выемкой на вершине составляющих шишку чешуй.

Сосна, наряду с багульником (Rhododendron dahuricum L.), болотным вереском (Ledum palustre L.), брусникой (Vaccinium vitis ideae L.), грушанкой (Pyrola incarnata Fisch.), камнеломкой (Saxifraga bronchialis L.) может дать пример наших вечно-зеленых растений. Опасность высыхания и замерзания устраняется у указанных растений различно. Помимо общего обеднения водой, сосна накапливает смолистые вещества; багульник, грушанка, брусника—дубильные вещества, камнеломка, а также багульник и грушанка образуют большое количество антоциана, почему, напр., у камнеломки зимующие листья красного цвета.

Даурский багульник и болотный вереск свертывают свои листья книзу, тем уменьшая испаряющую поверхность.

Береза (Betula alba L.), ольховник (Alnaster fruticosus L.), сосна, лиственница, некоторые виды осок лесной формации — однодомны. Двудомными растениями являются в нашем лесу: осина (Populus tremula L.), различные виды ив (Salix'ы), тополь (Populus suaveolens L.), кошачья лапка с различной окраской (красной и белой) мужских и женских соцветий.

Явления *протерогинии*, т. е. приспособления для перекрестного опыления, выражающегося в том, что сначала в цветке созревает рыльце у пестика, а потом уже тычинка — можно наблюдать у следующих растений: вороний глаз (Paris obovata Ldb.), майник (Majanthemum bifolium L.), ольховник, береза, крупка (Draba lutea L.), земляника (Fragaria vesca L.), багульника (Rhododendron dahuricum L.).

Для наблюдения явлений *протандрии*, т. е. когда сначала созревают тычинки, а потом уже рыльце, могут служить: жимолость (Lonicera edulis Turcz.)—кустарник, который, хоть и изредка, встречается в „падях“ речек, служащих бассейном р. Песчанки; растения из семейства зонтичных (Umbelliferae, как напр. Staenococlium divaricatum Turcz., Bupleurum Sphallerocarpus Cyminum L.—встречающийся по мусорным отвалам в сосновом лесу вблизи города), звездчатки (Stellaria), хохлатки Corydalis), сочевичники (Orobus lathyroides L.).

Из перечисленных выше растений—все хвойные, ольховник, береза, тополь, осина, все злаки и осоки—могут служить примером растений опыляющихся ветром.

Опыление насекомыми происходит у громадного большинства растений, при чем здесь нужно различать разнообразие способов привлечения насекомых.

Помимо окраски цветов—запахом привлекают: майник, купена (Polygonatum officinale All. и Polygonatum humile Fisch.), бузина (Sambucus racemosa L.), растущая по склонам гор в каменных россыпях, шиповник (Rosa acicularis Lind. и R. Gmelini), барбарис (Berberis sibirica Pall.), растущий, как и бузина в россыпях, особенно в значительном количестве по гребню горы, что справа ограничивает долину р. Кайдаловки, различные виды лесных фиалок (Viola sylvatica Lam., V. Gmeliniana R. et Schul.) и др.

Совместно с запахом, или независимо от него, привлекают насекомых выделением сладкого сока—нектара: купена, майник, черная смородина—(Ribes nigrum L.), барбарис, голубица (Vaccinium uliginosum L.), багульник, ивы, княженика (Rubus arcticus L.), костяника (Rubus saxatilis L.), зонтичные, фиалки, сочевичник (Orobus lathyroides L.), проломники (Androsace filiformis Retz., Androsace septentrionalis L.), многие из семейства губоцветных, сложноцветных и т. д.

Из перечисленных растений обращают на себя внимание устройством особо крупных нектарников фиалки и волкобой или борец (Aconitum Napellus L. и A. septentrionalis Kölle).

Обилием цветени отличаются: шиповники, таволги (Spiraea), прострелы (Pulsatilla patens Mill и Pulsatilla vulgaris Mill.), ветреницы (Anemone Sylvestris L.), ивы.

Главной приманкой для привлечения насекомых служит яркая окраска цветов—вывеска, указывающая насекомым, где они смогут найти себе пищу. Чтобы сделать эту вывеску более заметной, мелкие цветы собираются в соцветия. Примером служат: таволги с соцветиями в виде щитков, майник, багул и багульник, ивы, астрагалы, горошки, зонтичные, сложноцветные и т. д.

Окрашен не венчик, а чашечка—у прострелов, гравилата, (Geum aleppicum Jacq.). Окрашены тычинки или пестики у вороньего глаза, ивы, василистников (Thalictrum aquilegifolium L., Thalictrum strectum L.), Обвертка окрашена у кошачьей лапки (Gnaphalium dioicum L.).

Обширное поле для наблюдений—выяснение опыляющих насекомых. Весьма ценный материал могут дать правильно и терпеливо обставленные наблюдения в этой области.

Для примера приведем небольшой перечень растений лесной формации: пчелы и шмели опыляют жимолость, красную

смородину (Ribes pubescens Hedlund.), барбарис, бруснику, ивы, хохлатки (Corydalis sibirica Pers.), фиалки, горошки (Vicia amoena L., Vicia pseudo-orobus Fisch. и др.), сочевичник (Orobus lathyroides L.), троелистку (Trientalis europaea L.), мытники (Pedicularis euphrasioides Steph, P. rubens Steph., P. sadetica Ldb. и др.), губоцветные и др.

Мухами и жуками опыляются таволги, бузник, черная смородина (Ribes nigrum L.), земляника, вороний глаз, звездчатка (Stellaria media L. и др.), зонтичные.

Помимо способа размножения семенами растения обладают способностью размножаться т. назыв. безполым или вегетативным путем. Размножение это может производиться путем образования корневой поросли, при помощи ветвистых корневищ, наземными укореняющимися побегами, луковицами, придаточными почками на листьях, отводками и т. д.

Для ознакомления с размножением корневой порослью объектами могут служить: осина, тополь, барбарис, шиповник, береза, ольховник, ползучая ива (Salix repens L.). Форму корневищ и размножение ими в особенности удобно изучать на следующих растениях: купена (Polygonatum), многие из лесных осок, вороний глаз, троелистка (Trientalis europaea), хвощи (Equisetum).

Укореняющимися наземными побегами размножаются: земляника (Fragaria vesca L.), гусиная лапчатка (Potentilla anserina L.), отводками – смородина, малина (Rubus idaeus L.— растет в россыпях). Черенками размножаются ольха, тополь, ива.

Придаточные почки на листьях можно наблюдать на чистотеле (Chelidonium majus L.), растущей в указанном районе в старых каменоломнях, россыпях и на отвалах заброшенных кирпичных сараев в верховье р. Кайдаловки.

В высокой степени интересными и важными в смысле изучения зависимости формы растений от условий окружающей среды, являются приспособления, связанные с испарением воды и отношением к свету.

Как уже упоминалось, резкая разница между растительностью южных склонов и склонов северных, является следствием различных условий освещения и связанной с этим различной влажности почвы.

Растительность южных склонов составляют, как уже было указано,—сосна, редко береза и осина, с подлеском из багульника и незначительным травянистым покровом.

Уменьшение испарения, необходимое растениям в связи с сильным освещением и недостатком влаги, достигается различными способами. Сосна имеет мелкие листья—хвою. Так

же мелки, или узки листья лесных осок, песчанок (Arenaria), злаков, бурачков (Alyssum lenense Adams и Alyssum alpestre L.), кошачьей лапки, козельца (Scorzonera radiata Fisch.). Багульник (Rhododendron dahuricum L.) имеет кожистые листья, свертывающиеся в сухую погоду. Сочными, толстыми листьями, способными сохранять запас воды, снабжены растения из сем. толстянковых (Crassulaceae): „заячья капуста"—Cotyledon malacophyllum Pall.), очиток (Sedum aizoon L. и Sedum elong tum Ldb.).

Растущая в сосновом лесу войлочная вероника (Veronica incana L.), кошачья лапка (Gnaphalium dioi:um L.), прострелы (Pulsatilla), гусиная лапчатка и целый ряд других растений густо покрыты белыми или рыжеватыми волосками, в особенности, обильно покрывающими нижнюю сторону листа, где расположены устьица.

Растущий на песчаной почве кичим (Gypsophylla dahurica Turcz.)—имеет на листьях восковой налет.

Лесная камнеломка (Saxifraga bronchialis L.), каменистая звездчатка (Stellaria petraea Bge) осоки(Carex stenophylla Wahlb.)—образуют густые дерновники.

Наконец астрагал (Astragalus membranaceus Fisch.—с желтыми цветами—пускает очень глубоко свои стержневые корни.

Северные склоны находятся в иных условиях. Влаги больше, но меньше света и меньше тепла. Травянистые растения развиваются значительно пышнее чем в сосновом лесу. Листья крупные, стебли высокие, корни глубоко не идут и преимущественно мочковатой формы.

Густой покров из деревьев и кустарников создает благоприятные условия для растений тенелюбов.

В состав травянистых растений смешанных лесов входят: таволга травянистая (Spiraea digitata Willd.), акониты (Aconitum Napellus, A. septentrionalis Kölle), василистники (Thalictrum aquilegifolium L. и др.), бубенчики (Adenophora denticulata Fisch., Adenophora verticillata Fisch. и др.), ветреницы (Anemone sylvestris L.), водосборы (Aquilegia viridoflora Pall.), колокольчики (Campanula glomerata L.), орхидные (Gymnadea conopsea R. Br. Cypripedium guttatum Swarz, Cypripedium Calceolus L., Cypripedium macranthon Sw.), герани (Geranium Wlassowianum Fisch., Geranium eriostemon Fisch.), чины (Lathyrus humile Fisch.), горошки (Vicia amoena L.), вороний глаз, валериана—маун (Valeriana officinalis L.) корни которой, между прочим, имееют громадное лекарственное значение—и многочисленный ряд других растений, из которых некоторые достигают весьма большого роста.

Здесь же обильно заростает грушанка (Pyrola incarnata Fisch.) и брусника (Vaccinium vitis idaea L.) со своими вечно

зелеными листьями, богатыми дубильной кислотой, служащей, между прочим, и защитой от поедания животными.

Многие растения лесной формации могут служить удобным объектом для наблюдения развития антоциана, помогающего превращению световых лучей солнца в тепловые. Шиповник, барбарис, бузина, ольховник, осина, лесная ветреница, таволга травянистая, земляника, княженика—очень часто окрашивают листья или сережки (ольха) в красный цвет.

Интересно также проследить различные способы питания—при чем из лесных растений обращают на себя внимание наши крупные орхидеи или „башмачки", как их зовут по местному (Cypripedium)—являющиеся сапрофитами.

На корнях, а иногда и на стволах березы, осины и ольховника можно, хотя и очень редко, встретить паразитов из цветковых растений—это заразихи (Orobanche и Boschniakia).

Очанка, (Euphrasia odontites L. или Odontites rubra Pers.) часто встречающаяся по смешанным лесам—является полупаразитом.

Наконец, такие растения, как голубица (Vaccinium uliginosum L.), багул (Ledum palustre L.), вороний глаз – интересны, как пример грибоядных растений, у которых микориза (грибные нити) не только снаружи, но и в корнях.

В заключение обзора лесной формации надо указать еще и на то обстоятельство, что здесь возможно найти богатый материал по ознакомлению со споровыми растениями. На склоне горы, что слева окаймляет р. Кайдаловку, можно в изобилии найти папоротники, правда, весьма немногочисленных видов.

Несколько видов хвощей растут как по северному склону, в смешанном лесу, так и на южном, на песчаной почве (Equisetum arvense L., Equisetum sylvaticum L. и др.)

Не надо забывать, что отыскивание спороносных колосков хвощей надо производить в начале лета; в остальное время встречаются только облиственные экземпляры.

На пнях, сваленных деревьях и, наконец, на здоровых стволах березы, ивы, ольхи, сосны, лиственницы и др.—встречаются разнообразные представители высших паразитических грибов (роды Polyporus, Tremetes и др.).

Северные склоны—место обитания многочисленных представителей лишайников и мхов. Было бы весьма затруднительно перечислять все виды, тут встречающиеся, но необходимо отметить, что споровые растения Забайкалья вообще

изучены очень слабо и всякая толково проведенная работа в этом направлении принесет большую пользу.

Наконец, август месяц, с его „более или менее, определенным дождевым периодом“—это время появления высших шляпочных грибов—рыжиков, масленок, березовиков, мухоморов и т. д.

Низшие паразитические грибы можно изучить: Exobasidium Vaccinii—на бруснике, Gymnoconia interstiviale Lag.—на княженике (Rubus arcticus L.), Phragmidium tuberculatum Mull. на шиповнике, Sphaerotheca Humuli Bur—на таволге (Spiraea digitata Willd.).

Если мы теперь из леса перейдем на противоположную сторону города, то встретим так называемую Троицкую или Титовскую сопку, ограничивающую город с запада.

Чисто выраженного лесостепного характера Титовская сопка покажет нам совершенно иную картину растительного царства, чем лесной, северо-восточный район.

Мы встретим здесь очень мало растений, которые мы встречали в лесу, но зато будем иметь возможность познакомиться с целым рядом, весьма многочисленным, растений совершенно иных.

На склонах, обращенных к востоку и югу, мы почти не встретим ни сосны, ни лиственницы, только на юго-западе и западе по вершинам горы заростает сосна.

Резко ограничиваются овраги, которыми изрезана сопка, густым березовым лесом, заростающим по теневому склону оврагов—картина, весьма характерная для лесо-степи.

По каменистому склону, почти сплошь покрытому щебнем и мелкой дресвой, растут иные представители кустарниковых пород. Здесь мы встретим кизильник (Cotoneaster nigra Fries) с его характерными листьями, густо опушенными снизу волосками в защиту от испарения; крушину (Rhamnus dahurica Pall.) с ее кожистыми твердыми листьями; виды таволги (Spiraea thalictroides Pall., Spiraea alpina L., Spiraea chamaedrifolia L.), яблоню (Pyrus baccata L.), черемуху (Prunus padus L.), на которой можно познакомиться с целым рядом интересных явлений: протерогинией, привлечением насекомых собранием цветов в соцветие, обладающих сильным запахом, самоопылением в конце цветения, в случае если перекрестное опыление почему либо не удалось, повислостью цветов, как защитой пыльцы от дождя и т. д.; боярышник (Crataegus sanguinea Pall.) с ее цветами запаха трупа для привлечения мух, которыми производится опыление.

Изредка можно встретить персик (Prunus sibirica L), характерный своим цветением крупными белыми цветами до появления листьев.

У подножия горы, против третьего оврага, считая от психиатрической лечебницы, у дороги, что идет на деревню „Засопка“, растет весьма немногочисленная группа, редких для окрестностей Читы (встречается еще только по берегу озера Кенон) и не встречающихся западнее, ильмов из сем. вязовых (Ulmus pumila L.). Отличный пример семян, снабженных крыльями для распространения ветром, дают семена вяза.

Травянистые растения носят на себе резкий отпечаток окружающих условий степного характера. Линейность листьев, соединенная, как это бывает у встречающегося по склонам гор ковыля (Stipa capillata L.) со свертыванием в желобок; белый цвет от густого волосистого опушения у вероники (Veronica incana L.). эдельвейса—львиной лапы - (Leontopodium alpinum Cass.), лапчатки (Potentilla leucophylla Pall.), крупки (Draba lutea L.), крестовника (Senecio campestris Dc.) и многих других.

Из редко встречающихся растений здесь можно найти молочай (Euphorbia Pallasii Turcz.) с его мощным, толстым, в руку человека, многоглавым корнем, богатым запасом воды. У молочая интересно приспособление для перекрестного опыления , выражающееся в том, что пестик, сидящий в цветке на стебельке, после опыления его пыльцей, свешивается вниз и только тогда вырастают тычинки.

Это же явление можно наблюдать и у другого вида молочая (Euphorbia Ezula L.), которого особенно много в так называемом „дворце“ за „Сухотиной могилой“.

По щебнистым осыпям южных склонов оврагов встречается ползучее растение —Menispermum dahuricum Dc., вьющееся наподобие хмеля. На этом растении, лучше, чем на каком другом, можно наблюдать мозаику листьев. Между прочим Menispermum является представителем семейства, не встречающегося западнее.

В изобилии растущая в июне месяце кудрявая сарана (Lilium tenuifolium Fisch.) формой цветка, с отвороченными и загнутыми вниз лепестками и существованием желобка с медовым соком являет собой прекрасный пример приспособленности к опылению специально бабочками. К концу цветения возможно самоопыление изгибанием столбика, прямого в начале цветения, и прикладывания его к тычинкам.

Протерогиническими цветами являются боярышник, яблоня, крупка, вероника; протандрическими—крушина, ли-

пучка (Echinospermum Lappula L.), журавельник, одуванчик и др.

Спустившись к подножию горы, где расположены пашни крестьян Титовского поселка, мы сможем ознакомиться с сорной растительностью наших культурных полей. В посевах овса мы найдем розовые цветы куколя (Agrostemma Githago L.), на котором можно проследить за интересным приспособлением к перекрестному опылению, заключающемуся в том, что сначала пылят тычинки внешнего круга, затем созревает рыльце, а под конец цветения появляются тычинки второго круга, которыми производится самоопыление. Семена куколя очень ядовиты и значительная примесь их в зернах, делает ядовитыми и последние.

Жабрей (Galeopsis Tetrachit L.) внешним своим видом, для неопытного глаза, напоминает отчасти крапиву, что служит ему защитой от поедания животными; повелица (Polygonum Convolvulus L.) вьющееся растение, плотно обвивающее стебли культурных растений, препятствуя тем их нормальному развитию.

Пырей (Agropyrum repens L.), размножающийся, главным образом, корневищем, образуя мощную сеть последнего в земле.

Перечник (Lepidium micranthon Ldb.), гулявник (Sisymbrium Sophia L.), лебеда (Blytum polymorphum L.) и др.—дают громадное число семян, что является большим преимуществом в борьбе за существование.

На культурных растениях—пшенице, яровой ржи, ячмене—можно изучить некоторые из паразитических грибов, из которых наибольшее значение имеют головня и спорынья. Спорынья (Claviceps purpurea L.—сумчатый гриб, порядка пиреномицетовых—Pyrenomycetes). В первой своей стадии спорынья покрывает завязь пораженного растения белым мицелием, отчленяющим от вертикально отходящих веточек многочисленные конидии и выделяющим липкую и вонючую жидкость, так называемую „медвяную росу"—привлекающую насекомых.

При помощи разноса насекомыми конидий спорынья заражает соседние растения.

Вторая стадия—образование из мицелия разросшегося и плотно переплетшегося своими нитями—склероция или рожка, темно-фиолетового цвета, который торчит из колоса.

В таком виде спорынья перезимовывает в почве, а весной простает в грибочки, состоящие из стебелька и шаровидной головки, в которую погружены перитеции—плодовые тела, заключающие в себе большое число сумок—аскусов, содержащих споры. Споры эти, по созревании, вновь зара-

жают цветущие растения. Рожки спорыньи имеют весьма большое лекарственное значение.

Головня (Ustilago, базидиальный гриб) тоже живет паразитами, при чем наиболее опасны из них те, которые, как и спорынья, поражают завязи. Пронизывая своими нитями завязь, они образуют споры черного или темно-бурого цвета. В особенности опасна головня у пшеницы, так как споровая пыль не рассыпается, как например—у овса, а остается замкнутой в оболочке зерна, почему и попадает в муку, придавая ей неприятный селедочный запах.

Для изучения растительности заливных лугов и водной—удобным районом являются места вверх по р. Чите, в окрестностях деревень Каштак и Смоленской. Здесь р. Чита образует безчисленное количество стариц, озерков, заливов и т. д. Впадающие в р. Читу мелкие горные речки и бьющие из гор ключи разливаются в болота.

Древесная растительность по берегам реки представляет своеобразную картину, не имеющую себе подобной, в уже рассмотренных нами районах.

Преобладающими являются многочисленные виды ив, образующих сплошные заросли по берегам реки. Ранней весной на них легко изучать первые признаки пробуждающейся жизни, проявляющейся в разбухании и освобождении от чешуи сережек, густо покрытых волосками в защиту от утренников.

Также очень распространен тополь (Populus suaveolens L.), у которого интересны его почки, обильно покрытые смолистым и душистым соком в защиту от низкой температуры.

Подлесок состоит из сибирского дерна (Cornus sibirica Ldb.), у которого большую часть его вегатационного периода листья окрашены в красный цвет от антоциана—значение которого уже разъяснялось выше.

Кроме дерна встречаются густые заросли боярышника, черемухи, яблони, тараножки (Ribes diacantha Pall.), видов таволги (гл. образом Spiraea salicifolia L.—с розовыми цветами), шиповника. Травянистый покров отчасти схож с таковым же соснового леса.

Гораздо больше объектов для интереснейших наблюдений дадут многочисленные озерки и старицы р. Читы. Здесь нетрудно найти наше единственное насекомоядное растение—пузырьчатку (Utricularia vulgaris L.). Лишенная корней, пузырьчатка свободно плавает в воде. Питательные вещества впитываются листьями, заменяющими пузырьчатке корни. Из воды выставляется только цветочная стрелка с неправильными, зевообразными, желтыми цветами. Подводные ветви,

с мелко рассеченными листьями, снабжены пузырьками, которые есть ни что иное, как видоизмененные листья. Пузырьки эти снабжены клапаном, открывающимся внутрь, через который попадают в пузырек, увлеченные током воды или собственным движением, мелкие насекомые, ракообразные и др.

Пойманные животные разлагаются внутри пузырька и всасываются растением при помощи особых волосков, которыми усажена внутренняя полость.

Очень часто можно встретить озерки сплошь заросшие очень мелким (самым мелким из цветковых) растением—ряской (Lemna minor L. и Lemna trisulca L.).

Ряска также не имеет корней, а только заменяющие их корневидные листья. Что же касается пластинок, из которых состоит ряска, то ботаники склонны думать, что это не листья, как это казалось бы с первого взгляда, а особая форма стебля, так назыв. кладодий.

Размножается ряска только вегетативно—побегами и почками для перезимовывания опускаясь на дно водоема.

В старицах очень часто можно встретить белую кувшинку (Nymphaea tetragona Georgi). Цветы ее плавают на четырех чашелистиках, имеющих форму лодочки. При рассматривании цветка легко обнаружить, что лепестки венчика постепенно уменьшаются в величине к середине цветка, затем, дальше к середине на лепестках появляются желтые полоски и, наконец, идут самые тычинки, так что весь переход, доказывающий происхождение тычинок и вообще частей цветка из листьев, весьма нагляден и убедителен. Характерно также для кувшинки закрывание цветка к ночи и погружение его под воду, что достигается скручиванием стебля.

У другой кувшинки—желтой (Nuphar luteum Sm.) следует обратить внимание на способ распространения семян—водой. Семена кувшинки очень тяжелы и, выпадая из оболочек по созревании, они неминуемо бы затонули. Что бы этого не могло случиться—тяжелая скорлупа плода отделяется от легкой внутренней оболочки, плод раскалывается по числу перегородок на части, в которых семена окружены слизью, замыкающею пузырьки с воздухом. Части плода, благодаря этому, плавают и только после долгого странствования набухают настолько, что тонут, опускаются на дно и там про ростают.

Замечательны роголисты (Ceratophyllum demersum L.), свободно плавающие в воде и совершенно не выставляющиеся из под нея, совершая все функции, вплоть до цветения и оплодотворения там же, под водой.

Часто встречающиеся в озерках: ужовник (Lymnanthemum nymphoides Hoffm. et Link.), стрелолист (Sagittaria natans Pall.),

водяная сосенка (Hippuris vulgaris L.), гречиха земноводная (Polygonum amphibium L.), калужница (Caltha natans Pall.), водный лютик (Ranunculus aquatilis L.)—все они достойны изучения, как имеющие две формы листьев—плавающие и воздушные. Из них водяная сосенка и водный лютик всегда несут на себе двоякой формы листья; остальные изменяют свои формы в зависимости от изменения условий существования.

У растущего по болотам и берегам озер болотного касатика (Iris laevigata Fisch.)—широкие, лепестковидные рыльца пестика, благодаря искривлению, обращенному своей выгнутой частью книзу, служат защитой плотно прилегающим к ним тычинкам от дождя.

Цветы касатика, протандрические, опыляются специально шмелями. Хорошо также развито у касатика и удобно для изучения—корневище. Растущая в озерах у берегов каймой вахта или троелистка (Menyanthes trifoliata L.), ценящаяся, между прочим, как лекарственное растение, позволяет ознакомиться с явлением *гетеростилии*—приспособлением для перекрестного опыления, заключающемся в том, что тычинки и пестик в разных цветах различной длины (разностолбчатость). В одних цветах столбик длиннее тычинок, в других—он короче; очевидно, что в случае, когда столбик длиннее тычинок, самоопыление исключено. Между прочим вахта, как и вышеупомянутый касатик, имеет защитные приспособления от ползающих насекомых, которые в опылении участия принять не могут, но могут принести вред растаскивая нектар, или иным способом, выраженные у ней в том, что под медоносной впадиной находится густой войлок из длинных волосков, окружающих внутреннюю поверхность венчика, а у болотного касатика (и у касатиков вообще) тем, что тычинки прикрыты внутренними лепестками венчика.

По сырым лугам и кочкам болот в изобилии растут в начале лета первоцветы (Primula sibirica Jacq. и Primula farinosa L.), у которых, как и у вахты, можно наблюдать разностолбчатость (гетеростилию).

Для изучения растительности солончаковых почв следует продлить несколько маршрут и дойти до озера „Угдан“. Пресное озеро, лежащее в правом углу впадины, если смотреть от города, даст тот же материал, что и озера и старицы по р. Чите, с той разницей, что здесь встретятся в изобилии настоящие камыши (Scirpus sylvaticus L., Scirpus Tabernae montani Gmel., Scirpus maritimus L.), тростники (Phragmites communis L.), которые у нас неправильно зовут камышами и которые в защиту от поедания содержат в своей золе громадное количество кремневой кислоты; рогозы (Spar-

ganium и Typha), частухи (Alisma Plantago L.), с их большим разнообразием форм листьев, аир (Acorus Calamus L.), с его соцветием—початком и длинными корневищами, ценными, как лекарственный материал, вех ядовитый (Cicuta virosa L.), ядом которого был отравлен Сократ, и много других.

Берега так называемого „гужирного" озера покрыты галофитной растительностью, приспособленной к содержанию натровых соединений и других соединений в почве, которые для других растений являются смертельным ядом.

Здесь мы встретим несколько видов солончаковых полыней (Artemisia maritima L., Artemisia anethifolia L. и др.), кермек (Statice flexuosa L.), Glaux maritima L., солеросы (Salicornia), лебеду (Atriplex litteralis L.) и целый ряд других растений, интересных своим внешним обликом, окраской и другими признаками.

Окружающие озеро холмы покрыты типичной степной растительностью, с участками, в некоторых местах, чистой танацетовой степи (Tanacetum sibiricum L.). Обращают на себя внимание: эхинопс (Echinops dahuricus Fisch.), своими шишками соцветий и колючими листьями, как защита от поедания; тысячелистник (Achillea Millefolium L.)—лекарственная трава, с ее противным запахом, отталкивающим животных; серпуха (Serratula centaurioides L.), корень которой употребляется местным населением, как красящее вещество, дикий лук—мынгырь (Allium odorum L. и Allium Anisopodium L.), живокость (Delphinium grandiflorum L.) с протандрическими цветками, Termopsis lanceolata R. Br., „вострец" или „острец"—(Agropyrum pseudoagropyrum Franch.), достойный внимания, как превосходный корм для скота и много других.

Для ознакомления с чисто луговой растительностью удобным районом также являются луга за р. Ингодой по направлению к устью р. Молоковки, а лежащий против р "Антипиха" так назыв. „Глухой" остров по характеру своей растительности будет совершенно схож с долиной р. Читы.

Экскурсия в этот район может быть соединена также и с ознакомлением с растительностью северных склонов, близко подходящих к реке, гор и водной растительностью, так как долина р. Ингоды также богата озерками и старицами.

В состав луговой формации, пожалуй, самой обширной, входят в указанном районе следующие растения, на которых не мешает остановить внимание начинающих: щавели (Rumex acetosa L. и Rumex acetosella L.) как двудомные, опыляющиеся ветром и у которых раньше, чем у кого либо появляется антоциан; калужница (Caltha palustris L.), лютик едкий (Ranunculus acer. L), горицвет (Lichnis sibirica L.), журавельник

(Erodium stephenianum Willd.), гравилат (Geum aleppicum L.), вероники (Veronica sibirica L. с мутовчатыми листьями, Veronica grandis Fisch., Veronica maritima L.)—все с протерогиническими цветами.

Касатик (Iris sibirica L.), зонтичные (Bupleurum scorzoneraefolium Willd., Peucedanum humile Turcz.), одуванчик, крестовник и др. имеют протандрические цветы.

Купальница (Trollius Ledebourii Reich.) образует особо крупные нектарники; у ней же, а также у гравилата (Geum aleppicum L.) окрашены не венчик, а чашечка. Самоопыление в конце цветения можно наблюдать у лютика едкого, гравилата, звездчатки (Stellaria graminea L.), лугового сердечника (Cardamine pratensis L.), пастушьей сумки (Capsella bursa pastoris L.), незабудки (Myosotis sylvatica L.), крестовника (Senecio vulgaris L.)

Череда (Bidens tripartita L.) и липучка (Echinospermum lappula L.) имеет семена с прицепками, для разноса животными. Пушицы (р. Eriophorum), козлобородник, крестовник, одуванчик и другие сложноцветные имеют семена с летучками.

Луговой сердечник (Cardamine pratensis L.) разбрасывает свои семена при растрескивании плодов. Семена гусиного лука (Gagea pauciflora Turcz.) разносятся муравьями. Многочисленные осоки и злаки характерны опылением ветром, однодомностью (осоки), вегетативным размножением.

Чемерица (Veratrum album L.) сильно ядовитое растение имеет особо резко выраженную приспособленность к поливанию своих корней дождевой водой, что достигается воронкообразным строением листа. У ней же можно наблюдать так называемую мужскую однодомность, выражающуюся в том, что наряду с обоеполыми цветами, встречаются женские цветы.

Весьма интересные в биологическом отношении и почти совершенно неизученные для Забайкалья низшие растения, главным образом, из группы Слоевцовых (Thallophyta)—сине-зеленые водоросли, зеленые водоросли, конъюгаты, хары, диатомеи и др. могут быть отыскиваемы во всех сырых местах и водных вместилищах.

Так, диатомеи обнаружены в грязи озера Угдан, сине-зеленые водоросли можно найти весной в лужах от тающего снега, Spirogyra найдена в озерках в долине р. Читы, хара (Chara sp.) в озере за рекой Ингодой против „Сухотиной" могилы.

Богато, в частности, водорослями оз. Кенон, зацветающее ими в июле месяце.

В озерках вдоль линии железной дороги между городом и Дальним вокзалом можно также найти богатый материал.

Указатель тем для ботанических таблиц.

Признано, что преподавание идеальнее всего проводить на самих растениях, а не пользоваться нарисованными таблицами. С другой стороны, наиболее жизненными являются коллекции, где собраны растения не в систематическом порядке, а по их морфологическим и биологическим признакам. Наиболее важным надо считать знакомство с жизнью растения, знания систематики полезны только для более быстрого отыскивания нужного материала. Предлагаемый список тем ни в коем случае не претендует на полноту и на систематичность. Жизнь растений настолько разнообразна, что перечислить все ее формы—задача весьма трудная. Предлагаемый указатель представляет собой скорее всего схему, по которой каждый интересующийся может создать свой собственный план.

I. Биология листа.

1. Насекомоядные растения—пузырьчатка.
2. Лист, как носитель органов размножения—листья папоротников.
3. Приспособления от поедания животными:—а) жгучие волоски (крапива), в) дубильные вещества (брусника, грушанка), с) колючки (татарник, эхинопс, крестовник), d) ядовитый сок (вех ядовитый, лютик едкий, волкобой), е) кремнекислота (Arundo phragmites L.).
4. Защита от излишков испарения:—а) волоски (вероника войлочная, эдельвейс, мак), в) линейность листьев (злаки, осоки), с) восковой налет (кичим), d) кожистость (брусника, грушанка).
5. Плавающий лист—гречиха водная, кувшинка, стрелолист и др.
6. Дыхание листа—окрашивание в красный цвет от антоциана (щавель, земляника, камнеломка).
7. Отвод дождя:—а) к корням (чемерица, подорожник, башмачки), в) от корней (ива, тополь, береза).
8. Повреждения листа:—а) галлы от укусов (ива, полынь), b) раковые опухоли (Spiraea digitata Willd).
9. Разнолистие—лютик водный, гречиха земноводная, патриния скабиозолистная, Alisma Plantago L.

II. Формы корней.

а) Мочковатый, b) стержневой, с) клубневидный (Orchis, кукушкины слезки).

III. Стебель.

а) Травянистый, b) деревянистый, с) корневище (купена, аир, касатик, пырей), d) луковица (кудрявая сарана), е) наземные побеги (гусиная лапка, земляника), f) вьющиеся стебли (повелика, хмель, Menispermum).

IV. Морфология листа.

1. Развитие листа—(черемуха, рябина, тополь, папоротник).

2. Прицветник (татарская астра).

3. Части листа: прилистник, черешок, пластинка. Форма прилистников: а) листовой (кровохлебка), b) чешуйчатый (злаки: овес, ячмень).

4) Форма листа. А. Цельный: а) круглый — грушанка, b) овальный—чина, с) эллиптический—ива, d) удлиненный—ива корзиночная, е) яйцевидный—сочевичник, f) копьевидный—щавель, g) стреловидный—стрелолист, h) серцевидный—майник, i) линейный—злаки, осоки, k) шиловидный—хвоя сосны.

В. Лапчатонадрезный (смородина). С. Лапчаторассеченный (ургуй, полевая герань, ветренница). D. Перистонадрезанный (соссюрея, одуванчик, татарник).

Е. Сложные: а) тройчатый (земляника), b) лапчатый (конопля, крестовник даурский), с) перистый (горошки, угрюм, рябина).

5. Нерватура листа: а) прямая (однодольные: чемерица, майник, купена) b) пальчатонервная (смородина, герань полевая), с) перистонервная (тополь, береза).

6. Расположение листа на стебле: а) супротивное (шлемник, Veronica maritima L.), b) очередное (багульник, иван-чай, сарана), с) мутовчатое (северный подмаренник, сибирская вероника).

7. Форма края пластинки: а) цельнокрайняя—(купена, башмачки), b) пиловидная—(тополь, береза), с) городчатая—(лютик), d) зубчатая—(шиповник).

V. Морфология цветка.

1. Анализ цветка: а) тычинка, b) пестик, с) чашечка, d) венчик—(пион, лилия, герань). 2. Розетковый (роза, пион, мак). 3. Крестовидный (капуста, редька). 4. Колесовидный (горе-

чавка, вероника, картофель). 5. Двугубый (льнянка, шлемник). 6. Личинковый (царский скипетр, мытники). 7. Язычковый (подсолнух, поповник). 8. Шпорчатый (живокость, фиалка). 9. Мотыльковый (горошки, астрагалы, Termopsis lanceolata R. Br.).

VI. Форма соцветий.

a) Кисть (шлемник, льнянка, горошки), b) колос простой (подорожник, вероника, кукушкины слезки, рачьи шейки), c) колос сложный (злаки), d) початок (аир—Acorus Calamus, рогоз—Typha), e) сережка (береза, осина), f) зонтик простой (яблоня, лук дикий), g) сложный (зонтичные), h) щиток (боярышник, таволга, болотный вереск), i) головка (клевер), k) корзинка (зонтичные), l) развилина (ясколка, кичим).

VII. Биология семени и плода.

1. Сочные плоды: a) ягода (смородина, брусника, голубица), b) костянка (черемуха). 2. Сухие плоды (орех, зерновка, коробочка, стручек, боб, семянка). 3. Ложный плод (шиповник). 4. Сложный плод (малина). 5 Распространение животными (сочные плоды). 6. Прицепляющиеся плоды и семена (липучка, череда, лесная ветренница, гравилат). 7. Распространение ветром: a) летучки (пушица, ива, прострел, одуванчик, козлобородник), b) крылатки (ильм, береза, ольха, сосна), c) плавающие (болотный касатик, ольха, желтая кувшинка). 8. Выбрасывание семян (сердечник луговой, молочай, фиалки).

VIII. Безполое размножение.

1. Корневищами (хвощи, пырей, купена, ирис болотный, аир, вахта, Naumburgia). 2. Клубни (картофель, аконит). 3. Наземные побеги (земляника, костяника, гусиная лапка). 4. Черенки (ива, тополь). 5. Отваливающиеся почки (гречиха живородящая). 6. Придаточные почки на листьях (чистотел). 7. Луковицы (гусиный лук).

IX. Биология цветка.

1. Опыление ветром. 2. Опыление насекомыми (привлечение яркой окраской, запахом, нектаром, обилием пыльцы, окраской других частей цветка, а не венчика). 3. Опыляющие насекомые (цветы, опыляющиеся мухами, шмелями, осами, бабочками, жуками). 4 Протерогиния. 5. Протандрия. 6. Гетеростилия. 7. Самоопыление (клейстогамия). 8. Гейтоногамия (опыление пыльцей соседних по соцветию цветов).

В. Союзов.

Опыт фенологических наблюдений в окрестностях г. Читы.

Наблюдая периодические явления в жизни животных и растений, ботаники и зоологи установили связь их с ходом климатических явлений.

Появление листьев, цветение, созревание плодов и опадение листвы у тех или иных растений происходит при определенном состоянии данных климата (температура, давление, осадки).

То же самое замечено в отношении главнейших моментов жизни животных (прилет птиц, их гнездование и др.).

Отдел естествознания, занимающийся изучением связи, существующей между ходом явлений метеорологического характера и важнейшими моментами жизни растений и животных, носит название фенологии, а самые наблюдения с целью установления этой связи фенологическими.

Разработка данных, получаемых во время фенологических наблюдений, имеет большое значение для науки, а особенно того ее отдела, который занимается выяснением условий существования животных, т. е. биологии.

С целью использования получаемых данных в практической жизни, главным образом, в области сельского хозяйства, при фенологических наблюдениях отмечают также наступление и окончание различных сельско-хозяйственных работ.

Сельско-хозяйственные работы часто приурочивают к моменту появления некоторых птиц и цветения известных растений. Так, во время цветения боярышника в Европе сеют люцерну, в некоторых местах России лен начинают сеять, когда прилетит кукушка, т. к. в это время прекращаются весенние заморозки и устанавливается прочная теплая погода; время для яровых посевов совпадает с прилетом деревенских ласточек и т. д.

Фенологические наблюдения не представляют собою чего либо нового. Еще Линней в 1751 г. определил методы и цели фенологии.

В 1781-92 годах в Маннгейме принята международная система наблюдений.

До половины XIX-го столетия попытка привлечь наблюдателей не удалась, и лишь с этого времени число станций увеличилось, и самые наблюдения стали систематическими.

В настоящее время систематические фенологические наблюдения ведутся в странах Европы и Америки.

В России наиболее известны фенологические наблюдения профессора Д. Кайгородова.

На полях Уманского Земледельческого училища и в Царицынском саду в г. Умани Киевской губернии фенологические наблюдения над появлением первого цветка вел Е. В. Поггенполь.

В результате 10-тилетних наблюдений Е. В. Поггенполем вычислены:

1) средние десятилетние сроки моментов появления различных фаз развития у значительного числа дикорастущих, диких и культурных растений;

2) десятилетние средние величины для сопровождающих некоторые из этих фаз развития сумм средних и максимальных температур;

3) на основании этих средних данных им составлены:

а) цветочный календарь для 377 диких и культурных растений и

в) моменты начала развертывания почек у 119-ти кустарниковых и древесных пород.

Поггенполь придает большое значение фенологическим наблюдениям для суждения о климате и погоде и по его мнению, „фенология должна не только идти рука об руку, но и тесно слиться с климатологией и метеорологией".

Главнейшую цель научной фенологии Поггенполь видит в „скорейшем установлении средних истинных климатологически-характерных чисел нормального времени проявления отдельных фаз развития типичных видов живой природы".

Такова в общих чертах идея фенологических наблюдений. Производимые в данной местности в течение значительного промежутка времени эти наблюдения дадут возможность судить о будущем состоянии погоды, о значении чего в практической жизни, едва ли приходится говорить.

Также велико значение этих наблюдений для науки, особенно в биологии.

Задачей настоящей статьи является изложение результатов фенологических наблюдений, предпринятых Краевым

Музеем имени А. К. Кузнецова в г. Чите, начиная с 1921 г.

С целью получения возможно большего количества сведений среди учащих, учащихся и отдельных лиц, названным Музеем распространялись анкеты: 1) над пробуждением природы и 2) пролетом птиц, где наблюдатель должен был дать ответы на ряд вопросов, перечисленных ниже.

I.

Пробуждение природы весною.

I. По метеорологии.

а) По мере обнаружения явления.

1) Когда начал таять снег на солнопеках?

2) Когда начал таять снег на „сиверах“?

3) Когда солнопеки очистились от снега?

4) Когда „сивера“ очистились от снега?

5) Какова была наибольшая глубина снега зимою?

6) Когда окончились утренние заморозки (температура не падала до 0^0)?

7) Когда пруды и озера очистились ото льда?

8) Когда реки очистились ото льда?

9) Когда был последний иней?

10) Когда побежали вешние воды?

11) Когда появились проталины на лугах и полях?

12) Когда был последний снег?

13) Когда был первый дождь?

б) Ежедневно.

14) Осадки, начало выпадения их, конец.

15) Облачность: густота (тонкие, обыкновенные и густые); направление облаков.

16) Направление и сила ветра.

ТАБЛИЦА СИЛЫ ВЕТРА.

Сила ветра.		Действие ветра.
Цифры.	Название.	
0.	Затишье.	Дым взвивается в воздухе прямо, или почти прямо.
1.	Слабый.	Ощутим; движет флаг (на шесте).
2.	Умерен.	Выпрямляет флаг, движет листья деревьев.

Сила ветра.		Действие ветра.
Цифры.	Название.	
3.	Свежий.	Движет ветви деревьев.
4.	Сильный.	Движет сучья и тонкие стволы деревьев.
5.	Буря.	Движет целые деревья.
6.	Ураган.	Действует разрушительно.

17) Туманы, их продолжительность и сила.

II. По растительному царству.

18) Когда стали раскрываться почки у растений?

19) Когда началось движение сока в березе (древесина сделалась влажной)?

20) Когда начал зеленеть лес (т. е. когда появилась на нем как бы зеленоватая дымка)?

21) Когда зацвел ургуй?

22) Когда зацвел багульник?

23) Когда лес совершенно оделся?

24) Когда стала появляться трава?

25) Когда луг совершенно покрылся травой?

26) Когда зацвела ива корзиночная?

27) Когда зацвела яблоня?

28) Когда зацвел шиповник?

III. По царству животных.

29) Когда медведь обыкновенный покинул берлогу?

30) Когда замечена в первый раз жембура?

31) Когда замечены в первый раз бурундуки?

32) Когда замечены в первый раз летучие мыши?

33) Когда у изюбря начали наливаться кровью рога?

34) Когда замечен отлет чечетки?

35) Когда замечен отлет свиристеля обыкновенного?

36) Когда прилетели галки?

37) Когда были замечены в первый раз утки?

38) Когда были замечены в первый раз гуси?

39) Когда были замечены в первый раз лебеди?

40) Когда была слышна первая песня кукушки?

41) Когда была слышна первая песня жаворонка?

42) Когда черная ворона приступила к постройке гнезда?

43) Когда домашние воробьи приступили к починке гнезда?

44) Когда была первая тяга вальдшнепов?

45) Когда в последний раз тянули вальдшнепы?

46) Когда начали играть бекасы?

47) Когда начались тока тетеревов-косачей?

48) Когда окончились тока тетеревов-косачей?

49) Когда начались тока глухарей?

50) Когда окончились тока глухарей?

51) Когда вылетели из гнезда птенцы домашнего воробья?

52) Когда вылетели из гнезда птенцы черной вороны?

53) Кога впервые были замечены змеи?

54) Когда впервые были замечены ящерицы живородящие?

55) Когда появились лягушки?

56) Когда рыбы начали метать икру?

57) Когда появилась домашняя муха?

58) Когда появилась первая бабочка? (какая?).

Вторая анкета представляется в виде таблицы (см. стр. 46).

За весь 1921 год в музей не было возвращено ни одной заполненной анкеты и лишь автором настоящей заметки велись наблюдения над *весенним прилетом птиц* в окрестностях г. Читы и *гнездованием горихвостки.*

Районом этих наблюдений служила местность, расположенная по р. Чите до селения Верхне-Читинского, долина, по коей расположены озера: Кенон, Угдан, Камышевое и Островное и отчасти река Ингода между дачами и селением Засопочным, а также лес, расположенный на северо-восток от Читы.

В результате удалось наблюдать прилет около 50-ти видов птиц. В тех случаях, когда птицу нельзя было рассмотреть, последняя убивалась и определялась.

Пролет птиц весной.

Название вида птицы: русское: научное (латинское): местное:	Когда наблюдались передовые особи.		Когда наблюдались массами (валовой пролет).		Направление полета. По отношению:		Место перевала горн. хребта.	Как летят: одиночками или стаями.	Если стаями, то характер полета стаи.	Дополнительные замечания о пробуждении природы в связи с пролетом птиц
	Месяц и число.	Количество.	Месяц и число.	Какова продолж. (в днях).	К странам света.	К течен. рек.				

Результат этих наблюдений привожу в следующей таблице:*).

Прилет птиц в окрестностях г. Читы в 1921 г.

Русское название.	Научное название.	Март.			Апрель			Май.			Примечание.
		1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	
1. Галка даурск.	Corvus dahuricus.		п	п							Гнездится в Забайкалье.
2. Дрохва.	Otis tarda.				п						Тоже.
3. Красная утка.	Anas rutila.				п						"
4. Полевой жаворонок.	Alauda arvensis.				п	п					"
5. Утка кряковая.	Anas boschas.					п					"
6. Гусь серый.	Anser cinereus.					п					"
7. Коршун.	Milvus.					п					"
8. Овсянка белошапочка.	Emberiza leucocephala.						п				"
9. Овсянка ремез.	Emberiza rustica.						п				"

*) Объяснение сокращений.

1) 1/3, 2/3 и 3/3 означает—в первую треть, во вторую треть и последнюю треть месяца.

2) „п“ означает прилет.

Русское название.	Научное название.	Март. 1/3	2/3	3/3	Апрель 1/3	2/3	3/3	Май. 1/3	2/3	3/3	Примечание.
10. Удод.	Upupa epops.						п				Гнездится в Забайкалье.
11. Лунь полевой.	Circus cyaneus.						п				„
12. Чайка сизая.	Larus canus.						п				„
13. Белая трясогузка.	Motacilla alba.						п				„
14. Луток.	Mergus albellus.							п			„
15. Шилохвост.	Anas acuta.							п			„
16. Косатая утка.	Anas falcata.							п			„
17. Чирок свистунок.	Anas crecca.							п			„
18. Гоголь.	Fuligula clangula.							п			„
19. Дрозд.	Turdus iliacus.							п			„
20. Выпь.	Botaurus stellaris.							п			Гнездование не установлено.

Русское название.	Научное название	Март.			Апрель			Май.			Июнь.	Примечание.
		1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	1/3	
21. Черный аист.	Ciconia nigra.							п				Гнездится в Забайкалье
22. Кроншнеп.	Numenius arquatus.							п				"
23. Кулик перевозчик.	Tctanus hypoleucos.							п				"
24. Сиб долгохв. снегирь	Uragus sibiricus.							п				"
25. Малый журавль	Grus virgo.								п			"
26. Клоктун.	Anas glocitans.								п			"
27. Бекас.	Scolopax gallinago.								п			"
28. Обыкнов. чайка.	Larus ridibundus.								п			"
29. Травник	Totanus glareola.								п			"
30. Горихвостка.	Ruticilla.								п			"
31. Желтая трясогузка.	Motacilla flava.									п		"

Русское название.	Научное название.	Март.			Апрель			Май.			Июнь.	Примечание.
		1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	1/3	2/3	3/3	1/3	
32. Кукушка.	Cuculus canorus.									п		Гнездится в Забайкалье.
33. Дубровник.	Emberiza aureola.										п	»
34. Конек.	Anthus.										п	»
35. Пеночка.	Phyloscopus borealis.										п	»
36. Чеканка-менка.	Saxicola oënanthe.										п	»
37. Камчатск. соловей.	Erithacus calliope.											Гнездование не установлено.

Гнездование горихвостки. Горихвостки появились в городских садах и в окрестностях г. Читы (пади Сухой, р. Чите, Ингоде) в половине мая. Их можно было видеть парами (самец и самка), отыскивающими места для гнезд. Пара таких горихвосток свила себе гнездо на террасе одного дома. К 1-му июня все работы цо устройству гнезда были закончены, и в нем находилось 7 яиц. Материалом для гнезда очень незатейливой формы послужили различные соломинки, перья и пр. С 1 июня самка парила и 14-го, т. е. ровно через 2 недели, из яиц вылупились беспомощные птенцы. В течение 2-х последующих недель птенцы выкармливались личинками различных насекомых, доставляемыми как самкой, так и самцом. 28 июня птенцы покинули гнездо и некоторое время их можно было видеть в саду перепархивающими с ветки на ветку под руководством своих родителей.

По изложенным данным нельзя составить себе картину появления птиц весною в окрестностях г. Читы вообще, т.к при единоличии наблюдений возможны ошибки.

В виду трудности подобных наблюдений важно для проведения их привлечение возможно большего числа лиц и лишь тогда можно сделать сводку, которая даст для данного района и года более или менее надежный материал для суждения об этом периодическом явлении в жизни птиц.

Наблюдения за ряд лет в различных районах при сводке их дадут интересный материал, на основании которого явится возможность выяснить как самый порядок появления различных видов, так и связать это явление с другими явлениями природы.

В 1922 году мною предпринята попытка привлечь к наблюдениям над пробуждением природы учащихся школы 2-й ступени № 4 и учащихся вечерних курсов для взрослых, где я состоял преподавателем естествознания.

С этой целью я обратился к тем и другим с просьбой вести наблюдения над весенним пробуждением природы и дать ответы на вопросы, изложенные в упомянутой выше анкете.

В интересах получения наиболее достоверных сведений, заполнение анкеты было необязательным и заниматься фенологическими наблюдениями приглашались только интересующиеся.

Перед концом занятий начали поступать анкеты, при чем от учащихся на вечерних курсах не поступило ни одной анкеты а от учащихся школы № 4 получены 44 заполненных анкеты, что составит по отношению к общему количеству учащихся в этой школе около 44 проц.

По классам анкеты распределялись следующим образом:

Учащиеся	I	кл.	II ст.	достав.	23	анкеты
„	II	„	„	„	11	„
„	III	„	„	„	7	„
„	IV	„	„	„	3	„
				Итого	44	„

Как видно из приведенных данных большее количество анкет падает на первые классы, что вполне понятно, учитывая перегруженность школьною и внешкольною работою учеников старших классов сравнительно с первыми.

С другой стороны, многие преподаватели читинских школ отмечали вообще наибольший интерес и энергию в области наблюдений над природой учащихся I-й ступени и младших классов второй ступени. У взрослых же часто отсутствует и самый интерес к наблюдению.

Переходя к содержанию анкеты прежде всего необходимо отметить, что по вопросам метеорологического характера получено 245 ответов; из них наибольшее количество ответов дано на вопрос о таянии снега; по растительному царству 181 ответ, среди них много ответов получено о времени распускания почек и цветения их; по миру животных дано около 300 ответов.

Районом, где велись наблюдения, были, главным образом, окрестности г. Читы.

Согласно собранных данных ход весны в 1921 году представляется в следующем виде.

Первые числа февраля по новому стилю отмечены как начало таяния снега на солнечной стороне

В средине февраля, с увеличением количества тепла, снег в лесах, окружающих Читу, начал подтаивать и в местах, обращенных в северную сторону—затененных.

В конце февраля как в лесах (редколесье), так и на открытых местах появилось значительное число оттаявших полян. В это время, по мнению охотников, начали токовать глухари и тетерева*).

В первых числах марта снег начал таять в Сухой, Кайдаловке. Проснулись мухи и кое где их можно было видеть на заборах по улицам города.

В середине марта снег таял на северной стороне Кайдаловки и больше стало оттаявших мест на полях, окружающих Читу. Из наших постоянных обитателей-птиц—вороны (Corvus corone) начали строить свои гнезда, а воробьи (passer domesticus) чинить разрушившиеся прошлогодние. Появились отдельные стаи галок (Corvus monedula, corvus dahuricus).

В конце марта северная часть Сухой значительно очистилась от снега, на южной стороне пади Кайдаловки снег почти совершенно стаял.

В растительном мире появились первые признаки жизни —у тополя показались почки. Медведь покинул берлогу, проснулись бурундуки (Famias Pallasii) и появились комары.

В начале апреля северная часть Кайдаловки очистилась от снега, растаяло озеро Песчанка; почки у березы, лиственницы и осины; распустилась верба и начала появляться трава. Над р. Читой появились передовые стаи уток. На пашнях и лугах кое-где слышится песня жаворонка (Alauda arvensis) замечены кулики и появились чайки.

Возле города отмечено появление первой бабочки (крапивница—Vanessa urticae).

---

*) Местные деревенские охотники подтверждают, что в зависимости от погоды возможно начало токов иногда и в такое раннее время как в конце февраля и начале марта.

В середине апреля 16—17 числа выпал первый дождь. Почки у черемухи. На стволах березы показался сок. Начал зеленеть лес. В лесу появились цветы ургуя. Над городом показались стаи гусей. На улицах города замечены трясогузки (Motacilla alba). На оттаявших болотах бекасы (Scolopax gallinago) и первые лягушки (Rana temporaria). В огородах у поверхности земли дождевые черви (Lumbucus terrestris).

В конце апреля вскрылась р. Чита. Растаяло Сухотинское озеро, начала зеленеть лиственница в садах. Везде появилась трава. Ургуй в цвету в пади Сухой и около маяка.

Появились летучие мыши. Вороны сидели в гнездах. Из птиц прилетели козодой (Cuprimulgus europaeus), коршун.

На отвалах возле кирпичных сараев вблизи д. Каштак появился чекан (Saxicola oenanthe).

Потянулись журавли; на болотах замечены цапли.

В мае весна в полном разгаре. Вскрылось озеро Кенон. Все небольшие озера и пруды растаяли. Ингода очистилась ото льда. В окрестном лесу начала зеленеть лиственница и сосна. Багульник в цвету. Прилетела пеночка (Phylloscopus borealis).

В середине мая луга совершенно покрылись травой. Закончились тока глухарей и тетеревов. Птенцы у домашнего воробья.

В конце мая выпал снег (24 мая). Черемуха в цвету. Лес весь оделся. Над озером Кенон появились лебеди. Слышно кукование кукушки. На болотах игра бекасов. Птенцы у черной вороны.

Таковы результаты опыта организации фенологических наблюдений силами учащихся.

Сводка составлена на основании исключительно наблюдений учащихся.

Полученный материал, если и не дает истинного представления о ходе весны, то показывает, что силами учащихся можно получить много интересных и ценных данных при условии, если к наблюдениям привлечь учащихся добровольцев из возможно большего количества школ.

Не говоря о возможности использования подобного материала, самое ведение наблюдений имеет большое педагогическое значение.

Частое общение с природой во время экскурсий и наблюдение за происходящими в природе явлениями разовьют у многих детей интерес и любов к ней; кроме того здесь

возможно проявление и развитие исследовательских наклонностей, появляющихся в известном возрасте почти у каждого ребенка.

Насколько важно своевременно поддержать и дать направление этим наклонностям—не приходится доказывать и истина эта сама по себе очевидна.

В виду сказанного о значении фенологических наблюдений необходимо организовать их в широком масштабе путем привлечения возможно большего числа лиц, а также ввести их в школьную практику.

Программу вопросов, входящих в круг наблюдений надо расширить, захватывая возможно большее количество периодических явлений, что даст возможность постепенно подойти к составлению календаря местной природы, где начинающий натуралист, опытный, но незнакомый с краем исследователь, педагог и практик сельский хозяин найдут ответы на многие интересующие их вопросы.

Составление такого календаря является ближайшей задачей всех работников по изучению края и значительно облегчило бы краеведческую работу.

И. Софронов.

ПРОГРАММА

для собирания без помощи инструментов: 1) сведений о погоде и 2) наблюдений, имеющих значение в хозяйстве.

В науке и практике громадное значение имеют те наблюдения разнообразных явлений природы и жизни, которые произведены повсюду в крае, при том одинаково своевременно и точно, хотя бы и без помощи каких-либо инструментов.

Собранные воедино и обработанные специалистами—такие многочисленные наблюдения быстро пополнят наши знания во всех уголках нашей страны.

Забайкальский Отдел Русского Географического Общества, в целях расширения круга научно-полезных наблюдений, обращается ко всем лицам, коим дороги интересы всестороннего изучения нашей Республики, в особенности—к сельским агрономам, учителям, врачам, фельдшерам, а так же кооператорам и проч. с просьбой стать корреспондентами Отдела и приступить к систематическому заполнению нижеприводимой анкеты. Вопросы, в ней поставленные, предполагают *точные*, хотя и краткие ответы.

Наблюдателя эти вопросы не затруднят. Напротив—последнему предоставляется полная возможность расширить круг своих наблюдений, сообразно желанию и знаниям каждого.

Отвечать на анкету необходимо не менее 4-х раз в год. Желательно приурочить ответы к первым числам соответствующих месяцев, *начиная с 1-го июня.* Тогда сводку данных о климате края можно сделать по временам года.

Вписывать целиком все вопросы не надо. *Достаточно перед ответом указать номер вопроса* по прилагаемой ниже программе.

Наблюдения по вопросам, отмеченным звездочкой (*) должны производиться ежедневно три раза: в 7 часов утра, в 1 час дня и в 9 часов вечера,—другие же—по мере обнаружения явлений.

Вся корреспонденция должна направляться по адресу: Чита, Краевой Музей имени А. К. Кузнецова.

1. Год, месяц, число.

2. Имя, отчество, фамилия и занятие наблюдателя.

3. Точный адрес наблюдателя.

4. Место наблюдения (уезд, волость, селение и проч.).

5. Положение места (на ровном, на склоне, в пади, направление пади, склона—С. Ю. З. В. и пр.; высота над уровнем реки, есть ли овраги, озера, леса, болота).

6. Почва с обозначением местного названия ее (песчаная, глинистая, черноземная, подзол и пр.).

А. Вопросы метеорологические.

* 7. Осадки, время выпадения их, толща слоя свежевыпавшего снега (в лесу, в степи); обилие дождя и проч.

Примечание 1. Под именем осадков следует различать: 1) ливни, 2) дождь, 3) град, 4) роса, 5) иней, 6) снег; в 1, 2, 3 и 6 случаях следует заносить час начала выпадения осадков и час окончания.

* 8. Облачность (в десятых долях), густота ее (тонкие, обыкновенные и очень густые облака) и направление облаков.

Примечание 1. Видимый горизонт делится на глаз на 10 равных частей. Если все небо покрыто облаками, то следует отмечать цифру 10, если половина неба—5, и т. д. Направление облаков: отмечается та сторона, *откуда* они двигаются.

* 9. Направление и сила ветра по таблице. (*См. стр. 57*).

Отмечать цифрами указывающими силу ветра (первая графа.)

Направление ветра: отмечается та сторона, *откуда* ветер дует.

10. Бури и грозы (откуда шли, долго ли, сухие или с дождем, градом), разрушения, произведенные ими относительно трав, хлеба и пр.

11. Туманы, их продолжительность и сила (на земле, в рост человека и проч.).

12. Крупа, град, роса, иней, изморозь, гололедица, куржак, ледяные иглы и пр. и влияние некоторых из этих явлений на растительность.

13. Сухой туман (или дым), помоха, круги, столбы, венцы вокруг солнца и луны.

14. Метели снежные и песчаные.

Таблица силы ветра.

Сила ветра.		Скорость ветра.	Напор ветра.	Действие ветра.
Цифры.	Название.	Метров в секунду.	Килограм. на квад. метр.	
0.	Затишье.	0-0,5	0-0,15	Дым взвивается в воздухе прямо или почти прямо.
1.	Слабый.	0,5-4	0,15-1,87	Ощутим, движет флаг (на шесте).
2.	Умерен.	4-7	1,87-5,96	Выпрямляет флаг, движет листья деревьев.
3.	Свежий.	7-11	5,96-15,27	Движет ветви деревьев.
4.	Сильный.	11-17	15,27-34,35	Движет сучья и тонкие стволы деревьев.
5.	Буря.	17-28	34,35-95,4	Движет целые деревья.
6.	Ураган.	более 28	более 95,4	Действует разрушительно.

15. Были ли особые жары летом; их продолжительность и влияние на растения.

16. Первые и последние заморозки; время и значение их для растений.

17. Когда выпал первый и последний снег и долго ли он лежал.

18. Был ли снег ровный, не сдувало ли его; была ли санная дорога и когда она установилась, на долго ли.

19. Были-ли особенные морозы (со снегом, без него) их продолжительность; оттепели, наледи и пр.

20. Время вскрытия и замерзания рек.

21. Время появления первых проталин, с указанием дня, когда земля впервые оголяется от снега.

22. Характер таяния снега (быстрое, дружное или медленное, прерываемое морозами).

23. Как сошла снеговая вода (были ли разливы рек и речек и насколько вода поднялась при разливе выше обыкновенного).

Общая характеристика погоды по временам года: дождливая, сухая, теплая, холодная и пр.

Б. Вопросы сельско-хозяйственные

24. Весенняя и осенняя пахота, начало ее и конец.

25. Выгон скота в поле; начало, конец. Преобладающие кормовые травы.

26. Начало сенокоса, жатвы. Величина колоса, вес зерна и число их в одном колосе. Сведения о культуре хлеба и трав данного места, об урожае.

Примечание 1. Для определения веса зерна следует взвесить зерна нескольких, разных по величине, колосьев и сосчитать их число, или взвесить $^1/_4$ фунта зерен и сосчитать их число.

27. Время молотьбы и орудия, употребляемые при сельско-хозяйственных работах.

28. Время появления насекомых и мелких животных, вредных для хозяйства; (кобылка, суслики и пр.), а также растительных паразитов на хлебных злаках (головня, спорынья и другие).

В. Вопросы, относящиеся к растительному и животному миру.

29. Начало распускания листовых почек, начало цветения, созревания плодов, опадения большого числа листьев у выдающихся растений древесных, кустарных, травянистых, плодовых и особенно огородных и полевых (хлебных злаков).

30. Первые весенние и последние осенние цветы.

31 Успехи рыбной ловли, с указанием преобладающих пород рыб.

32. Сведения о животном мире: прилет и отлет ласточек, жаворонков, плисок, уток, гусей и пр.

33. Начало и конец кукования кукушки, кваканья лягушек.

34. Успехи охоты: преобладающие виды птиц и животных.

35. Успехи пчеловодства (время выставления и уборки ульев, начало роения, наибольшее число роений, количество добываемого меда—minimum и maximum).

Г. Вопросы, относящиеся к народному здравию.

36. Сведения о болезнях заразных (оспа, горячка, корь, скарлатина, дифтерит и пр.) местных (зоб и пр.) и повальных (язва сибирская, чума и др.) и смертность от них.

37. Распространение нервных и душевных болезней (омерячение, сумасшествие и пр.).

38. Сведения о случаях проказы с указанием условий заболевания и влияния совместного сожительства больных и здоровых; то же и о сифилисе (дурная болезнь).

39. Сведения о случаях „злой корчи“ (отравление спорыньей—черные рожки во ржи, пшенице).

К вопросу о введении этнографии в курс школьного преподавания*).

I.

В дни перестройки школы необходимо возобновить обсуждение вопросов, десятилетия назад поставленных педагогической мыслью и практикой, но до сегодня не нашедших удовлетворительного разрешения. К числу таких вопросов относится вопрос о задачах и постановке преподавания этнографии в школе.

Если этнография уже успела выделиться из географии и смежных с нею наук и утвердиться, как самостоятельная научная дисциплина, то нельзя этого сказать об этнографии, как учебном предмете. В конце прошлого и в начале настоящего столетия география занимает в общеобразовательной школе подобающее ей место. Уже никто из педагогов—географов не оспаривает, что физическое землеведение должно лежать в основе преподавания географии. Иное приходится наблюдать в отношении их к этнографии: они признают необходимым, чтобы география в учебной системе выступила в виде науки, знакомящей с жизнью земли и *ее человеческого населения* в их настоящем состоянии; они сознают неудовлетворительность положения этнографии в существующих школьных курсах географии, но не пришли к соглашению относительно того, какие изменения и дополнения должны быть сделаны в этнографическом отделе этих курсов.

Благодаря отсутствию договоренности, в этнографических отделах школьных курсов географии продолжают повторяться смешения старых и новых наблюдений, часто противоречащих друг другу и оставляющих в уме учащихся весьма смутное впечатление. Помещалась и помещается глава о человеческих расах, но она не идет далее Блуменбаховского деления, которое считалось и продолжает считаться, как бы

---

*) Далеко не со всем соглашаясь в настоящей статье, мы, связанные определенными условиями с автором, не сочли возможным делать в ней какие-либо изменения или сокращения.

Помещаем ее в виду важности затрагиваемого вопроса и значительного количества содержащегося в ней ценного материала, который несомненно может быть использован в школьной работе. *Ред.*

освещенным традицией. Дело, впрочем, заключается не в расовом делении, которое в самой антропологии еще не установлено; более важное значение в педагогическом смысле имеют этнографические сведения в прямом значении этого слова. Сведения этого рода, содержащиеся в учебниках, в лучшем случае отмечают лишь некоторые физические признаки в более или менее схематических комбинациях, не всегда соответствующих действительным этническим типам, отмечают умственные способности, поскольку они выражаются в большем или меньшем усвоении европейской образованности, в частности школьного обучения, при чем на собственную культуру народа почти не обращается внимания; далее пытаются определить характер народов, истолковываемый нередко случайно и произвольно, определяя его наподобие того, как определяется характер отдельных лиц, т.е. говорят об его честности, гостеприимстве, храбрости и т. д. или о качествах противоположных. Учебники не обходят и собственно этнографической стороны предмета: они упоминают и о жилищах, и об одежде, и об образе жизни, и о нравах и обычаях обитателей тех или других стран. Но эти упоминания отличаются случайностью и отсутствием прямой связи с географическим материалом. Из них учащемуся едва ли возможно уловить соотношения между страною и ее населением и составить хотя некоторое понятие о действительной культурности последнего.

Такое положение дела дало повод к выступлению на XI съезде естествоиспытателей и врачей в С. Петербурге в 1901 г. *Д. А. Коропчевского* с сообщением, посвященным „роли этнографии в средней школе“,*) а несколько позднее со статьей „Этнография в средней школе“ **), являющейся текстом указанного сообщения. „Если все согласны в том, что физическое землеведение есть основа географии, то, надеюсь,—говорит автор статьи,—никто не будет оспаривать того, что венцом ее должна быть этнография“ (стр. 292—293). Но каким образом можно и должно ознакомить с ней учащихся средней школы?—Чтобы география „выступила в новой учебной системе достойною своего истинного назначения, а именно в виде науки, знакомящей с жизнью земли и ее человеческого населения в их настоящем состоянии“, жизнь земли и жизнь человечества на ней „должны быть представлены в форме не только удобной для усвоения учащимися, но и соответствующей требованиям научной географии“ (стр. 289). К этой цели думает автор, можно притти

*) Вопросы преподавания географии в средней школе etc.; см. № 11 Дневника XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С. Петербурге, 20—31 дек. 1901. СПБ. 1902.

**) Журнал „Самообразование“ 1902, № 10, стр. 289—294.

двумя путями. „Уже в начальную ступень, при первом ознакомлении с понятиями математической и физической географии, мы можем внести и понятия антропогеографические, более легкие для усвоения и освещающие физическую сторону предмета. Так, говоря о географическом положении, мы можем коснуться значения его для обитателей известной страны. Переходя к пространственным представлениям и измерениям их, мы можем разъяснить отношение человека к большим и малым пространствам. Еще легче нам объяснить зависимость человека от форм поверхности, величины и направления рек и очертания береговой линии, а также климата и почвы. Описывая растительный и животный мир, нам не трудно будет показать и отражение его в жизни человека. Таким образом, у нас получатся основания для дальнейшего выяснения культурного развития человечества". Без изучения его невозможно не только географическое, но и общее образование, поскольку его дает средняя школа. Школа „поступила бы вполне сообразно духу времени, если бы среди своих учебных предметов уделила место для общей этнологии и этнографии".

Открыв свои двери для естествознания, она, конечно, не может допустить, чтобы ее программы ограничивались элементарной анатомией и физиологией человека и оставляли без внимания различные видоизменения человеческого типа и процессы культурного развития человечества. Без знакомства с тем и с другим не могут быть изучаемы с пользою ни география, ни история, ни история литературы. Но помимо чисто научного интереса, помимо живого и доступного содержания, история развития человечества, наглядно выступающая в общей этнологии, обладает и важным образовательным значением. Ни одна наука не знакомит нас в такой мере со стремлением человека к совершенству, с большим и большим очеловечением его, с его духовным возвышением. Исходя из этих соображений, я кладу в основу изучения этнографии в средней школе знакомство с общей этнологией, которое должно начинаться кратким анропологическим введением, дающим понятие о физических признаках или о наружном виде обитателей различных областей земли. Затем, должно следовать указание культурных признаков, подразумевая под ним разделение человечества по ступеням культуры и по образу жизни. Если не более важная, то более подробная часть должна заключаться в описании признаков социологических, способов добывания и потребления пищи и одежды, украшений, искусств, верований семейной, общественной и государственной жизни. Все это должно быть не простым обобщением антропологических и социологических фактов, а должно быть представлено в зависимости от местообитания, т. е. на основе географической. Ознакомив, та-

ким образом, учащихся с общими началами развития человечества; нам уже будет легко ознакомить их с частной этнографией". Преподавание этнографии, по мысли Коропчевского, должно оставаться в руках учителя географии (стр. 294). Заканчивая статью Коропчевский говорит: „для меня будет достаточно", если мысль о самостоятельном положении этнографии в средней школе „покажется желательной".

Энергичнее поставил этот вопрос в 1910 году на магистерском диспуте в Москве *Б. Ф. Адлер*, выдвинувший положение: „этнография должна быть введена в курс средней школы, как отдельный самостоятельный предмет *).

Но тогда же, в виде краткого ответа на это положение, появилась заметка *Д. Н Анучина*, в которой говорится: „Едва ли возможно говорить о введении этнографии как самостоятельного предмета в курс средней школы, когда и география-то представлена в нем еще далеко неудовлетворительно, недостаточным числом уроков. Необходимо прибавить, что кафедры этнографии не существует пока и в университетах" **).

В 1913 году появляется статья *Б. Ф. Адлера*—„Этнография в средней школе". Кратко коснувшись некоторых моментов из истории вопроса, Адлер делает попытку учесть совокупность того этнографического материала, который сообщался ученикам старой русской школы. Он находит, что сведения о древних палестинских народах, несмотря на их обилие в учебниках библейской истории, в практике преподавания носят отрывочный и расплывчатый характер. В курсе русского языка и родной словесности сообщается довольно много сведений о русской поэзии, о языке и т. д Однако „при этом упускается из вида самое главное—именно носитель этой поэзии, прозы, народ, говорящий „по-русски", живущий и думающий „по-русски". Юноша не знает, „какие говоры существуют у русских, почему образовались эти отличия в говоре, как живет „русский" крестьянин, чем питается он, что чтит, как живет и т. д. Ни русской избы, ни плана села в разных частях России, ни об одежде крестьянства, утвари его и т. д. русский ученик ничего не знает (стр. 321). „Таким образом, несмотря на обилие отрывочных данных из русской этнографии, разбросанных в курсе русского языка, ученик почти ничего не знает о народе, среди которого он живет, из которого вышли его любимые писатели, которых он тщательно изучает, об его говоре, обрядах и т. п." Тоже или почти тоже надо сказать об иностран-

*) *Б. Ф. Адлер*—Этнография в средней школе. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина. М. 1913, стр. 319.

**) Журнал Землеведение 1910, кн. II, стр. 89.

ных языках—мертвых и новых. „Новые языки, несмотря на то, что жизнь немцев и французов тесно связана с русской жизнью“ дают также очень мало правильных представлений о самих носителях западно-европейской культуры—немцах и французах. Что знает интеллигентный русский человек о германской или французской деревне, о том, какие племена сложили эти большие народы и т. д.“ Курс истории, несмотря на массу отдельных сведений, в смысле этнографическом давал и дает очень мало. В учебниках русской истории, правда, говорится о племенах, образовавших русский народ, но „ни о жизни этих народов, ни об их борьбе с финскими народами, которые их учили и которые у них учились, учебники ничего не говорят. Об утвари, жилье или образе жизни этих племен ученик ничего не узнает. Есть попытка в учебниках истории новейшего типа дать понятие о деревне—русском доме, обычаях и т. п. допетровской эпохи. Но образцом для этих очерков явилось, например, описание палат бояр, людей богатых и, конечно, не имевших характерного для народа жилья“ (стр. 324). Больше всего можно ждать этнографических сведений в учебниках географии, так как здесь сообщаются данные, касающиеся деления человечества на расы, племена и народы, даются сведения о религиях, государственном устройстве, о культурных ступенях разных групп человечества; чаще всего описывается жизнь австралийцев, реже негров, еще реже индейцев и совсем редко говорится про азиатцев. Что же в конце концов дают наши учебники географии из области этнографии?—„Мы просмотрели громадное количество учебников географии для средней школы и убедились, что этнографические сведения в них крайне спутаны, разбросаны, устарели, односторонни и не дают ученику никаких ценных представлений. Все учебники географии склада—Курдова, Линберга, Лесгафта, Бобина, Дворникова и Соколова, Крубера и др. не дают вполне ясных и определенных представлений о населении, как бы ни было велики их достоинства в географическом и педагогическом отношении“ (Стр. 326—327).

Этнографии в нашей школе уделяется немало внимания и немало времени, и чем дальше, тем значительнее отводится ей место. Дело только в том, что „масса разрозненных сведений этнографического характера, сообщаемых на уроке закона божия, русского, немецкого, французского, греческого и латинского языков, на уроках истории и географии, не получает объединяющего, связующего момента, а давит память учащегося, не принося ему должной пользы“ (стр. 327). Естественный путь к устранению этого недочета в преподавании—введение в школу самостоятельного курса этнографии. Рассматривая вопрос с чисто педагогической точки зрения, *Адлер* находит, что

курс этнографии, излагающий сведения о жилище, одежде, утвари, верованиях, народном искусстве и т. д., даст материал „живой, интересный, легко усвояемый и полезный для общего развития юношества“. Сообщая юноше данные из этнографии, мы „даем ему веру в совершенствование человеческой культуры, любовь к своему народу и челевечеству вообще, даем ему уверенность, что человек постепенно движется вперед, и работа каждаго, как бы она ни была мала, не погибнет“ (стр. 325). Став на иную точку зрения, на точку зрения специалиста этнографа, к этому можно было бы сказать многое в подтверждение высказываемой мысли, например, что „интересные самобытные черты русской жизни неудержимо быстро исчезают под натиском западно-европейской все нивеллирующей культурной волны, и что в кадрах, которые выйдут из среды наших учащихся в средней школе, мы должны видеть спасителей и собирателей этнографического материала по России“ (там же). Однако и чисто педагогические соображения говорят с достаточной настойчивостью в пользу введения этнографии в школьный курс.

Возможен ли такой курс? – Для старших классов средней школы вполне возможен. В популярных книжках Коропчевского, написанных для детей младшего возраста, „мы видим научные истины, изложенные в самой популярной форме. Мы не говорим об этнографических хрестоматиях Львовича, Водовозовой, Инфантьева и др., в которых, несмотря на ошибки и другие дефекты, дано много ценных сведений. Для составителя учебника этнографии, а также для педагога, преподающего этот предмет в средней школе, может представить некоторое затруднение часть, посвященная этнографии России, так как наука о человеке в нашей родине еще сравнительно мало разработана. Однако она разработана все-таки настолько, чтобы ее можно было преподавать и в средней школе“. (Стр. 328). В заключении статьи, в подтверждение *практической* осуществимости введения этнографии в школьное преподование, *Адлер* предлагает „эскиз программы“.

Понятие об эйкумене и числе всего человечества; распределение человечества по материкам. Указание на подвижность человечества и его миграции. Возможная родина человека и вопрос об его происхождении. Деление человечества на современные расы. Понятие о культуре человека. Элементы ее: духовная и материальная культура. Огонь, оружие, орудие, утварь, жилище, одежда. Религия, нравственность, искусство, музыка и т. д. Доисторические времена человеческой культуры. Понятие о каменном и металлическом веках. Переживание первобытных культур и „первобытной“

культуры у ныне живущих народов. Австралийцы, океанийцы африканские негры и население Южной Африки. Гиперборейцы вообще, палеазиаты в особенности. Индейцы обоих Америк. Культурные народы Старого Света. Китайская культура, Япония и Корея. Семиты и хамиты. Народы, исповедующие ислам в М., Ю. и Ср. Азии, Индии и Месопотамии, Африке. Арийцы и европейцы. Население Европы в этнографическом и археологическом отношении. Романский мир. Германский мир. Славяне и Россия (антропология, археология и этнография России).

Отсутствие в планах школьного преподавания этнографии сознавалось как недостаток, не только учителями географии; в большей мере должны были сознавать этот пробел преподаватели родного языка и словесности. Это и понятно. „Историк литературы, в частности историк устно-народной словесности, должен (по необходимости должен) явиться вместе с тем и историком и этнографом. Необходимо только уметь разграничить, по слову акад. Перетца, задачи историка и этнографа от задач собственно историко-литературных, и не подмешивать первыми последних, — но в качестве некоторой Vorarbeit, историк народной словесности неминуемо должен обратиться к вопросам преимущественно этнографического характера“*), И преподаватель этого предмета, прорабатывая произведения народного творчества в слове, никак не может устранить оторванности творений от творца — народа, и юношество, слушая о словесном народном творчестве, но не зная творца, слушает, в сущности, о действиях, не зная деятеля**). Некоторый выход из такого трудного, чтобы не сказать — нелепого, положения преподаватели видели в устройстве этнографических экскурсий, которые служили бы живой иллюстрацией и конкретным основанием тех сведений по устной словесности, которые ученики получают в школе***).

Не возражая против этой мысли принципиально, можно усумниться в возможности практического ее осуществления. Трудно надеяться, чтобы многолюдная экскурсия, прибывшая на сравнительно непродолжительное время в деревню, могла легко снискать доверие населения, а без этого наблюдения за жизнью устного творчества совершенно невозможны.

*) *М. К. Азадовский.* — Эпическая традиция в Сибири. „Вестник просвещения“, Чита 1921, № 5—7, стр. 2.

**) Связь устно-народной словесности, как предмета школьного преподавания, с этнографией отмечает и новейшая педагогическая литература, напр., см. пункт 5 тезисов доклада *А. Д. Александрова.* Место устной поэзии и древней письменности в истории литературы, „Родной язык в школе“ кн. I 1919—1922, ст. 99.

***) См. напр., статью *И. Мелехинского* — Живая старина на уроках русской словесности „Вестник Воспитания“ 1896, № 1.

Это относится к большей части учебных заведений, где большинство учащихся—горожане. В ином положении находятся учебные заведения, в которых состав учащихся почти исключительно крестьянский; это—нынешние педагогические техникумы. Здесь не требуется никаких предварительных экскурсий, чтобы при изучении устной словесности обращаться к непосредственным наблюдениям учащихся в этой области. „Здесь, свободно могут быть поставлены этнографические работы воспитанников на основании их собственных, иногда многолетних наблюдений за жизнью народного творчества", —пишет *В. Данилов,* делясь своим опытом постановки этнографических работ в одном из прежних учительских институтов в статье „Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях" *). Статья преследует „не научно-этнографические, а только педагогические цели, желая показать, что можно извлечь из подобных работ учащихся в учительских институтах (и семинариях) для преподавания словесности и для раскрытия духовно культурного состояния народа."

Автор дает компиляцию из работ его слушателей. Девять работ написаны на общую тему: „Состояние народной песни и обряда в такой-то местности". Написаны они, сообщает В. Данилов, частью по памяти, так как факты были знакомы авторам еще с детства, частью по тем записям, которые воспитанники делали самостоятельно, для себя, еще до поступления в институт (ст. 115). Хотя работы связаны с темой народно-словесной по преимуществу, они содержат много интересного, чисто-этнографического материала, относящегося, главным образом, к губерниям русского севера, отчасти юго-западным губерниям: религиозные (дохристианские) обряды рыбаков, обрядность под Иванов день, свадебная и похоронная обрядность, народное врачевание, демонологические представления, умирание старинной песни, проникновение в репертуар деревенских певцов „книжного" элемента и т. д. Подобные работы учащихся имеют разностороннее значение. Они могли бы иметь значение научное. „Высказывалась мысль, что лицам, интересующимся этнографией, пора бы перестать гоняться за песнями, так как ничего нового в этом отношении ожидать невозможно, а тем более выспрашивать народ про чертей да русалок и т. п. Конечно, если смотреть на собирание фактов народного творчества с той же точки зрения, как смотрели этнографы XIX столетия, стремившиеся обогатить науку новыми фактами, то наблюдение и исследование народного творчества, обрядов, поверий и проч. было бы делом малополезным. Но если смотреть на это, как на материал для характеристики народной среды в наше время, то отнять за такими наблюдениями всякое значение невоз-

*) Известия по народному образованию, 1916, август, стр. 113—126.

можно“ (стр. 114). „Не говоря уже о том, что они были бы полезны для самих авторов, так как способствовали бы более отчетливому представлению о состоянии устного творчества и связанного с ним обряда посредством систематизации в разное время воспринятых наблюдений, этнографические работы воспитанников могли бы служить подспорьем для ближайших иллюстраций при историческом изучении словесности для самого преподавателя. В педагогических техникумах этнографические работы учащихся были бы полезны и в том смысле, что давали бы возможность преподавателю при помощи их нарисовать общую картину нравственного развития населения той губернии, откуда происходит большинство учеников, и где они будут учителями“ (там же). Таким образом, здесь вопрос о нужности или ненужности этнографии в школе и не ставится, он практически решается в положительном смысле.

В самом начале революции в томском журнале „Школа и жизнь Сибири“ № 2, 1917—1918 г.г., напечатана небольшая статья *В. Н. Харузиной* „О занятиях этнографией в средней школе“ (стр 38—40). Автор горячо высказывается за желательность включения этнографии в курс средней шолы, настойчиво выдвигая особенности, свойственные этому предмету по преимуществу: занятия этнографией способствуют развитию *наблюдательности*, приучают к отчетливому, *ясному мышлению*, выработке сжатого и *точного языка*.

С иной точки зрения к той же теме подошли иркутяне. В 1918 году в иркутской газете „Свободный Край“ (№№ 80, 82, 84 и 90) *П К—в* поместил довольно большую статью „Задачи средней школы в деле изучения Сибири“.

„В наши дни нарождения здоровых запросов знания, мы не лишены надежды пережить хотя бы вновь эпоху восьмидесятых годов в Сибири, оставивших значительный след в области сибиреведения. Лекции и чтения о Сибири в недавнее время собирали в Петрограде и др. городах полные аудитории. Тема о Сибири стала модной. Последние политические события еще больше выдвинули Сибирь. Для нас, сибиряков, наша родина не может стать модной или не модной. Изучать ее, знать ее, работать для нее, стремиться к ее благу—для нас не увлечение, не тема дня, а всегдашняя и неукоснительная обязанность, святой долг. Кто же станет в авангарде этих труда и знания иной, как не школа, воспитывающая нашу юность и наши нетронутые силы!“ (№ 84). Отсюда—мысль о введении курса сибиреведения в число предметов школьного преподавания, при чем имеется в виду именно средняя школа. „Не всякий, получающий среднее образование, получит и высшее, но всякий средне-образованный человек может быть высокополезным для науки

деятелем на местах, да и не все виды высшего образования пригодны для пополнения этого пробела" (№ 90). Останавливаясь на вопросе о формах, в которые должно вылиться преподавание сибиреведения, автор делает попытку определить составные части некоторого целого, именуемого сибиреведением. Одной из весьма существенных частей он считает этнографию. „Одна из составных частей курса—этнография Сибири—должна бы привлечь исключительное внимание не только сибиряка". В разноплеменную массу туземного населения Сибири „несколько столетий тому назад влился и продолжает вливаться широкой волной индо-европейский поток новых колонизаторов. Веками сложившаяся культура аборигенов страны вступает в борьбу с культурой пришельцев... Происходит... быстрая ассимиляция культур. Происходит процесс физической метисации. Не приспособившиеся к новым условиям племена аборигенов быстро вымирают (орочоны, омоки, анаулы, енисейские остяки и др.). Другие утрачивают черты своего векового уклада и приспособляются к новой обстановке. Нужно спешить изучением. Сибирь—это колоссальный этнографический музей. Как в Италию ездят изучать античность—так должно ехать в Сибирь для изучения этнографии. И тем не менее мы в нашей средней школе иллюстрируем нищенские сведения по истории культуры и этнографии бытом австралийцев, индейцев и т. п. Сами по себе перечневые этнографические сведения, в каком бы объеме их ни вводить в курс, до тех пор будут безжизненным материалом, пока им не будут предпосланы хотя бы элементарные сведения по общей этнологии. Эти сведения прольют должный свет на сложные явления нашей сибирской частной этнографии. Мы получим научную схему, опрощающую явления. Не только школьный курс географии, но и школьный курс истории не дает достаточно этнографических познаний, а между тем без знания основ этнологии большинство исторических явлений будет лишь механической концепцией событий. Мы думаем, что средняя школа, и особенно сибирская школа, обязана позаботиться о сообщении в круге общеобразовательных курсов необходимых познаний по этнологии и этнографии, каковые познания по природе своей носят синтетический характер, проливающий свет на отдельные факты общей истории культуры, известные из школьных курсов. Без курса общей этнографии нельзя представить себе рациональной постановки сибиреведения, так как к последнему относится частная этнография. Естественно, что такой курс пригоден лишь для старших классов" (там же). Автор намечает в качестве примерной программы такой ряд вопросов, которых должен коснуться курс общей этнографи*).

---

*) В основу он кладет приведенную выше схему программы *Б. Ф. Адлера*.

Понятие о расовом типе со стороны антропологической. Понятие о человеческой культуре. Элементы ее: духовный и материальный. Огонь, оружие, орудие, утварь, жилище, одежда, украшения, религия, нравственность, искусство. Доисторические времена человеческой культуры. Понятие о каменном и металлическом веках. Переживание первобытной культуры у ныне живущих народов. Единство человечества по происхождению. Предполагаемая родина человека и первоначальные процессы расселения. Указание на подвижность человечества и его миграцию. Деление на расы. Распределение по материкам. Начало арийской и семитской культур. Санскрит и его роль в истории народов. Гиперборейцы вообще и палеазиаты в особенности. Культуры: индийская, китайская, монгольская. Народы, исповедывающие ислам в М., Ю. и Ср. Азии, Индии и Месопотамии. Арийцы и европейцы. Культурные народы старого света. Население Европы в этнографическом и археологическом отношении. Романский мир. Германский мир. Славяне и Россия. Антропология, археология и этнография России.

Таков в главных чертах курс общей этнографии. „На основании предпосылок этой общей части, курс частной этнографии должен коснуться классификации современных этнических групп Сибири, нарисовать бытовой уклад, нравы, обычаи, религию, искусство, язык, жилище, одежду, вооружение и вообще духовную и материальную культуру каждой из групп и выяснить чистоту антропологического типа каждой группы. Частная этнография должна дать рельефное изображение всех характерных черт особенно тех групп, которые наиболее распространены в Сибири. Наибольшему вниманию преподавателя этнографа должны подлежать: буряты, якуты, самоеды, тунгусы, калмыки, киргизы, алтайцы, татары, монголы, остяки и вся категория палеазиатов. Необходимо в достаточной степени остановиться на изложении вероучений буддистов, ламаитов, шаманистов. В то же время необходимо описать инородцев со стороны статистической, учтя причины того или иного направления движения этих групп населения. Наконец, по курсу частной этнографии должны быть даны сведения об остатках материальной культуры доисторической эпохи в Сибири: (следует) сделать общую сводку исследованиям могильников, предметов каменного и металлического веков, установить пределы распространения древнего курганного населения Сибири“ и пр. Автор не скрывает: „программа эта широка и едва ли полностью достижима—даже по причине отсутствия учебников“. Однако, „можно ли считать среднее образование сибиряка завершенным без этих сведений?“. Намечаемый курс труден, это правда, но он возможен, а главное—необходим. „Не следует забывать, что требуемые по (этой) программе сведения

школа сообщит в элементарных и общих чертах, в этом и заключается преимущественное в данном случае положение школы перед университетом. Такая программа освободила бы курс географии от элемента мало ему родственного и повела бы за собою надлежащую подготовку к усвоению знаний о Сибири. Те части программы (общей), которые имеют ближайшее отношение к сибиреведению, само собой разумеется, должны быть выполнены рельефнее, чем все остальное". (№ 90).

В какой мере назрела нужда во включении этнографии в курс школьного преподавания именно в Сибири свидетельствует тот факт, что об этом согласно высказываются люди, принимающие близко интересы страны и школы, в разных городах Сибири. Следуя хронологическому и территориальному порядку, после томичей и иркутян приходится назвать читинцев. В читинском „Вестнике Просвещения" в 1922 г. (книга 1) напечатана статья *Е. И. Титова* „Этнография в трудовой школе".

Статья отмечает отдельные моменты из истории вопроса, настаивает на необходимости пересмотра этнографической терминологии. Касаясь программы школьной этнографии и методов преподавания, автор, исходя из родиноведческого принципа, настаивает на изучении преимущественно этнографии туземцев Забайкалья. Он не видит необходимости ждать включения этнографии в курс школы, так сказать, в порядке законодательном, он рекомендует включить ее явочным порядком.

Так ставился и теоретически решался вопрос во всех положениях нашей школы: до революции и в первые годы революции; так он практически решается (но все еще не в полном объеме) в наши дни. Педагогическая мысль последних дней безоговорочно принимает, как явление естественное, законное,—этнографические работы в школе. Например, в сборнике педагогических статей „Современная Школа" (Петроград, 1922) в статье *А. С. Гинтовта*—„Школьный день" (стр. 156-219) уделено внимание этнографии в школьных экскурсиях. В том же году Комиссариатом Просвещения выпущен „Сборник программ школьных наблюдений над природой" (Петроград, 1922), где среди других помещены три программы *В. Г. Богораза-Тана*: 1) „Программа наблюдений над бытом местного населения" (стр. 123-132), 2) „Программа для собирания сведений о физическом типе населения (стр. 132-136) и 3) „Программа наблюдений по народной медицине" (стр. 136-141). Автор этих программ исходит из того положения, что „производство массовых этнографических записей доступно средствам и силам школы. Школьники, даже дети сравнительно младшего возраста,

являются именно в области этнографии внимательными, острыми и неутомимыми наблюдателями, и присяжные этнографы при производстве работ постоянно прибегают к помощи детей" (стр. 124). В соответствии с различием школьных возрастов, отдельные области этнографии выделены особо и расположены в порядке возрастания, сложности и трудности. Таким образом, составилось три отдельных концентра записей. В первой программе к I концентру отнесены записи произведений народной литературы (детский и общий фольклор); ко II – материальный быт (пища, жилище. мебель, одежда, утварь, средства передвижения, украшения, орнамент, инструменты и орудия), к III концентру—духовная культура и общественная жизнь (религия, искусство, счет, семейная жизнь, деревня и община). Записи второй (антропологической) и третьей программы в круге школьных наблюдений, по мысли автора, относятся ко II и III концентрам.

Не останавливаясь подробно на частичных попытках освежить школьные предметы внесением в них этнографического материала, последним моментом в истории интересующего нас вопроса можно считать постановление словесно-исторической комиссии педагогического факультета Государственного Университета в Иркутске о введении в 1923-1924 акад. году занятий по методике преподавания этнографии.

II.

Проследив наиболее существенные моменты из истории занимающего нас вопроса, мы устанавливаем:

а) вопрос о введении этнографии в курс школьного преподавания наметился в педагогической литературе более двух десятилетий назад;

б) в продолжении двух последних десятилетий мысль о введении этнографии в круг предметов школьного преподавания осуществлена, хотя и частично, в педагогической практике;

в) настойчивость, с какой эта мысль проводится в педагогической литературе и осуществляется педагогической практикой, объясняется, во-первых, тем, что этнография могла бы связать в одно целое те разрозненные представления и факты, которые юноши получают при проработке едва-ли не всех предметов гуманитарного цикла и чтения литературы (Адлер); во-вторых, тем, что не имея определенного minimum'а этнографических знаний, юноши лишены необходимых предпосылок для надлежащего усвоения таких общепризнанных курсов школьного преподавания, как литература и в частности устно-народная словесность, история вообще и исто-

рия культуры в частности и др. (Адлер, Данилов); в-третьих, тем, что этнография имеет большое воспитательное и образовательное значение (Адлер, Коропчевский); в четвертых, —мотив, выходящий за пределы педагогики,—желанием видеть в юношах будущих работников в области местной этнографии. (Адлер, Данилов, Харузина, П. К—в, Богораз, Титов).

г) К числу причин, мешавших полному осуществлению поставленной задачи, относят отсутствие нужных учебников и пособий, а также отсутствие подготовленных учителей, способных провести курс этнографии в школе, так как наша высшая школа не имеет кафедр этнографии; то, что нет выработанных программ преподавания этнографии в средней школе; то, наконец, что школа не располагает достаточным количеством времени, которое необходимо отвести на этнографию.

Одни из этих положений необходимо осветить подробнее, другие—пересмотреть в связи с новыми данными, которые мы наблюдаем в современном положении вещей.

Конечно, трудно надеяться, чтобы этнография быстро пробила себе дорогу в школу, так как в данный момент найдется очень немного преподавателей с необходимой подготовкой, как методической, так и чисто-этнографической. Но все же теперь, когда в нескольких высших учебных заведениях России читаются курсы этнографии и ведутся практические занятия, теперь несравненно больше надежды добиться должного положения этнографии в курсе средней школы, чем десятилетие назад. Заметной помехой к преподаванию этнографии служит отсутствие учителей, подготовленных в методическом отношении, но и методика преподавания этнографии начинает входить в число прикладных дисциплин университетского курса. Отсутствие программы для школьного преподавания этнографии в качестве причины, объясняющей невозможность введения этого предмета в школьный курс, тоже уже не имеет места. Правда, единой, строго выработанной, для всех одинаково приемлемой, общей программы нет. Но такая программа, во-первых, едва ли возможна; а во-вторых, едва ли нужна; все программы—только примерные программы, и преподаватель этнографии не в худшем положении, чем, напр., историк: этнограф, как и историк, имеет, мы видели, не одну, а несколько примерных программ*). О невозможности курса этнографии по

*) Приведенные выше программы определяют теоретическую часть курса этнографии, примерную программу практических занятий см. в конце этой главы.

недостатку времени, можно было говорить в период устоявшейся школьной жизни; в период перестройки школьного дела вопрос о часах больше академический, чем практический*).

В силе остаются указания на отсутствие учебников для юношества и пособий для преподавателей. Во многих отношениях хорошая книга *Коропчевского* „Первые уроки этнографии“ нуждается в замене—как потому, что она, не говоря о методологических недочетах, построена на „чужом“, неместном материале, так и по принятой в ней терминологии. Эти же недочеты мешают безоговорочно рекомендовать „Этнографию“ *Н. Н. Харузина*, к тому же уже вышедшую из продажи. Более пригодна „Этнография“ *В. Н. Харузиной*, но, изданная в сравнительно небольшом количестве экземпляров, книга эта (имею в виду выпуск I, М. 1909) малодоступна. Долг специалистов придти на помощь школе составлением, а руководителей делом народного образования в стране—изданием соответствующих учебников и пособий. Надо надеяться, что на спрос последует и предложение, как показывает пример появления в последние годы—в какой степени удовлетворительных, это другой вопрос—грамматик, в связи с „новым правописанием“, курсов истории, обществоведения. Что учебник этнографии для средней школы нужен и возможен, об этом свидетельствует удачный опыт, напр., немецкой средней школы, для нужд которой составлен учебрик этнографии профессором Лейпцигского университета *К. Вейле* **).

Отсутствие учебника не может служить препятствием к введению предмета в круг преподаваемых в школе предметов, если самое преподавание его признано целесообразным А оно признано, мы видели, не только целесообразным но и необходимым. К тем соображениям, которые уже приводились в пользу необходимости, следует прибавить еще некоторые другие.

Введение этнографии в цикл предметов школьного преподавания едва ли не лучший путь к тому, чтобы оберечь строящуюся школу, которая должна быть национальной ***) от шовинистических тенденций, так как этнография, едва ли не в большей степени, чем другие учебные предметы, способствует развитию того, что на языке педагогов-классиков называлось „социальными добродетелями“. „Можно различать

*) Мне представляется целесообразным уделить три недельных часа в последнем классе или два недельных часа в двух последних классах школы II ступени.

**) Dr. K. Weule—Leitfaden der Völkerkunde Lpz. u. Wien, 1912.

***) Согласно „Декларации принципов социалистической школы“ (пункт 13), по форме и содержанию школа должна быть национальной. „Пролетарская культура“, Иркутск, 1920, № 1 стр. 32—33.

три круга, с которыми каждое отдельное лицо связано, как принадлежащий к ним член, склонностью, привязанностью, благожелательством: родина, народ и отечество, человечество.

Первый и самый узкий круг – родина... С этим кругом индивидуум связан чувством любви к родине: к месту и людям, обычаям и привычкам, языку и особенностям говора и нравам родного уголка.

Второй более широкий круг—народ и отечество. С своим народом индивидуум связан уже не непосредственными, а сильнейшими общими духовными узами. Все его духовное жизненное содержание выведено из народности и народной жизни: он участник языка и мышления, веры и нравов, государства и права, воспоминаний и надежд своего народа...

Наконец. третий и самый обширный круг—человечество". *(Ф. Паульсен).*

Этнография поможет юноше установить должные отношения к этому кругу. Она поможет ему уяснить, что „нации, как индивидуумы, не абсолютно самостоятельные существа. Они—члены человечества: каждая сделалась тем, что она есть, в историческом жизненном общении с другими нациями".. Занятия этнографией покажут юноше, что „все великие приобретения нашей духовно-исторической жизни не абсолютно самобытно созданы нашей нацией; в своем корне они заимствованы и выработались постепенно в постоянном общении с другими нациями. Все народы—члены обширной культурной общины—человечества".

В действенном усвоении этого взгляда больше, чем в чем-либо другом, скажется образовательное значение нашего предмета. По *Гете*—„ненавидеть и презирать непохожее и чужое —это *природа*; понимать и уважать—*образование*". Что не похоже на нас и что не наше, то—ниже нас, то обычно считается смешным, странным, неестественным диким Кто иначе живет и думает, иначе одевается, иначе носит волосы и бороду, не так говорит—тот смешон, он—„инородец" и „дикарь", он достоин презрения и даже ненависти. Научась „понимать и уважать", юноша отрешится от этой „природы", станет выше и ее, станет *культурным*. Мы вправе будем говорить об образовательном значении этнографии, если юноша, не скрывая своей привязанности и уважения к родному народу, его быту, его формам жизни, поймет. что „каждый народ должен признавать и уважать в другом народе и его культуре общего наследника и общее наследие человеческой культуры и относиться к особенностям чуждой народности, как к богатству человечества, а к соприкосновению с ним,—как к обогащению собственной природы".

Помимо того, что этнография объединяя отрывочные знания, почерпнутые из разных источников, в некоторое един-

ство, заполняет пустоты и провалы между мало-родственными предметами школьного преподавания, она способствует более или менее ясному пониманию совершающегося на глазах юноши поразительного явления: „чувствуя обмеление потока жизни“, художники и поэты, как когда-то *Руссо*, „ищут его обновить и поддержать силами истоков“,—обращаются к народному языку, народному искусству, народной поэзии.

Практические („полевые“) занятия этнографией при правильной постановке преподавания приучают юношу применять все необходимые приемы критики к его собственным наблюдениям и к собранным им материалам; эти занятия ставят серьезные требования не только интеллектуальным, но и моральным его силам.

Этнографическая полевая работа ведется в живой обстановке; она позволяет привести молодых людей в непосредственное соприкосновение с явлениями народной жизни в ее обычной обстановке, познакомить учащихся с новым для них методом наблюдения и изучения различных сторон народной жизни, нестесненного, как в естественно-исторических дисциплинах, условиями опыта.

Это обстоятельство делает этнографию сильным орудием для того, чтобы внушить юношам интерес и любовь к народу, сделать из них народоведов, ревностных и неутомимых наблюдателей, развить в них наблюдательность, уменье не только смотреть, но и видеть, способность замечать малейшую неожиданную деталь в обычной обстановке и не пропускать редкого явления среди массы знакомых фактов.

Нельзя не признать законным желание видеть в питомцах средней школы будущих краеведов, среди которых, позволительно надеяться, окажутся выполнители краеведческих работ в области гуманитарных наук, в частности этнографии, где нужно, выражаясь словами С. Ф. Ольденбурга, принять ту „общепризнанную грамотность работы, которая, подобно грамотности языка, позволяет нам свободно понимать друг друга“. Этнографическая безграмотность сильно понижает достоинства значительной части материалов, которые собраны нашими местными этнографами. Усвоению необходимой грамотности должна также послужить этнография, как предмет школьного преподавания.

Занятия учащихся этнографией могут оказаться не бесплодными и в научном отношении, как показывает опыт многих этнографов.

Для целей естествознания сравнительно давно устраивается сеть наблюдательных пунктов. Перед учеными уже поставлен вопрос: почему не были бы возможны станции этнографические, наподобие физических или астрономических

обсерваторий, которые могли бы собирать и доставлять местные этнографические данные по вопросам, возникающим у исследователей? Только когда этнография пробьет себе дорогу в школу, можно говорить об организации этнографических наблюдательных пунктов.

Какие же формы преподавания можно считать наиболее ценными и применимыми при изучении этнографии в средней школе?

Можно говорить о трех основных формах, или, если угодно, методах преподавания этнографии:

а) метод *теоретически-описательный*, сводящийся к простому изложению (напр. в форме лекции) определенной суммы сведений из области народоведения или усвоению ее из чтения соответствующей литературы;

б) метод *наблюдения и опроса*, при котором некоторая сумма этнографических знаний получается учащимися, так сказать, эмпирически;

в) метод *теоретически-наблюдательный*, являющийся соединением двух предыдущих, когда курс этнографии излагается систематически, а те данные, которые могут быть добыты, проверены или дополнены путем непосредственного наблюдения и опроса, делаются говоря специальным языком, предметом „полевых занятий“.

Применение первого метода вызывает возражение, раньше всего, в том отношении, что оно обрекает юношей на пассивное восприятие сообщаемых им (через устное ли слово или через книгу) фактов, ни в какой мере не приучает молодых людей к самостоятельной работе—наблюдательности, добыванию новых фактов, проверке и дополнению ранее известных.

Второй метод в чистом виде едва ли может быть проведен в обычных условиях школьной жизни: внешняя обстановка делает невозможной организацию длительных „полевых“ занятий (наблюдений, опросов), особенно вдали от школы. Правда, применение этого метода воспитывает наблюдательность, осторожность, чуткое отношение к людям, но помощью его ученики накопляют лишь фактические сведения.

Придать курсу этнографии исключительно эмпирический характер не удастся уже по одному тому, что непосредственные наблюдения учеников на неизбежно ограниченной территории не способны дать такого ценного качественно и значительного количественно материала, на котором можно было бы основать стройный и цельный курс этнографии. Но и в том случае, если бы материал непосред-

ственных наблюдений оказался вполне достаточным, ограничиться применением этого метода не следовало бы: всякий курс школы II ст. должен быть в значительной мере философским, или теоретическим, а сил и навыков к умственной работе питомцев такого возраста не хватит на большую и трудную работу создания курса. Слов нет, приучать молодых людей к теоретической мысли, к обобщениям наблюдаемых фактов и явлений—школа должна; но ученические наблюдения и домыслы основой для какого-либо курса служить не могут: выводить из фактов обобщенные теоретические представления—значит не только владеть научным методом, но и быть мыслителем в истинном значении этого слова, а это ученику, конечно, недоступно.

Третий метод предполагает весьма существенную роль теоретически—описательного элемента в курсе этнографии и в то же время оставляет очень видное место практическим („полевым") занятиям по этнографии, в полезности и целесообразности, даже необходимости которых нельзя сомневаться.

Этот метод достаточно гибок, чтобы изменяться в ту или иную сторону, в зависимости от условий преподавания, индивидуальности преподавателя, состава класса и др. причин.

Касаясь кратко методической стороны преподавания этнографии, необходимо сделать некоторые замечания относительно использования материала. Вообще говоря, материал в значительной мере определяется принятой программой и действительными условиями, в которых протекает школьная работа. Но не следует забывать особенностей возраста учащихся.

Юноши в возрасте 13—18 лет испытывают настоящую страсть к истории великих людей. Этнография имеет своих святых и мучеников, поклонников; ее история—свои драматические эпизоды и эпохи. Правильное распределение всего курса с немногими ссылками и рассказами по избранным материалам из истории нашей науки способны сделать многое. Ознакомление с героями этнографии, будучи правильно применяемо, может создать глубокий интерес, способный на долгое время приковать внимание молодых людей к изучению этой науки. Историческое изложение способно пробудить живой интерес к этой области знания, способно родить настоящие чувства законченности и прогресса, а „ничто так сильно не действует на юношество, говорят психологи, как живое ощущение чувства роста". Кроме того, биографический элемент во многих случаях может послужить лучшим указанием применения методологических приемов к „пол.вой" этнографической работе. Это замечание будет понятным

если вспомнить биографии Ливингстона, Миклухи-Маклая, Потаниных.

Плодотворное преподавание этнографии возможно в тесной связи с чтением образцовых сочинений по народоведению. Умело поставленное, чтение из так называемой художественной этнографии (напр. „Казаки“—Толстого, „Сон Макара“—Короленко и много др.) способно повысить интерес к предмету.

В таком виде вырисовывается программа нашего предмета в *теоретической* части. В качестве примерной программы *практических* занятий по этнографии можно рекомендовать использование II и III концентров названной выше „Программы наблюдений над бытом местного населения“ *Богораза-Тана* (приводимой здесь с незначительными изменениями).

Материальный быт.

Пища. Чем по преимуществу питаются. Хлеб. Овощи. Мясо. Рыба. Молоко. Собирают ли корни и травы в лесах и полях. Какие именно и как их приготовляют и едят. Едят ли гнилое и порченое. Едят ли кору, листья, землю.

Едят ли белок, зайцев, сурков, тарбаганов; едят ли лошадей, верблюдов. Какими зверями и птицами брезгают. Едят ли черепах, улиток, быть может, лягушек, змей, ящериц. Как приготовляют пищу в поле и лесу.

Пища по временам года: весенняя, осенняя, летняя и зимняя. Пища голодного времени.

Как заготовляют пищу в прок. Соление, копчение, вяление.

Праздничные блюда, обрядовые блюда (например, жаворонок из теста).

Домашние напитки: брага, кумыс, пиво, квас и пр. Как их варят. Спирт, вино, водка и их суррогаты. Самогонка. Новые вкусовые ощущения.

Сладости, пряности.

Что и как курят. Табак, опиум.

Жилище. Живут ли в шатрах, палатках. Как строят шалаши в поле и в лесу. Есть ли дома и амбары на сваях. Места для хранения в земле.

Хозяйственные постройки и их названия. Как рубят избу. Есть ли избы пятиугольные, сложенные из бревен, поставленных стоймя. С плоскою крышей. Какие бывают печи, камины, очаги. Курные избы и бани. Моются ли в палатках над раскаленными камнями.

Расположение жилищ по странам света. Куда направлен вход и почему.

Мебель. Столы, скамьи и стулья. Палати и нары. Где и на чем спят. Постель, изголовье, одеяло. Как спят на вольном воздухе. Летом, зимой.

Одежда. Из чего шьют платье: из ткани, кожи, меха, из коры, из войлока. Покрой. Добыть, если возможно, выкройки. Чем шьют: нитки из растительных волокон и животных сухожилий. Как выделывают кожу и мех.

Обувь с мягкой подошвой. Обувь летняя и зимняя, „мокрая“ и „сухая“. Стельки из травы. Лапти, деревянные башмаки.

Форма обуви и одежды в связи с современной разрухой и отсутствием товаров.

Утварь. Посуда, горшки. Котлы. Не варят ли в деревянной посуде раскаленными камнями. Как делают горшки. С колесом или без колеса. Ложки. Ручные мельницы и жернова. Ступки.

Средства передвижения Упряжные животные. Лошадь, бык, верблюд, осел, мул, олень, собака. Как их обучают, как запрягают. Как и чем погоняют. Породы упряжных животных. Скаковые и ломовые породы. Скачки, бега.

Телеги, сани, лодки, челноки, седла и упряжная сбруя. Лыжи и посохи. Тормоза. Горные башмаки, горные крючья.

Из каких материалов приготовляют все указанные предметы, из каких пород дерева, из какой кожи и т. д. Чем скрепляют и сшивают: древесными корнями, ремнями, деревянными гвоздями, железом.

Есть ли лодки, сани, телеги, без всяких железных скреп.

Чем конопатят лодки и челноки. Чем их смолят и красят.

Какие подбои и шины на полозьях саней и колесах телег, железные, костяные, из особого твердого дерева, ледяные (на полозьях).

Украшения. Как украшают себя женщины. Бусы, ожерелья, серьги и кольца. Из чего их делают. Чем белятся, румянятся, чернят брови. Венки из цветов Как их плетут и кто. Украшают ли себя мужчины. Не разрисовывают ли краской лицо. Не выщипывают ли бороду. Нет ли татуировки.

Моются ли мылом, золою или чем другим. Чем и как моют белье.

Орнамент. Узоры украшений. Техника орнамента. Чем вышивают и на чем, шелком, волосом, бисером, серебром, по коже, по ткани, какой краской красят. Любимая краска. Самодельные и покупные краски. Резьба по дереву, выжигание, штамповка, насечка по металлу. Набивание тканей.

Дать рисунки всевозможного орнамента, если возможно, в красках.

Смысл и значение орнамента. Дать название и объяснение различных составных элементов, крестиков, кружочков, зигзагов, четыреугольников.

Первоначальное значение орнамента. Не является ли крестик изображением птицы, зигзаг—змеи, косой четыреугольник—рыбы, завитушка—бараньего рога и вообще барана и т.д.

Инструменты и орудия. Нет ли каменных, костяных, деревянных орудий. Какой нож, топор. Какое сверло, какое долото. Нет ли поперечного топорика--тесла. Нет ли особой свайки для развязывания узлов. Нет ли самодельных игол. Кузнечные инструменты. Горн. Мехи. Не добывают ли домашним способом железа, меди. Названия металлов и минералов.

Пряжи и ткани. Из чего сучат нитки. Веретено. Самопрялка. Ткацкий станок. Вязание. Плетение корзин.

Как добывают огонь. Кремень и огниво. Нет ли в особых случаях огня, вытертого из дерева.

Удочки, грузила. Сети, мережи, ивовые верши, заколы на реках. Невода. Из чего приготовляют сети и невода. Как их вяжут. Вязальный челнок. Как завязывают узел. Дать описание и рисунок всевозможных узлов и приемов связывания.

Ловушки на зверей. Капканы, западни, убивающие или запирающие. Стреляют ли из лука. Есть ли кремневые ружья. Рогатины. Копья.

Скотоводство и земледелие.

Духовная культура и общественная жизнь.

Религия. Суседко-домовой, лесной, водяной, банный, и связанные с ними поверья. Какие им жертвы приносят. Нет ли особых „хозяев“ у дичи разных пород, у рыбы, даже у насекомых.

Крысий царь. Подводный рыбий царь.

Погребение. Погребальные обряды. Рассказы о покойниках. Заговоры и заклинания. Записать тексты заклинаний и связанные с ними действия. Годичный круг праздников: весна, лето, осень, зима. Колдуны и знахари. Колдуньи. Как гадают и чем лечат колдуны. Вынимают ли послед. Вкладывают ли душу больному.

Рассказы о светилах, о солнце и луне, о планетах и звездах. О сотворении мира. Кто был отцом людей и первым учителем искусства.

Имена месяцев. Названия созвездий. Дать народные рисунки созвездий и звездного неба. Название ветров и стран света.

Материальная святыня. Иконы, амулеты, талисманы, божки. Наговорные предметы. Колдовские куклы и орудия.

Искусство. Рисунки. Как и на чем рисуют и гравируют. Нет ли старинных писаниц, рисунков на скалах и утесах. Дать фотографические снимки писаниц, а если возможно, то сделать и оттиски. Для этого смочить камень водой и, сложив оберточную бумагу в три—четыре слоя, прибить ее твердой щеткой к камню, пока все выпуклости надписи оттиснутся на бумаге. Резные фигуры из кости и дерева.

Счет. Записать название чисел. Как далеко умеют считать. Считают ли по пальцам рук и ног. Записывание. Бирка. Счеты. Письмо. Как записывают неграмотные, напр., в торговле.

Семейная жизнь. Полная таблица степеней родства и свойства по женской и мужской линии, по возможности, более точная Кто глава семьи. Не наблюдается ли большого значения матери. Переходит ли наследство по женской линии. Теща и зять. Не запрещено ли им разговаривать. Положение стариков. Не убивают ли стариков и расслабленных больных, не выводят ли их в лес на голодную смерть. Какие браки запретные. Женятся ли на двоюродных. Бывают ли браки уводом. Не платят ли за жену. Многоженство. Роды. Есть ли искусственные выкидыши. Женитьба на вдове брата. Обряды при рождении. Какая роль отца. Как нарекают имя новорожденному. Меняют ли имена из-за болезней. Скрывают ли имена. Сколько имен у одного человека.

Большая и малая семья. Кто глава большой семьи. Образование таких семей и их распадение.

Деревня и община. Волость. Нет ли объединения по родам, по улусам, по наслегам и проч. Как выбираются или назначаются власти. Какие бывают сходбища и совещания. Кто имеет право участвовать.

Переделы земли. Общинные праздники. Помочи.

Кража, грабеж, убийство. Есть ли кровомщение. Кто и за кого должен мстить. Мстят ли за свойственника. На ком мстят. Выкуп за кровь. Как поступают с конокрадами. Есть ли споры и бои между соседними общинами.

Чтобы преподавание этнографии отвечало тем целям, какие уже наметились, оно должно быть поставлено в определенные условия. Прежде всего необходимо устранить трудности, которые указывались, когда шла речь о препятствиях к введению этнографии в цикл школьных предметов.

Труженики школы, пробивающие новые пути в деле обучения юношества, вводят предмет явочным порядкоми и тем свидетельствуют о назревшей и осознанной потребности в обновлении учебного материала, но юридически закрепить соответствующее положение предмета в школе можио лишь через высший орган, ведающий школьное дело в стране или области.

III.

В небольшой литературе, которой уделено здесь внимание, говорится главным образом о средней школе или, выражаясь в новых терминах, о школе второй ступени.

О возможности занятий этнографией в школе первой ступени мы находим замечания только в программах *Богораза-Тáна. Желательны* ли эти занятия и, если желательны, то в какой мере и в каком виде, в первые годы обучения?

Раньше, чем стали раздаваться голоса в пользу введения этнографии в курс средней школы, как самостоятельного предмета, предмет этот фактически, как уже не раз отмечалось, существовал—то в качестве элемента географии, то как отдельные главы истории и т. д. То же самое следует сказать о курсе начальной школы.

Простой просмотр книжек для классного употребления убеждает в том, что этнография, в том или ином виде, в школьной практике была принята.

Несомненно, раньше других проводили этнографию в школу преподаватели вероучения под флагом библейской или священной истории. Библия является ценнейшим источником этнографии, и переложения ее, каковыми являлись учебники священной истории, из всех предметов школьного преподавания были наиболее этнографичными. Этот этнографизм особенно подчеркивался использованием, в качестве подсобного источника, книги *Г. В. Тристрам* —„Восточные обычаи в библейских странах“, СПБ. 1900. Книга представляется интересной во многих отношениях: богато иллюстрирует связь уклада народной жизни с природными условиями, устойчивость народного быта и т. д., дает материал для истории быта. Для средней школы таким пособием могла служить Библейская история *Лопухина*. книга Тристрам была доступной для заканчивающих курс начальной школы.

Этнографию проводили в школу составители хрестоматий, начиная с Ушинского и заканчивая самыми новыми авторами; трудно указать кого-нибудь, кто счел бы возможным не уделить места и внимания элементам народоведения в книжке, применяемой в перуые годы обучения. Правильность этого утверждения станет более очевидною, если мы, прибегнув к нескольким примерам, напомним содержание

книг для классного чтения в той части, которая нас в данный момент интересует.

В кн.III—IV „Вешних Всходов“, изд. 1902, *Д. И. Тихомиров* уделяет место описанию селений, домашнего быта, занятий; кратко описаны верования, наряды, праздники, песни, жилище великорусса (статьи: „Междуречье Оки и Волги“, „Луговой берег Оки в сенокос“, „В лесах Архангельской губернии“ и др.), белорусса („Полесье“), малорусса („Малороссия“), горцев („Поездка в Дагестан“, „Народный праздник в Грузии“), народов Прибалтики („Литва“, „Прибалтийский край“), финнов („Финляндия“ и др.), туземцев Сибири („В Сибирской тундре“, „Тунгусы“, „Тунгусские дети“, „Алеуты“); здесь же находим иллюстрации и отрывки из художественной этнографии: из Мельникова—Печерского („Нагорная сторона Волги“, „Как живут за Волгой“ и др.), из Григоровича („Луговой берег Оки в сенокос“) и др.

В „Третьей после букваря книге для чтения“, изд. 1912 г. *П. Барышников*, давая гораздо меньше материала, чем Тихомиров, находит нужным поместить и снабдить иллюстрациями статьи: „Великоруссы“ (наружность, характер, занятия), „Белоруссы, поляки, литовцы и евреи“, „Малороссы“ (селения, жилища, одежда, украшения, занятия); затем: „Татары“, „Киргизы“; уделяет внимание горцам (ст. „Кавказ“), туземному населению Сибири (ст. „Сибирские инородцы“).

Еще обильнее этнографический материал (описания, иллюстрации) дан у *Ф. П. Борисова* в книге „Родное в народной школе“ (для III и IV г. г. обучения), изд. 1916 г.

Следовало бы назвать „Новую школу“ *Тулупова и Шестакова*, „Сеятель“ *Лукашевич*, но, во-первых, список получился бы все-таки не исчерпывающий, а, во-вторых, для подтверждения высказываемой мысли достаточно и приведенных примеров.

Если вспомнить „Картины по географии России“ *Борзова*, серию картин изд. Сытина „По России“, альбом *Гречушкина и Сольдина*—„Россия в картинах“, особенно изданные под редакцией *Н. А. Янчука*, стенные таблицы „Народы России“ (изд. Гроссман и Кнебель), таблицы *Мартина*, „Типы народностей“—*Лемана* и др., то должно констатировать, что этнографию проводили в школу и издатели картин для школьного употребления.

Не говоря об учебниках географии, по своему содержанию подходящих к курсу начальной школы (Руднева, Гусакова и Насимовича, Давыдкина и Селезнева, Кузнецова), содержащих этнографический элемент, так называемое внеклассное чтение школьников не мало способствовало внесе-

нию элементов народоведения в школу; вспомним малознакомое имя *Дефо* с его всем известным „Робинзоном Крузо“, кой-что из менее в этом возрасте читаемых *Майн-Рида, Густава Эмара*... Не меньшее значение в этом отношении имели популярные книжки по народоведению, которые в былые времена, а в некоторых школах и теперь, можно найти не в малом количестве: книжки *Инфантьева, Потаниной* и др. из числа тех, которые ребята получали из школьной библиотеки, закрепляли положение этнографии в курсе начальной школы. То же делали и лучшие методические руководства по постановке классного чтения; *Балталон*, например, в своем „Воспитательном чтении“ намечает несколько бесед на этнографические темы.

Новые у нас течения педагогической мысли тоже способствовали усилению этнографического материала в начальной школе, занятию этнографией прочных позиций. Достаточно назвать здесь „Что и как рассказывать детям в школе и дома“ *Э. и Дж. Партридж*, М. 1914, где широко используются произведения народного поэтического творчества, даются картины из жизни индейцев, затем „Ручной труд и его место в воспитании раннего детства“ *Л. Плестед*, М. 1915: подражание первобытным ремеслам, древние бритты, рассказы из Библии, эскимосы, северо-американские индейцы, японская деревня, кафрский крааль, арабское кочевье, индусская деревня,—довольно длинный ряд интересных историко-культурных и этнографических тем.

Словом, этнография срослась с курсом начальной школы, или, вернее—вросла в него и имеет тенденцию закрепляться. Признание этого факта делает необходимым выяснение некоторых новых вопросов.

а) должно ли данный факт рассматривать как положительный, безразличный или отрицательный;

б) доступны ли элементы этнографии детскому пониманию;

в) знакомая нам форма присутствия этнографии в курсе начальной школы может ли быть признана удовлетворительной;

г) в случае возможности получить положительные ответы на первые два вопроса, и отрицательный ответ на последний, родится новый вопрос: какова должна быть этнография в первые годы обучения детей и какими путями можно приблизиться к получению желательных результатов?

Сторонники введения этнографии в число самостоятельных предметов преподавания средней школы, мы видели, имеют перед собою главным образом педагогическую задачу

и настойчиво отмечают воспитательное значение этого предмета (Коропчевский, Адлер, Харузина). Это же свойство предмета, можно думать, имелось в виду и составителями хрестоматий для начальных школ, включавшими этнографический материал в книжки для классного чтения. Уже та настойчивость, с которой составители хрестоматий включают этнографический материал, показывает, что мы во всяком случае непосредственно сознаем, что он имеет какое-то назначение, выполняет какую то нужную и осуществимую цель.. Указания и замечания людей с непререкаемым педагогическим авторитетом засвидетельствовали огромное воспитательное значение этнографии. „Она содействует расширению миросозерцания,—говорит *Лев Толстой*. Во что веруют, как живут другие люди. Ничто так не расширяет круга зрения людей, как знание, что есть люди, живущие иначе", *) С этой точки зрения он рассматривает и школьные пособия. О стереоскопических картинах для начальных народных школ он говорит: „Желательно (иметь) картины по этнографии. Чтобы дети видели, что есть другие люди—японцы, китайцы, которые живут не так, как они живут, и как они воображают, что все живут... Видами местностей злоупотреблять не следует. А интересно и полезно ему (ребенку) видеть, как в другой местности баба пеленает ребенка, в Индии как молодые девушки выходят замуж" и т. п. **). „Рассматривая некоторые фотографии в стереоскопе, он многие находил превосходными, в особенности—изображающие жизнь и работы других народностей",—сообщает *В. Г. Чертков*. „Эти, изображающие землетрясения, почвы—мало для детей интересны. А вот те, показывающие, как люди в других странах занимаются гончарным делом, обрабатывают рис—вот это превосходно. *Главное, как можно больше этнографического*" ***). Согласно с Толстым высказывается *Паульсен*: „Ученик желает знать о странах, *о народах*..., горы и реки, возвышенности и низменности не так важны для него. Об этом не должно забывать преподавание" ****).

Если этнография имеет общеобразовательное и воспитательное значение, то решение первого вопроса не представляется затруднительным: наличие элементов народоведения в курсе начальной школы следует рассматривать как явление желательное. Вопрос если и стоит, то другой своей стороной: способны ли дети к пониманию явлений, которыми занимается этнография?

*) Слова *Л. Н. Толстого*, записанные *В. Г. Чертковым* „Ежемесячный Журнал". 1916, V, стр 183.

**) Там же, II, стр. 168.

***) Там же, стр. 169.

****) *Фр. Паульсен*—Педагогика, Спб. 1913, стр. 261.

Разрешение этого вопроса в положительном смысле вытекает из показаний педагогов-практиков. *Д. Д. Галанин* находит возможным в *детской* создать „этнологический музей, где были бы представлены все народности в их национальных костюмах, с их характерными производствами“ *). Принимая во внимание возраст, который здесь имеется в виду, мы можем говорить не о детской, а *о классе*. Методист *Уланов* находит возможным прорабатывать в школе с четырехлетним обучением такие, по существу этнографические темы, как „Жизнь первобытных людей“, „Славянский поселок и городище“, „Мирные сношения славян между собою: погосты; столкновения: месть; языческие верования“, „Соседи славян и влияние сношений с ними на быт восточных славян“ и др. **). В связи с настроениями, вызванными последней войной, в педагогической печати обсуждался этот же самый вопрос — в несколько специфической и суженной его постановке. Как пример, можно назвать статью *А. Крыжановского*—„Славянский вопрос внизшей школе“ ***). „Средняя школа дает своим питомцам хоть кой-какие (впрочем очень скудные) сведения о славянах—на уроках истории, русского языка... О низшей же школе этого сказать нельзя. Между тем и она, по нашему мнению, не должна оставлять своих питомцев в неведении о славянах. Некоторые крупицы знаний должны пасть и на ее долю. Если не яркий, то хоть тусклый свет знаний о славянстве должен проникнуть и в эту школу“ ****). В „Примерных программах по истории для школ II ступени“ Народного Комиссариата по Просвещению 1920, есть примечательное место: „беседы о первобытном обществе, как это нормально..., уже имели место на I ступени“ (стр. 16). Интересующему нас отделу уделяется такое внимание, что постановка его в школе II ступени ставится в зависимость от проработки программы I ступени: „в зависимости от того, насколько сохранились у детей и как поняты ранее сообщавшиеся им сведения, будет находиться разработка этого раздела“ (стр. 17). Раскрытие содержания указанных в общей форме тем и вопросов для проработки (стр. 23, раздел I) показывает, что мы имеем дело с этнографическими темами и вопросами из области материальной, семейно-социальной и духовной культуры.

В опубликованных в том же году „Материалах по реформе школы“, при изложении программы по родиноведению, к основным элементам этого предмета относятся „зачатки этнографии“ *****).

---

*) *Д. Д. Галанин*—Игры и игрушки, М. 1909, стр. 7.

**) *В. Я. Уланов*—Опыт методики истории в начальной школе. М. 1917 стр. 173 и сл.

***) Известия по народному образованию, 1915, IX, стр. 257—310.

****) Там же, стр. 260.

*****) Пролетарская культура, Иркутск, 1920, № 2—3, стр. 19.

Таковы мысли взрослых о занятиях детей этнографией. Не менее интересно знать отношение детей к этому предмету.

В Отделе Народного Образования Бурят-Монгольской Автономной Области (в Иркутске) среди других материалов, характеризующих положение школьного дела, находился рукописный детский журнал — „Наш досуг“, в котором *этнографический материал преобладает над всем остальным.* Несколько раньше, в 1919—1920 уч. году, едва порвавшие со школой первой ступени (повышенного типа) воспитанники учительской семинарии в Тулуне (Иркутской губернии) самостоятельно издавали рукописный *этнографический журнал*, в котором помещался не безынтересный материал из личных наблюдений и записей юных сотрудников. Эти факты, в связи с другими, говорят о том, что многие этнографические явления не только вполне поддаются пониманию учеников, но и глубоко интересуют их.

Но формы, в которых этнография „бытует“ в школе могут ли считаться удовлетворительными? Присутствие ее мы наблюдаем на уроках чтения и связанных с ним бесед, на некоторых уроках ручного труда, редко в „час рассказа“, при внеклассном чтении. Накопляемый, таким образом, материал может в количественном отношении оказаться весьма значительным, но он почти неизбежно (в силу отрывочности и несвязности хрестоматийных статей и др. причин) должен получиться не систематизированным. В этом большой беды, впрочем, нет. На первых годах школьного обучения систематизацию этнографического материала, подносимого из разных источников—хрестоматий, картин, бесед и пр. можно не ставить главной задачей преподавания. Здесь мы имеем дело только с пропедевтическими занятиями этнографией, основная цель которых заключается в том, чтобы создать у детей как можно больший запас конкретных (а не, „мнимых“) представлений. Это утверждение не отрицает возможности и нужности обобщений и систематизации конкретных представлений, но центр тяжести занятий с детьми—не в них. Поэтому отсутствие стройности и цельности знаний на этой ступени обучения можно, не рассматривая как плюс, не рассматривать и как минус. Но можно и должно возражать против пестроты, отрывочности, чрезмерной краткости и неопределенности сообщаемых сведений, не дающих в результате живых изображений подлинной действительности. Эти недостатки вытекают, главным образом, из общих недочетов хрестоматической системы школьного чтения, вполне основательно осужденной педагогической критической литературой *).

---

*) *Балталон.*—Воспитательное чтение, стр. 130—132, Хрестоматическая система и новые методы. Изд. журнала „Обновление Школы“. Спб. 1913.

Можно и должно, далее, возражать на погрешности против истины или научной правды; нельзя мириться с неправильным словоупотреблением. Хрестоматические статьи перепечатываются без конца из одной книжки в другую, из одного издания в повторное. На недочетах и грубых погрешностях, которыми они изобилуют, учились и учатся наши школьники в продолжение нескольких десятилетий. Мало чем отличаются от этих статей учебники географии, которые попадают в руки учеников старших групп, как и большая часть книжек для внеклассного чтения. Из них школьники узнают, например, что „сибиряки более или менее среднего роста“, что у них „губы более или менее толстые“, что “характер поселянина Восточной Сибири более или менее флегматичен“ *), что „встречаются по бассейну Амура *карагассы* и другие племена, родственные тунгусам“ **) и т. д.

Следует также высказаться против „такой этнографии“ и потому еще, что она „книжная“. Книжная этнография не способна ответить нашей основной цели. Чтобы избежать образования у школьников „мнимых“ представлений, нужно стремиться к тому, чтобы по возможности все обучение в начальной школе опиралось на родиноведческий принцип.

Отдельного предмета этнографии здесь может и не быть (чтобы не сказать: не может быть); но *этнографический элемент должен войти в программу школьного родиноведения* ***). По Ст. Холлу, „детство мало заботится о том, что далеко в той или иной области, если оно не имеет тесного отношения к жизни его или его близких. Детство живет настоящим, и можно сказать, что интерес его падает обратно пропорционально расстояниям. Это один из наиболее характерных законов детского возраста“. Этим законом намечается исходный момент занятий этнографией: применение принципа родиноведения определяет содержание, объем и метод работ в школе по этнографии. По мере выхода за пределы „родины“, в центре внимания станут соседи единоплеменников ребенка—русские, буряты, тунгусы, якуты, карагассы... Таким путем занятия этнографией в школьном родиноведении разрастаются—главным образом путем чтения книг и бесед—и переносятся в школьное краеведение; затем, в старших группах школы первой ступени, сюда могут прибавиться—тем же

---

*) *И. Дроздов*—Очерки Восточной Сибири. Спб. 1899. стр. 82—83.

**) Там же, стр. 223—А на следующей, второй, ступени, умножая свои познания, ученики будут почерпать из учебника географии Белоха и Соколова сведения о том, что жители Сибири разделяются на первобытных, известных под общим именем инородцев, и русских, переселенцев, что торг с инородцами севера совершается только летом; тогда же бывает Обдорская ярмарка и мн. др.

***) О ней я имел возможность высказаться в статье „Родиноведение в школе“, Вестник Просвещения, Чита, 1921, №№ 1 и особенно 5—7.

путем—этнографические сведения из области отечествоведения и страноведения.

Не готовя знаний „впрок“, а давая их „на потребу“, следует уделять главное внимание *жизни детей* разных племен и народностей: их песням, играм, игрушкам, жизни в семье. Ведь и все предметы школьного преподавания надо сообразовать с „потребой“: вместо того, чтобы читать отрывки из Лермонтова, Гоголя, Гончарова, надо прорабатывать,—выражаясь, может быть несколько смело,—детскую *историю русской литературы* (и, если надо, такую же *историю иностранной литературы*); в этой истории литературы найдут место и народная поэзия, и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой Лев, и Мамин-Сибиряк, и Короленко, и Иван Шмелев... Вместо того, чтобы с детьми говорить, что в Германии или Италии столько-то „средних учебных заведений“, столько-то „университетов“ и т. д., лучше говорить о том, чему, как учится немецкая, итальянская, китайская, зулусская детвора—сверстники тех, кто о них читает и слушает рассказ, как она живет, во что одевается, что поет, во что и как играет, что читает, как к ним относятся взрослые,—словом, предметом занятий должна быть *детская жизнь со всеми ее бытовыми чертами*. А жизнь взрослых—это только фон, как облака и кусты на лубочных иконах...

Занятия этнографией с детьми должны носить характер, так сказать, эмпирический. Использование первого концентра программы *Богораза-Тана* можно считать целесообразным, поэтому здесь уместно поместить ее—с кой-какими изменениями и некоторыми дополнениями.

I. Детский фольклор.

Он „представляет своеобразную область специального детского знания“. Особого внимания заслуживают:

Колыбельные песни и другие того же характера („Сорока-ворона“, „Ладушки“ и т. п.).

Тешенье и пестование младенцев с приговорами и жестами.

Детские игры, если возможно, с разделением по возрастам. Как считаются и конаются в различных играх.

Выделить особо игры звериные и птичьи (например в „ворона“, в „гусей и волка“).

Сюда же следует присоединить описание детских кукол, игрушек, мельниц, устраиваемых детьми на ручье, кубарей, лодочек из коры и приспособлений для игры, хотя они и не относятся к фольклору; плетение из стебельков трав; использование растений в качестве игрушек и вообще при забавах и играх.

Выплетают ли фигуры из бечевки на кистях рук (мельница, колодезь и др.). Если возможно, дать рисунки этих фигур. Тени от пальцев на стене („мельница“, „заяц“ и т. д.), —тоже дать, кроме описания, рисунки.

Уженье рыбы; связанные с ним приметы и поверья. Приемы выкапывания дождевых червей, приметы при этом. Ночёвки. Ловля птиц. Собирание цветов; связанные с ними приметы, поверья, рассказы. Участие в работах: бороньба, пастьба свиней, лошадей, домашней птицы.

Скороговорки. Загадки—с отгадками и, если есть, с более подробным толкованием.

Детские сказки. Есть ли особые детские сказки. Нет ли среди детей сочинителей таких сказок.

Детские песенки. Песни про появления коршуна, песни во время дождя, при ловле насекомых (напр. божьей коровки), при играх.

Прозвища—безобидные и насмешливые.

2. Общий фольклор.

Материалы по общему фольклору „легко могут быть записаны детьми. При этом не надо особенно опасаться неизбежных ошибок правописания и неверностей записи текста, конечно, при условии, что каждый записывает в своем родном углу, в естественной природной обстановке. В таком случае ошибки правописания могут представить своеобразный материал для изучения местных наречий и говоров, а неверности записи текста могут явиться особым вариантом или, во всяком случае, отразить народное и детское понимание данной подробности, часто в неожиданном направлении“.

В программу записей могут войти:

Песни. Хороводные, игровые, плясовые, посиделочные, подблюдные. Как разыгрываются хороводы. Как их водят, летом или также зимой в избе на посиделках.

Колядки, щедровки, веснянки, семиковые, русальи песни и связанные с ними обряды. Свадебные песни и обряды. Свадебный чин по порядку.

Старые исторические песни. Былины и старины. Духовные стихи и псалмы. Песни нищих и слепцов. Причитания и заплачки, вопли и вои. Кто и как поет. Есть ли особые сказатели былин. Певцы и певицы. От кого и как учатся петь. От отца, от особого учителя? Подыгрывают ли при пении. На каких инструментах. Лира, гусли, гудок, дуда, кобза, волынка, домра, гармония, балалайка.

Сектантские песни и стихи.

Частушки и, в частности, частушки новейшего времени, военные и революционные.

Хоровые и одиночные песни. Мужские и женские песни. Удалые разбойничьи песни. Солдатские песни.

Рабочие выкрики, дающие труду определенный темп.

Рабочие песни, бурлацкие, матросские, песни косарей и жнецов. Песни кузнецов.

Песенники печатные или рукописные.

Дать название печатных песенников и, по возможности, добыть рукописи или по крайней мере описать их содержание.

Музыка песни, двухголосные и многоголосные напевы. Подголоски. Сделать, по возможности, записи нотными знаками.

Сказки Сказки чудесного содержания. Сказки бытовые. Сказки общего характера и сказки местного характера. Отметить особо описание магического бегства. Юноша, девушка, убегая от чудовища, бросает на пути три предмета: гребень, кремень, огниво. Гребень превращается в чащу леса, кремень—в каменную гору, огниво—в огненную реку и задерживают чудовище. Не повторяются ли такие же действия во время обрядов, например, при похоронах.

Выделить особо сказки звериные и птичьи.

Есть ли перед сказкой присказка. Записать и ее. Есть ли особо установленный конец (например. „вот тебе сказка, а мне крынка масла").

Поются ли какие-либо части сказки.

Не прерывают ли слушатели рассказ своими замечаниями и возгласами,—добровольными или даже обязательными по сказочному чину.

Сказочники и сказочницы. Есть ли особые мужские и женские сказки..

Рассказы. Записать, по возможности, рассказы религиозного содержания, о библейских лицах и событиях. О чудотворных иконах, священных местах, озерах, родниках, рощах и т. п.

Записать рассказы и поверья о нечистых духах, леших, водяных, оборотнях, выходцах с того света, колдунах и ведьмах.

Записать рассказы о разных народах, рассказы и поверья о животных и растениях, о скалах, камнях, о стихиях природы, о ветре, огне, грозе и т. д., о стихийных бедствиях, засухах, наводнениях, пожарах, о заразных болезнях людей, о падежах скота.

Записать рассказы исторического содержания о царях и полководцах, о событиях давних и современных.

Записать анекдоты и юмористические рассказы о чужих народах и местных жителях, о лицах разных сословий, о злых женах, о дураках.

Записать рассказы о сновидениях, о видениях наяву, о предсказаниях и предзнаменованиях.

Большой интерес представляет собирание и записывание местных народных примет, поверий и поговорок, касающихся явлений погоды и старинных сказаний о необычайных явлениях в атмосфере.

Народные драматические произведения. Точно записать тексты, отметить соответственные действия.

Где и при каких условиях исполняются драматические представления.

Кто их разыгрывает.

Записать речи „Петрушки“, балаганного деда, раешника.

Записать разговоры ряженых.

Пословицы и поговорки. Шутки. Пожелания добра и злые, приветствия, проклятия.

Выкрики разносчиков, приговоры торговцев, пастухов.

Такая программа имеет, между прочим, ту хорошую сторону, что выполнение ее в том или ином виде всегда, при всех условиях, может опираться на фактический материал, на личные наблюдения учащихся; таким образом, дети горожане едва ли не в равной степени с деревенскими окажутся „подготовленными“ в отношении накопления материала: каждый ребенок „сам является, по словам Богораза, составной единицей этнографической жизни и может производить наблюдения и записи, отправляясь от собственной жизни, от того родного угла где он родился“. Постановка работ, предполагаемая этой программой, способствует конкретизации этнографических сведений, получаемых из других источников—из чтения книг, бесед и т. д.

Школьные занятия этнографией могут иметь не только учебное, педагогическое значение. Дети всегда бывают „внимательными, острыми и неутомимыми наблюдателями, и присяжные этнографы при производстве работ постоянно прибегают к помощи детей“, многие этнографические данные только благодаря детской помощи, стали доступными ученым. Детские игры, детский фольклор, вообще „детская этнография“ очень мало изучена; использование детских сил и знаний и желательно и необходимо. Не переоценивая значения детских записей, следует, однако, сказать, что в иных случаях они, после необходимой проверки —могут представлять собою надежный и интересный этнографический материал.

Кратко касаясь организации преподавания этнографии и не повторяя того, что было уже сказано здесь попутно, следует указать чтение художественной этнографии („Кавказский пленник“ Толстого, „Ак—Бозат“ и многие другие рассказы

Мамина—Сибиряка, Короленко и др), чтение и предпочтительнее рассказывание биографий этнографов. Умело используемый биографический материал имеет большое воспитательное значение и, к тому же, способен обогатить детей этнографическими сведениями.

Кроме чтения и бесед, возможны письменные работы. Двенадцатилетние ребята хорошо описывают свои игры, святочные увеселения, записывают ходящие в народе рассказы и появляющиеся время от времени легенды... Следует уделить внимание картинам, снимкам, иллюстрациям в книгах и, если возможно, этнографическим коллекциям музея. В высокой степени полезно создать силами учеников этнографический отдел школьного музея.

Чтобы преподавание этнографии было надлежащим образом поставлено, необходимо создать благоприятные условия. Перед руководителями школьного дела в области стоит в связи с этим ряд очередных задач. Необходимо включить этнографию в круг общеобразовательных предметов, преподаваемых в учебных заведениях, подготовляющих кадры учителей начальных школ,—включить на таком же основании, на каком преподаются там психология, анатомия человеческого тела и другие „обязательные" предметы *).

Нужно включить в цикл специальных предметов, изучаемых в этих учебных заведениях, методику преподавания этнографии. Правда, этнографии, как самостоятельного предмета, в начальной школе нет и, вероятно, не будет, но важность изучения методики предмета от этого только увеличивается, во всяком случае—не понижается: только основательное знакомство с методикой предмета подскажет учителю правильный выбор материала и особенно средств проработки его,укажет ему возможность извлечь из имеющихся в его распоряжении материалов наибольшие воспитательные и образовательные ценности.

Необходимо привлечь специалистов к созданию научно-популярной этнографической литературы **). Если почему-

---

*) Если бы, сказать попутно, прежние школы, готовившие народных учителей, давали своим питомцам этнографическую подготовку, выиграла бы и наука, и школа, и на это тоже стоит обратить внимание—сам деревенский учитель, который живя с народом десятки лет, находил бы полезное применение своим силам и вне класных стен освежал бы круг своих интересов, не доходил бы до последней степени апатии и уныния, было бы меньше безрадостных дней в жизни русского учителя.

**) Для такой работы, кстати сказать, пути понемногу расчищаются. Принципы, устанавливаемые *М. В. Муратовым* в его брошюре „О популярной книге" (Чита, 1923, изд. Обл. Отд. Народн. Образования), облегчают подход к выполнению намеченной задачи.

либо неизбежно применение обычных хрестоматий, то необходимо, чтобы этнографический отдел редактировался специалистами. Целесообразнее же поручить специалистам составление так называемых подвижных хрестоматий по этнографии.

Классные картины, перечисленные раньше, не во всех частях удовлетворительны; в части же, касающейся сибирской этнографии, они очень незначительны количественно и плохи качественно. На очереди—издание школьных картин по местной этнографии; здесь художники должны притти на помощь этнографам. Теперь, когда художники перестают чуждаться занятий этнографией *), такая помощь обещает быть особенно плодотворной.

Г. Виноградов.

---

*) Как один из примеров можно указать художественную студию в Иркутске, руководимую И. Л. Копыловым, где, кроме специальных курсов и курсов анатомии человеческого тела, в 1922—1923 акад. году читалась общая этнография.

Об исторических памятниках г. Селенгинска.

(Материалы к экскурсиям по истории края.)

Вряд-ли найдется в Забайкалье место более богатое историческими памятниками, чем г. Селенгинск. Бывший в ранние времена колонизации русскими Забайкалья административным центром и посредником в торговле между русскими и монголами, Селенгинск не долго сохранил подобное свое значение. Перемещение административного центра в Верхнеудинск и сосредоточение торговли с Китаем в Кяхте превратили Селенгинск еще в начале XIX-го века в забытое, заброшенное поселение, которое с трудом можно назвать городом. Таким он и остался до настоящего времени. Тот факт, что с образованием Забайкальской области, Селенгинск был сделан уездным городом, мало отразился на его жизни. Селенгинск продолжал более жить прошлым, чем развивать свою настоящую жизнь. Проведение железной дороги в крае, сопровождавшееся быстрым подъемом жизни многих сибирских городов, совсем не затронуло Селенгинска, так-как он остался далеко в стороне от магистрали. Он не пережил того быстрого увеличения населения, развития в нем подвижности, изменения уклада жизни, которые так характерны для того времени. Подобное обстоятельство очень благоприятствовало сохранению в Селенгинске исторических памятников, преданий и воспоминаний о наиболее выдающихся лицах и событиях.

Как в Московском Кремле чувствуешь XIV—XVII века русской истории, так в маленьком, заброшенном, безлюдном Селенгинске, наталкиваясь на каждом шагу на исторические памятники, уносишься мыслью в прошлое города, начинаешь перелистывать одну за другой страницы сибирской истории. Борьба русских с монголами, воеводское управление, церковное строительство, политическая ссылка—все в большей или меньшей степени оставило здесь свои следы.

Автор настоящей заметки ставит своей целью, зафиксировать в коротких словах все то, что ему пришлось видеть и слышать в течение четырех дней пребывания в Селенгинске несколько лет тому назад.

Этим имеется в виду дать школьным работникам по истории края материал для построения программы школьной экскурсии.

При крайней бедности Забайкалья историческими памят-

никами, поездка в Селенгинск является едва-ли не наиболее интересным историческим маршрутом. При этом необходимо принять во внимание и легкость ее осуществления со стороны переезда: по железной дороге до Верхнеудинска и пароходом по Селенге до Селенгинска.

Находящийся вблизи Селенгинска Гусино-Озерский Дацан —местопребывание Хамбо-Ламы—где в середине лета каждый год совершается буддийская мистерия „Цам", легко дает возможность расширить программу экскурсии и в сторону ознакомления с этнографией края.

Поездка на пароходе от Верхнеудинска до Селенгинска по реке Селенге представляет удобный повод для изучения учащимися первых шагов в проникновении русских за Байкал.

Руководитель экскурсии должен дать учащимся сведения о первых экспедициях под начальством: Якова Хрипунова, Максима Перфильева, Курбата Иванова, Василия Колесникова и др. о постройке первых острогов и занятии Западного Забайкалья, о стремлении завоевателей на юг.

Подойдя к последнему, руководитель должен подробно остановиться на движении русских по р. р. Селенге, Хилку, Чикою, основании Селенгинска, Верхнеудинска и заселении южного Забайкалья.

Предоставляя дальнейшую разработку программы экскурсии самому руководителю, перейдем к материалу, который может быть им использован.

Материал, конечно, не может быть вполне исчерпывающим, так-как собран случайно, в течение всего лишь четырех дней, но тем не менее для целей экскурсии он является достаточным.

Рассмотрим его в хронологическом порядке.

Селенгинск, представляющий собой передовой опорный пункт для защиты русских поселений за Байкалом, выдержал в конце XVII-го века ряд нападений со стороны монгольских племен. Так, в 1681—1682 г. г. монголы и буряты табунуты (хоринские) грабили русских и ясачных инородцев по реке Селенге, подступили к Селенгинску, убивали живших по заимкам русских и угрожали „воинским походом". Через три года после этого Селенгинску пришлось выдержать более тесную осаду со стороны монголов. Эти нападения вызвали экстренную отправку за Байкал, сформированного частью в Москве, частью в Западной Сибири „Даурского полка"—численностью около 2000 чел. под начальством окольничего Ф. А. Головина. Новое нападение на Селенгинск в 1688-ом году 4000 монголов, посланных монгольским ханом Очироем, было успешно отражено этим отрядом. Особенно выделился в этом деле командовавший селенгинским гарнизоном бывший запорожский гетман Демь-

ян Многогрешный, сосланный по политическому делу и содержавшийся ранее в Селенгинской тюрьме.

Долгая борьба русских с монголами не могла не оставить по себе каких-либо воспоминаний или преданий.

Приведу два предания из этой эпохи, записанные мною в Селенгинске.

На правом берегу реки Селенги за Старым Селенгинском возвышается гора, покрытая на вершине лесом. Гора эта называется „Обманная". Предание о ней рассказывает, что однажды монголы пошли на Селенгинск, дошли до этой горы и расположились там лагерем. Стояли они долго, чуть ли не около трех месяцев. И вот, когда к ним пришли парламентеры и спросили почему они не шли дальше, монголы ответили, что всякий раз когда они хотели двинуться вперед, на их пути через эту гору воздвигалось какое-нибудь трудно преодолимое препятствие: то выростал непроходимый лес, то появлялась широкая река и т. п. Отсюда название горы „Обманная".

Верстах в 15-ти от Селенгинска по дороге в Верхнеудинск находится гора т. н. „Убиенная". Предание про эту гору говорит, что когда Селенгинск был пограничным острогом, к нему однажды подступили монголы и буряты, чтобы взять его. Число их было различно, по одним версиям—20 тысяч, по другим—30, а по некоторым—даже 40. На защиту города встали каторжники, среди которых были малороссийские и польские повстанцы. Всего около пятисот человек, а весь город тогда насчитывал населения около тысячи. Одного малороссийского повстанца выбрали предводителем. Городское ополчение выступило из города. Сражение с монголами произошло именно на этой горе и кончилось победой русских. Битва была очень кровопролитная и монголы оставили там до пяти тысяч убитых и раненых. Отсюда и название этой горы „Убиенная".

Можно с большой вероятностью предположить, что в этом предании говорится о нападении монголов на Селенгинск в 1688-ом году, когда в их отражении принял большое участие бывший запорожский гетман Демьян Многогрешный, о чем уже сказано ранее.

Находящийся в Старом Селенгинске, недалеко от Спасского собора, надгробный памятник воеводе Якобию переносит нас в эпоху воеводского управления.

Забытый бригадир Варфоломей Валентинович Якобий был одним из энергичнейших администраторов того времени.

Происходя из заграничных дворян, он в 1711-ом году поступил в русскую армию и прослужил в ней 29 лет, участвуя во всех бывших тогда кампаниях.

В 1740 году Якобий был произведен в бригадиры и назначен комендантом в Селенгинск.

С 1741-го года по 1745-й он, будучи комендантом, исполнял воеводские обязанности, так как вследствие малого количества дел, в Селенгинск тогда особого воеводу не назначали.

Управляя, после отказа от воеводских обязанностей, двумя канцеляриями: пограничных дел и гарнизонной, Якобий развил напряженную деятельность. Все сношения с Китаем перешли в Селенгинскую канцелярию пограничных дел и попали в его руки. Якобий очень много сделал в деле обороны границы от нападений со стороны монголов и китайцев. Организовав бурятские полки, он успешно разрешил вопрос охранения границ в Забайкалье. Принимая участие в возникшем тогда Амурском вопросе, Якобий высказал мысль, которую через сто лет после него осуществил Муравьев.

Смененный за несколько лет до смерти по настойчивым требованиям китайцев, он был оставлен „в числе генералитета“ (т. е. генералом для поручений) с местопребыванием в городе Селенгинске, где и умер в 1769-ом году.

Памятник Якобию находится, как уже сказано, в Старом Селенгинске, недалеко от Спасского собора. Он сделан из камня и представляет собой большую четырехгранную пирамиду, на верху которой крест. Памятник был выштукатурен, но от времени штукатурка пообсыпалась и в настоящее время он пришел в ветхость. На одной стороне памятника доска с надписью:

„Варѳоломей
Валентино
вичъ Якобій
Воевода Генераль
Маіоръ и кавалеръ
род. 6 Авгус 1693 г ск
12 Декаб 1769 Г

ЗРЧИ основаніе Селенгинска 1660“

Памятник обнесен со всех четырех сторон плетеной оградой.

Находящийся недалеко от памятника Якобию Спасский собор представляет собой интереснейший памятник церковной архитектуры XVIII-го века.

Как видно из надписи на деревянном кресте, находящемся в числе предметов церковной утвари, собор заложен в 1783-ем году и освящен в 1787-ом при „Екатерине Алексеевне и наследнике Павле Петровиче и при преосвященнейшем Михаиле епископе иркутском и нерчинском“.

Каменный, отштукатуренный, увенчанный пятью главами, собор построен в два этажа. Очень интересен по работе и замечательно красив старинный иконостас верхней церкви.

Светло-зеленого цвета с витыми из серебрянных и темнозеленых полос колоннами, с золотыми рамками вокруг икон, расположенных в пять ярусов, иконостас надолго останавливает на себе внимание посетителя своею тонкою резьбой и ажурными украшениями.

Все иконы очень древнего письма, прекрасно сохранившиеся.

В ризнице собора имеется древняя утварь.

Рядом с памятником Якобия стоит каменная часовня, т. н. Св. Креста. В ней помещается восьмиконечный крест, сделанный из соснового дерева, высотою около сажени. На лицевой стороне креста вверху рельефное резное изображение херувима, а потом рельефное резное изображение распятого Христа. На обратной стороне креста вырезано рельефно славянскими буквами: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресеніе Твое славим. Лѣто 7198 года (1690 г. по Р. Х.) строилъ Атаманъ Діятьев“.

Замечательно, что как херувим, так и распятие и все слова вырезаны из того же самого куска дерева, из которого изготовлен крест. По сторонам креста стоят нарисованные на дереве фигуры божией матери и Иоанна Богослова. Фигуры эти, как передают, работы декабристов Бестужевых.

Против памятника Якобию и Спасского Собора на другой стороне реки возвышается крутой, обрывистый утес, т, н. Англичанский.

Селенга, делая поворот, наталкивается на него и с силой бьется о скалу, как бы стремясь пробить себе дорогу.

Вблизи утеса на отлогом берегу реки, неподалеку от того места, где пристают пароходы, стоит старый деревянный дом и белый памятник—обелиск, на верху которого крест. Здесь, среди живописной местности, жили английские пасторы Эдуард Сталибрас, Роберт Юилль и Вильям Сван.

Посланные лондонским миссионерским обществом в далекое Забайкалье для проповеди христианства среди ламаитов, они с 1820-го года поселились в Селенгинске и энергично занялись изучением монгольского языка и переводом на него книг священного писания. Не имея ни грамматик, ни словарей—они все это должны были составить сами.

Памятниками их деятельности в этом направлении остались изданная Юиллем в 1836 году книга: „Syllabarium mongol“ и напечатанная самим Сталибрасом: „Stallibras Mongolian Grammar“.

В библиотеке бывшего Селенгинского городского двухклассного училища до самого последнего времени хранилось

около тридцати книг, принадлежавших английским миссионерам. В числе этих книг был один экземпляр их перевода евангелия на монгольский язык.

Закончив в 1828-ом году работы по переводу, английские миссионеры для больших успехов проповеди разделились: Сван и Сталибрас действовали на реках Ане и Кудуне среди хоринских бурят Верхнеудинского уезда, Юилль и также Сталибрас работали в Селенгинске среди селенгинских бурят.

Образованные, честные, идейные люди—они оставили по себе хорошую память среди бурят и селенгинского населения.

Миссионеры ходили по юртам, учили бурят грамоте, земледелию и ремеслам, читали им книги, оказывали врачебную помощь, но ни одного бурята не обратили в христианство.

Тем не менее духовные власти стали настаивать на прекращении их деятельности, да и у администрации она стала вызывать подозрения.

Это привело к тому, что в июле 1840-го года состоялось „высочайшее" повеление о воспрещении английским миссионерам продолжать свою деятельность.

После этого запрещения миссионеры постарались как можно скорее покинуть Забайкалье: Сталибрас и Сван выехали в январе 1841-го года, Юилль задержался дольше и выехал из Селенгинска около 1846-го года.

Дом, в котором жили миссионеры, одноэтажный, деревянный, пришедший в ветхость состоит из трех комнат, передней и кухни. Он окружен садиком и огородом. На стороне обращенной к реке крыльцо по середине, по обе стороны крыльца по три окна.

Рядом с домом находилось особое здание типографии, в которой миссионеры обучали типографской работе бурят.

Там имелись разные шрифты, в том числе монгольский, и миссионеры печатали свои переводы.

Могильный памятник-обелиск (кирпичный, окрашенный в белую краску), хорошо сохранившийся до сих пор, поставлен английскими миссионерами над прахом жены Роберта Юилля, Марты.

В обелиск вставлена чугунная доска с латинской надписью:

„Memoriae
Marthae Cowie
Fidelis uxor
Roberti Yuille
et fidelis socia

Londonensis missionare societis
Nata in Scotia in urbe Glasguae
Abiit in Sibiriam ad urbem Selenginsca
in anno domini MDCCCXXVII
Memoria justi est benedicta
Beati mortui qui in domino moriuntur
Блажени мертвіи умирающіе
въ Господѣ.
Откр."

Обелиск обнесен кирпичной глухой оградой, внутри которой находятся еще три маленькие надгробия над прахом детей Юилля.

Семейство Юилля умерло все в один год, по рассказам, от поветрия: от чумы или оспы, занесенных из Китая.

Безмолвие живописной местности, среди которой одиноко стоит этот своеобразный памятник-обелиск, породило легенду, будто по ночам у памятника появляется женщина в белом одеянии и подолгу ходит кругом него.

Сталибрас не оказался счастливее Юилля. Ему также пришлось пережить в далеком Забайкалье среди бурят тяжесть утраты близких ему людей.

Здесь придется не надолго выйти за пределы Селенгинска.

В двенадцати верстах от бывшей Хоринской Степной Думы по дороге на Кижингу, на Ходунском станке стоит кирпичный, побеленный, теперь полуразрушенный памятник.

Две чугунные, литые, весом пудов по пяти плиты, сброшенные с памятника, лежат около.

На плитах надписи:

I.

„E. M.
In hoc sepulchro conduntur relique
mortales Sarae Stallybrass Uxoris carissime fidelissimeque Eduardi Stallybrass
emissarii a Societate Londonensi pro
evangelo inter ethnicos propagando ob'
februarii 10 die ASH 1833
Aetat 42.
Ubi est mors stimulus tuus
Ubi est sepulchrum victoria tua."

2.

„Здѣсь погребены тлѣнныя останки
Шарлоты Ѳоминишны Сталибрасъ, имевшей
отъ роду 32 года любезнѣйшей Супруги
Англійского Миссіонера Эдуарда Стали-

брасъ умершей въ родахъ сентября 11/23
го дня 1832 года и с нѣю лежитъ сынъ
ея Веніаминъ въ то же время родившійся
а умершій въ 10 день отъ рожденія.
Смерть! Гдѣ твое жало?
Адѣ! Гдѣ твоя побѣда?"

В том-же, 1840-ом году, когда была запрещена английским миссионерам их деятельность, 6-го сентября состоялось „высочайшее" повеление о перенесении города Селенгинска с правого берега реки Селенги на левый, на 3½ версты выше по течению реки. Повеление это последовало вследствие ходатайства самих жителей, так как город заносило песком с близлежащих гор, разрушало наводнениями и частыми пожарами.

В бывшем тогда городском управлении Нового Селенгинска можно видеть на стене в раме под стеклом „Планъ, проэктированный для города Селенгинска на новом мѣстѣ въ урочищѣ Тоенскомъ", утвержденный Николаем Первым. Согласно этому плану и состоялось тогда перенесение города. План этот является крайне характерным памятником Николаевской эпохи.

По этому плану Селенгинск расположен правильным квадратом и имеет всего двадцать пять кварталов: пять кварталов он идет в длину и пять в ширину.

Третий квартал третьего ряда, т. е. место как раз по средине, остается свободным и представляет собой площадь, на которой должен быть построен собор. На четырех сторонах площади должны быть расположены: 1) „Городническое правление", 2) почтовая контора, 3) приходское училище, 4) словесный суд или магистрат.

Вот обозначения на плане: 1) площадь, на которой место для церкви, 2) город. правл., 3) гауптвахта, 4) почтовая контора, 5) приходское училище, 6) Словесный суд или . . . 7) торговые лавки (лавки расположены по четырем углам соборной площади), 8) кварталы для обывательских строений, 9) место для военных помещений, 10) артиллерийские здания, 11) военный лазарет, 12) пороховой погреб, 13) съестные харчевни и питейные дома, 14) винные, 15) соляные и 16) провиантские магазины, 17) кузницы, 18) торговые бани, 19) городские бульвар и канава с мостиком, 20) кладбище.

Место для военных помещений, артиллерийские здания, военный лазарет и пороховой погреб—расположены по плану на север за городом. Кузницы—на восток от города у берега Селенги. Винные, соляные и провиантские магазины, торговые бани и кладбище—к югу.

Самый город со всех четырех сторон окаймлен бульваром, непосредственно примыкающим к крайним кварталам и

канавой, которая идет сразу-же за бульваром и представляет собой границу города.

За канавой и располагаются те строения, которые по плану должны быть вне города.

Против каждой улицы через канаву по плану должны быть построены мостики.

На плане обозначены: „Протока реки Селенги“ на востоке и „Мѣсто понимаемое водой во время необыкновенныхъ наводненій реки Селенги“. Обозначен тракт из города Верхнеудинска в Кяхту, который проходит с восточной стороны между городом и кузницами. Обозначены на плане и окружающие горы.

Масштаб плана приблизительно 300 сажен в дециметре, немного менее.

Составил план архитектор статистического отделения совета Министерства Внутренних Дел Баранов.

На плане справа вверху надпись:

„Быть по сему. Николай. 6-го сентября 1840 года.“ Справа внизу: „Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Графъ Строгоновъ.“

План вместе с рамой имеет приблизительно около аршина с четвертью длины и немного более аршина ширины.

Кроме плана в городском управлении Селенгинска хранится на стене в раме под стеклом и герб города, полученный после того, как Селенгинск был перенесен с правого берега реки Селенги на левый.

Герб нарисован на полулисте бумаги. Наверху листа надпись: „Копія“.

Под этим словом: „На подлинномъ Собственною Его Императорского Величества рукою написано: Утверждаю. Красное село 20 іюля 1846 года.“

Далее посреди листа: „Гербъ города Селенгинска.“ Затем изображение самого герба. Под ним его описание: „Щитъ раздѣленъ на двѣ части, въ верхней, меньшей, въ серебрянномъ полѣ губернскій герб, а въ нижней, пространной, въ голубомъ полѣ на вершинѣ зеленаго холма возраждающійся феникс.“

Под описанием герба подпись: Съ подлиннымъ вѣрѣнъ; Исправляющій должность Секретаря Павелъ Штейнъ.“

Герб Селенгинска в верхней части походит на герб Иркутской губернии: „бабр“ тащит соболя.

Различие между ними заключается в том, что на Иркутском гербе—соболь перегнутый и нарисован красной краской, а на Селенгинском соболь прямой, повернул к „бабру“ голову и нарисован другой краской.

В нижней части герба изображен горящий на вершине холма костер, на котором стоит, подняв голову вверх, белая птица с двумя крыльями. Вокруг ее головы в круге ореол.

В пяти верстах от Нового Селенгинска, на берегу реки Селенги ниже Англичанского утеса, неподалеку от бурятского улуса, за белой каменной оградой находятся могилы декабристов Бестужевых и Торсона.

Пребывание декабристов в Селенгинске, т. е. 40-е, 50-е годы XIX-го века представляют собой одну из ярких страниц жизни города.

Не останавливаясь на деятельности декабристов в Селенгинске, ввиду того, что это достаточно известно, опишу памятники, находящиеся на их могилах, а затем приведу слышанные мною от нескольких лиц воспоминания о них

Правда, воспоминания эти также не дадут чего либо нового, разве только отдельные штрихи, но они характерны, как показатель того, какие стороны личности и черты жизни декабристов наиболее запечатлелись и хранятся в памяти населения.

За белой каменной стеной, как-бы снова в тюрьме, где декабристы уже провели многие годы при жизни, стоят над их могилами четыре памятника.

Памятники первый и третий (считая справа от входа) представляют собой квадратное каменное основание, каждая сторона которого равна приблизительно $1^1/_2$ арш. На этом основании четырехугольный чугунный пьедестал меньшего размера и на нем чугунная колонна, увенчанная позолоченным крестом.

На передней и задней стороне пьедестала надписи, на боковых—изображения евангелистов.

Надпись на первом памятнике.

На лицевой стороне:	На обратной стороне:
„Здѣсь погребенъ Константинъ Петровичъ Торсонъ.“	„Умеръ въ Селенгинскѣ 1851 года.“

Надпись на третьем памятнике.

На лицевой стороне:	На обратной стороне:
„Здѣсь похороненъ Николай Александровичъ Бестужевъ.“	„Родился 1792 г. Умеръ 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ.“

Второй и четвертый памятники представляют собой простые чугунные плиты, на средине которых стоит крест.

Надпись на втором памятнике:

„Отрокъ Николай
Михайловичъ
Бестужевъ,
родился 1857 г. ян-
варя 25 дня. Умеръ
1863 г. Ноября 19 дня."

Надпись на четвертом памятнике:

„Марія Николаевна
Бестужева
Скончалась 1866
года Декабря 7
дня на 39 году
отъ рожден я."

Все памятники стоят на каменной площадке, которая имеет около двух сажен длины и около сажени ширины.

Каменная стена, окружающая памятники, высотой около $2^1/_2$ аршин и толщиной около аршина.

На стороне, обращенной к реке Селенге, по средине чугунная дверь-решетка.

Внутри ограды справа от памятников у самой стены небольшое каменное возвышение, как-бы предназначенное для сидения.

Все основания, площадка, сидение, стены были выштукатурены.

В то время, когда мне пришлось видеть памятники, они имели полуразвалившийся вид и были страшно запущены.

Местность около памятников носит название „Новой деревни".

Здесь поселились декабристы: бр. Бестужевы и Торсон в 1839-ом году, по отбытии тюремного заключения в Петровском Заводе. Они выстроили себе дома и повели в широких размерах сельское хозяйство, принимая в то же время горячее участие во всех вопросах местной жизни.

Впоследствии дом, где жили бр. Бестужевы, был перевезен в Новый Селенгинск.

По словам одних, он был куплен гр. Всеволодовой, по словам других, вследствие того, что дом продать было некому, Михаил Бестужев перед отъездом в Москву решил разыграть его в лоттерею.

Обе версии сходятся на том, что дом Бестужевых был перевезен в Новый Селенгинск, при чем мезонин с него был снят и поставлен отдельно.

В то время, когда я был в Селенгинске, мною были сфотографированы два дома, принадлежавшие тогда старушке Седовой.

По ее словам, по словам других жителей Селенгинска, по рассказам бурята Ванжёглова, который был учеником Михаила Бестужева, эти два дома составляли один, в котором жили братья Бестужевы в Новой деревне.

Действительно, по постройке и по размерам один из теперешних домов Седовой представляет собой мезонин, снятый с другого дома.

Кроме дома, принадлежавшего ранее бр. Бестужевым, в Новом Селенгинске до сих пор существует дом, в котором жил Торсон.

Какова история этого дома я сказать более или менее определенно не могу.

Воспоминания о декабристах мне пришлось слышать всего лишь от двух лиц. Причиной этого является слишком короткое мое пребывание в Селенгинске.

Торговавший в то время, когда я был там, купец Лушников рассказывает со слов более старших членов своей фамилии, что Бестужевыми был изготовлен иконостас с чудными иконами для церкви в Новом Селенгинске, но эта церковь, не будучи окончена постройкой сгорела вместе с этим иконостасом. Бестужевы принесли краю много добра. Они были „светлые личности"—„ангелы божии на земле, а не люди". Как они попали в Сибирь, они ничего не говорили, а, когда их спрашивали, отвечали: „поживете - все увидите, все узнаете". Бестужевы занимались столярным и кузнечным ремеслами, художеством. Теперешние кузнецы пошли от них, так как они научили их отцов этому ремеслу. У Николая Бестужева была в Селенгинске своя маленькая лаборатория и он был также астрономом. Бестужевы учили ребят грамоте.

Вместе с Бестужевыми жил еще в Селенгинске декабрист Торсон. Декабристы, кроме того что учили ребят грамоте, а население ремеслам, еще лечили чем могли больных.

Бурят Ванжёглов передает, что он ежедневно ходил в Новую деревню к Михаилу Бестужеву недели за три до отъезда последнего в Москву,—учиться у Бестужева столярному ремеслу и находился у него часов с десяти утра до пяти вечера.

По словам Ванжёглова, Бестужев был старичок, небольшого роста.

Бестужев очень внимательно ему рассказывал, как надо делать.

Если Ванжёглов не понимал, то Бестужев повторял раза по два, по три.

Бестужев сожалел, что не успеет доучить бурята и говорил, что если бы годом раньше, он бы научил его: из него хороший работник бы вышел.

Ванжёглов говорил, что Бестужев был очень настойчив в своих требованиях „что скажет, так уж сделай“ и непременно добьется своего.

Когда ходил Ванжеглов, Бестужев сам не работал ничего, а только показывал, что надо делать и чертил планы.

Бестужев следил за жизнью: читал газеты, книги.

На Ванжёглова произвело большое впечатление, что Бестужев был хорошо знаком с иностранными языками.

Жил Бестужев хорошо. Бывали у него гости: начальствующие лица города Селенгинска, командир 23-ей батареи, которая была переименована в 1-ю Забайкальскую.

Была у него прислуга: кучер, горничная, кухарка.

У Бестужева была жена, дочь, сын. Жена умерла в Селенгинске. Сколько он ни призывал докторов, ничто не помогло ей от болезни.

Дочь его, когда ей исполнилось шестнадцать лет, уехала в Петербург и там стала фрейлиной у императрицы.

Когда декабристам позволено было вернуться в Россию, Бестужев вместе с сыном, которому было тогда пять лет, уехал в Москву.

В доме Бестужева была особая классная комната, в которой он учил своих детей.

Это все, что рассказал мне о Бестужеве Ванжеглов.

В Селенгинске у многих лиц можно встретить предметы и вещи работы декабристов, или чем-либо с ними связанные.

Так напр. у начальника Селенгинской почтово-телеграфной конторы Зарубина мне пришлось видеть четырехколесный экипаж-сани, работы Михаила Бестужева.

Особенность экипажа та, что к его колесам зимой прикреплялись особые полозья и это давало возможность свободно ездить в нем по снегу.

Экипаж этот в последнее время проигрывался в карты и переходил таким путем из одних рук в другие, а ни у одного местного музея не находилось средств приобрести его.

У старушки Всеволодовой находятся диван, стол и два кресла тоже работы М. Бестужева.

У теперешней же владелицы дома Бестужевых Седовой мною был приобретен деревянный, фанерчатый столик их работы, стоявший у них в доме и служивший по всем данным для игры на каком-то музыкальном инструменте, м. б. на цитре.

Этот столик можно видеть теперь в Читинском Музее имени А. К. Кузнецова.

В заключение остановлюсь в коротких словах на позднейшей политической ссылке последних десятилетий XIX-го века.

Хотя центром поселения политических ссыльных в эту эпоху правительством был сделан Баргузин, тем не менее и Селенгинск не остался неиспользованным для этой цели.

В Селенгинске жили на поселении Кардашев, Шамарин, Брамсон, Кроль и др.

Полная оторванность, заброшенность города, невозможность найти какие-либо занятия, крайняя нужда доводили сосланных в Селенгинск до ужасного состояния.

Жители Селенгинска рассказывают об одном юноше, который каждый вечер уходил на берег Селенги, садился на краю высокого утеса и подолгу неподвижно смотрел в ту сторону, где солнце последними лучами заката ласкало землю.

Безысходная тоска и грусть овладевали им. Однажды юноша не выдержал и в отчаянии бросился с высокого утеса в реку.

Этот юноша был политический сосланный Наддачин.

С той поры этот высокий, обрывающийся в Селенгу утес, называвшийся ранее „Англичанский“ стали называть „Наддачин“.

Заканчивая этим свое краткое описание исторических памятников г. Селенгинска думаю, что приведенного материала вполне достаточно для составления программы исторической экскурсии.

Разработка программы не представит для руководителя больших трудностей.

Краткий список необходимой литературы я приведу в конце.

Во время экскурсий можно будет сделать многое в деле собирания нового материала.

К этому также нужно соответствующим образом подготовиться.

В затронутой мной теме есть еще одна сторона, о которой нельзя не упомянуть—это вопрос об охране исторических памятников и реставрации их.

В то время как в Советской России существуют особые учреждения, ведающие этим делом, которые расходуют большие средства на поддержание и реставрацию памятников искусства и старины, на Дальнем Востоке в этом отношении делается крайне мало.

Между тем большинству памятников нашего исторического прошлого, которых осталось и так очень немного,— грозит гибель.

Достаточно упомянуть хотя-бы обо всем, связанном с декабристами и позднейшей политической ссылкой, не говоря уже о памятниках более раннего времени и церковном искусстве.

Вопрос об организации здесь, на Дальнем Востоке, комиссий по охране памятников искусства и старины должен быть поставлен на очередь.

Наряду с этим каждый преподаватель должен воспитывать в учащихся необходимость самого бережного и внимательного отношения к историческим памятникам, потому что теряя их, мы лишаемся путей проникновения в наши прошлые исторические судьбы.

Необходимые пособия для подготовки к экскурсии:

Щербачев. Исторические сведения (о Забайкалье); материалы Куломзинской Комиссии, вып. 5-й. Спб. 1898.

Золотухин Завоевание Забайкалья русскими. Владивосток. 1911.

Васильев. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Первые два тома. Чита. 1916.

Рыбаков. Английские миссионеры в Забайкалье. „Историч. Вестник“. 1905. № 1.

Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1832—1882 г. г.). Иркутск. 1883.

Воспоминания братьев Бестужевых. Изд. „Огни“. Спб. 1917.

Богучарский. Семейство Бестужевых. „Мир Божий“. 1902. № 9.

Декабристы. 86 портретов Изд. Зензинова. Москва. 1906.

Гирченко. Прибайкалье. Краткий исторический очерк. Изд. Прибайкальского Союза Кооперативов. Верхнеудинск. 1922. К брошюре приложена библиография по истории и экономике Прибайкалья.

Подробный список литературы см. в „Кратком указателе литературы по Прибайкалью“, составленном сотрудниками Прибайкальского Народного Университета: **Гирченко, Вельминым** и **Бажиным**. Изд. Прибайкальского Народного Университета и Прибайкальского Губернского Выставочного Бюро. Верхнеудинск. 1923.

По вопросу о собирании материалов см. **Вернадского**: „Инструкция для собирания сведений по истории Сибири“ в „Сборнике инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь“, изданном Обществом изучения Сибири и улучшения ее быта в Петербурге, в 1914 году. Издание второе исправленное и дополненное.

Для желающих войти глубже в область вопросов экдромологии могу назвать **Назарова М И**: „Указатель книг по музееведению и „экскурсионному делу“. Москва. 1919.

А. Харчевников.

II

Материалы по краеведению

Буддийское искусство в Агинском дацане.

Достаточно обширная литература о бурятах, освещая их быт, религиозный культ, экономику, охватывая все стороны их жизни, имеет, тем не менее, заметный пробел: она в весьма малой степени касается искусства этой народности.

Наблюдения же над жизнью бурят дают основания к выводу, что роль искусства в жизни бурята не настолько уж мала, чтобы о ней умалчивать.

Проявляясь на каждом шагу в повседневной жизни бурята, искусство этой народности наиболее ярко выявляется в дацанах.

Так как бурятские дацаны представляют собой буддийские монастыри, то и все искусство бурятских дацанов во всех своих проявлениях неразрывно связано с буддийской религией и, являясь ветвью общего буддийского искусства, отличается от своего буддийского корня лишь частностями. Поэтому искусство бурятских дацанов удобнее обобщить термином „буддийское", употребляя в дальнейшем термин „бурятское" искусство в тех лишь только случаях, когда оно носит определенные черты, свойственные только этому народу.

Попытку изучения буддийского искусства в одном из дацанов Забайкалья, сделал бывший Читинский Художественно-Промышленный Техникум, снарядивший в 1923 году экспедицию в Агинский дацан с целью изучения и собирания материалов по буддийскому искусству в разных его проявлениях. Экспедицией собран значительный материал, который может служить богатым источником для претворения бурятского творчества в художественных мастерских Техникума в ткани, керамику, резьбу по дереву, художественное рукоделие и декоративную живопись. Экспедиция эта, посетившая один Агинский дацан, есть только начало изучения бурятского искусства. Безусловно недалеко то время, когда изучение искусства бурят проведено будет в стройной системе. Тогда будет научно установлена связь бурятского искусства с искусством китайским, тибетским и народов соседних стран, ибо оно несет в себе одновременно элементы тех или других из них.

Агинский дацан является одним из крупнейших и богатейших дацанов Забайкалья. Расположенный в центре Агинского аймака, дацан собирает на свои хуралы (праздники)

много тысяч богомольцев и вмещает свыше 500 лам. Дацан представляет собой ряд больших и малых кумирень, вокруг которых расположены домики лам. В Агинском дацане кумирень 9. Важнейшими являются: центральная кумирня, храм Майдари, храм Рая и большая кумирня—школа.

Для более подробного ознакомления со всеми видами искусства, рассмотрим каждый из видов в отдельности.

Архитектура.

Архитектура дацана теснейшим образом связана с китайской. Ярко окрашенный фасад дацанов, завороченные на китайский лад окончания углов крыш с блестящими драконами говорят за то. Наряду с китайским влиянием сказывается влияние русское, обуславливаемое, главным образом, климатическими причинами.

Коснусь в общих чертах строительства центральной кумирни.

Деревянная ограда с тремя воротами окружает кумирню, обращенную фасадом к югу. Двор заполнен священной рощей. Входные ворота, деревянные же, старые,—с кровлей на китайский лад. Войдя в калитку, охватываешь взором всю кумирню во всем ее восточном великолепии, сочно и звучно окрашенном в яркие краски. Здание уже утратило свежесть окраски, но, тем не менее, впечатление от этого необычного для всякого нового человека зрелища остается неизгладимое.

План здания приближается к квадрату.

Здание трех-этажное, первый этаж каменный; третий этаж представляет мезонин с узенькой террасой вокруг.

Крыша двускатная, высокая, крытая не черепицей, как в китайских кумирнях, а листовым железом и окрашена в светло-желтую краску. Верх увенчан пятью блестящими золочеными ганчжирами, а над входом блестит золотое хурде —восьмирадиусное колесо с двумя коленопреклоненными газелями.

Кровля паперти поддерживается рядом толстых каменных колонн с мраморным низом.

Лестница трехскатная, широкая, вся мраморная. Входные лестницы на 2-ой этаж деревянные.

Для поддержания потолков в каждом этаже введены по четыре ряда деревянных резных колонн.

Свет проникает с 2-х сторон из небольших окон, сделанных совершенно аналогично русскому двухстворчатому окну. Северная сторона не имеет окон и вся уставлена статуями бурханов. В храме довольно темно и глаз не сразу охватывает все. В общем, внутри храм не носит следов такого декоративного роскошного убранства, как снаружи. Ряд различной величины бурханов вдоль северной стены отгоро-

жен деревянной стеной перед которой во всю ее длину тянется жертвенник. Верхняя половина стены застеклена. Полумрак, царящий в этом месте, придает бурханам, слабо блистающим своей позолотой, своеобразный загадочно-мистический облик.

Не вдаваясь в конструктивные подробности храма, скажу, что на наружный вид, и главным образом, на фасад в смысле декоративного убранства, обращено большое внимание. Белые каменные колонны, с деревянными фигурными кронштейнами вверху и мраморным скульптурным цоколем, светло мраморная широкая трехскатная лестница, несколько поясов богатейшей резной, ярко окрашенной орнаментации, большие массы насыщенной красной краски и ярко-желтые покатости крыш — придают фасаду здания богатый восточный характер.

Как уже было сказано, ставни и наличники окон кумирни аналогичны русскому двухстворчатому окну. Только резная окрашенная орнаментация в чистейшем бурятском характере является отличной от русской резьбы ставней. В окраске ставней введена, между прочим, в больших планах черная краска, как декоративное пятно. Буряты понимают черную краску и умело пользуются ею.

Храм в общей массе прекрасно скомпанован, массивен, хорош в пропорциях и великолепен своей орнаментацией.

Двух-этажный деревянный храм Майдари не так массивен и не так богато орнаментирован, но он отличается легкостью и изяществом общего; окрашен в светло-розовый тон, красиво выделяясь своими фигурными крышами на темной зелени священной рощи.

Каменный храм Рая, самый старый из всех храмов дацана, скомпанован просто и солидно. Разбивка деталей, размещение окон и балкона вокруг 2-го этажа, связь целого с крышей с небольшими загибами на китайский манер, выдают понимающего свое дело архитектора. Храм этот белый, с нешироким поясом орнаментации под крышей, с медными кругами на черных досках, своей простотой прямо противоположен двум описанным дацанам. Жаль, что он тесно застроен вокруг и рассмотреть его в целом с нормального расстояния почти нельзя.

Об остальных храмах дацана говорить не приходится, т. к. они являются повторением только что описанных.

Повидимому, дацаны, в первоначальном своем виде, были более простой архитектуры. Судя по имеющимся в Читинском музее рисункам Догчинского дацана, четыре раза перестраиваемого в течение 100 лет, весьма отчетливо обозначается эволюция строительства дацанов от небольших деревянных одно-этажных зданий, с маленькой надстройкой в виде мезонина, почти без всякой орнаментации,—к трех-этаж-

ным. При всякой новой перестройке орнаментация обогащается, размеры возрастают до десятка сажен. Древнейший храм Рая, если верить рисунку Агинского дацана, сделанному в 1 й половине прошлого века английским миссионером Сталибрасом*), был перестроен с переделкой крыши на китайский лад и усложнением орнаментации.

Живопись.

Чрезвычайный интерес представляет иконография. Здесь не безынтересно будет провести параллель между нашей иконописью и иконописью бурятских художников.

У наших иконописцев существуют веками выработанные типы святых и, до некоторой степени, закреплены подобием иконописного устава. Все же индивидуальности художника можно проявить себя как в композиции, так и в красках. И не мудрено, что иконопись наша дала таких больших мастеров, как Рублев, образы которого отличны необычайной глубиной содержания и мощью композиции.

Не то у бурятских художников. У них существует твердый устав для изображения каждого божества, отмечающий мельчайшие подробности.

Так напр. в сочинении „Цагун-Хурдэ“ говорится. ...„Ширина носа у Бурхан-бакши 2 пальца; вышина 1½ пальца, ноздри в поперечнике ½ пальца, в длину 1½ пальца; промежуток между ноздрями ½ пальца. Лицо его в окружности от одного уха до другого 18 пальцев, по задней 14, всего 32 пальца. Горло в окружности 24 пальца“.... и т. д.

В сочинении „Дэгеду амуглан санвар“ относительно изображения всех вообще бурханов говорится: „Форма лица блаженных будд подобна куриному яйцу, т. е. почти круглая, суживающаяся книзу; у женских более продолговатая; у биритов и чертей, а также у бурханов докшитов она или совершенно круглая, или же четырехугольная“....**)

В других местах точно говорится о всяких мелких деталях и окраске.

Понятно, что такое стеснение художника в композиции и окраске изображаемого должно было создать определенный шаблон, твердо установленный и веками незыблемый.

Сравнивая старые, почти истлевшие „тылыки“ (по монг. хуруки), т. е. живописные изображения божеств, с новыми, я нашел в выполнении их полное тождество.

Следовательно, искусство иконографии не идет вперед. Оно застыло и, повидимому, стало в такие условия, что сдвига в нем ожидать трудно.

---

*) Рисунок находится в Читинском музее.

**) Заимствовано у Позднеева: „Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии“. Записки Р. Г. О. по отделению этнографии. Том XVI. Стр. 55.

Но все же, какие бы тесные рамки ни создавались для художника, какие бы преграды ни ставились выявлению его творчества, истинный талант всегда обнаружит себя.

Сравнивая ряд однородных тылыков, изображающих одно и то же божество, видишь ясно, что они не одинаковы по художественности исполнения. Некоторые из них поражают своим высоким, неожиданным, изумительным мастерством. Какие бы грани ни ставили живописцу в смысле числа красок и их словесного определения, мастер из двух—трех основных цветов создаст живописно проработанную композицию. Некоторые тылыки своим колоритом, необычайным для европейца по своей яркости, по своим невиданным сочетаниям тонов, ставят зрителя втупик. Не понимаешь, как можно получить такое грохочущее звучание ультрамарина, прокрытого простым клеевым способом; не понимаешь, как получился такой ужасный мертвенный зеленый тон рядом с необыкновенно интенсивным фиолетовым; не понимаешь, каким образом удалось получить такое красивое сочетание серого пламени с светло желтым пятном.

Выявить максимум звучания тона и связать гармонично с окружающими тонами—задача весьма почтенная и удавалась, повидимому, не многим живописцам.

Второе, что поражает в тылыках—это мастерство в оконтуривающей линии.

Линия лучших тылыков жива, остра, в смысле рисуночного очерка, необыкновенно изящна, гибка. Она непрерывна и убедительна сверху донизу, утолщаясь там, где нужно, прерываясь там, где необходимо. Поэтому скопировать хороший тылык европейскому художнику почти невозможно. Такой линии не знает европейское искусство!

Подобного изумительного мастерства в линии бурятские художники достигают после многолетней тренировки.

Как уже было сказано, искусство дацанов во всех своих проявлениях теснейшим образом связано с религией. Поэтому оно должно говорить языком символов, условных образов, след. оно далеко и слишком чуждо реальности. Живописцу дацанов неведомы законы перспективы, светотени, да и не нужны, т. к. картину он понимает, как плоскость—и только. Третье измерение (глубина) на плоскости ему не нужно: у него для этого в руках есть искусство—скульптура, ибо всякий художник дацана мастер двух и трех искусств.

Итак, тылыки не реальны, без намеков на светотень и перспективу, графичны, условны и символичны.

Отсюда—понятный вывод, что в них должен преобладать элемент стилизации.

Это искусство стилизовать не только в тылыках, но и во всех проявлениях, где касалась рука художника, доведено до высокой степени совершенства. Что удивляет в прости-

лизовании любой детали, любого пустяка, так это большое чувство меры, чувство ритма, необыкновенная тонкость, изысканность. Как, например, простилизовано изящно пламя на фоне многочисленных Намсараев! Я понял это их пламя только теперь, изучая языки костра в своих скитаниях!

Коснусь теперь содержания тылыков и их композиции.

Все изображения божеств резко различаются по своему состоянию на покойных и грозных, находящихся в движении (Докшиты).

Композиция покойных божеств построена по принципу равнобедренного треугольника и вертикальной симметрии. Основанием этого треугольника служит престол в виде цветка падма, крупнолистного, всегда хорошо простилизованного. Посадка божества обща для всех бурханов подобного типа. Она выражает глубокий покой всей фигуры сидящего. Поджатые впереди себя ноги и вывороченные наружу стопы спокойного божества настолько характерны для покойных божеств, что спутать их с докшитами невозможно. В соответствии с покоем всей фигуры, лица бурханов этого рода отличаются необыкновенным спокойствием (пребывание в нирване), глаза всегда притуплены вниз (отрешение от материального). Очертание губ часто бывает прекрасно. Глаза очерчены одинаково у всех: восточный миндалевидный разрез с весьма заметным выгибом вниз верхнего века. Все лица весьма похожи друг на друга. Главные божества нетрудно отличать по окраске и по предметам религиозного культа, котсрые они держат в руках. Но так как у буддистов число будд необыкновенно велико и каждая кумирня должна иметь не менее 1000 будд, то художники прибегают к следующему способу.

Во втором этаже центрального дацана есть большой тылык. Центральная фигура сравнительно не велика. Большой фон занимают мельчайшие фигурки будд, расположенные в шахматном порядке, числом около 1000. Меня заинтересовало, как сделаны эти миниатюрные изображения. Когда я, снявши высоко висевший тылык, внимательно изучил его, я увидел, что все эти рисунки сделаны от руки, необыкновенно тщательно окрашены в 3-4 краски и оконтурены той восхитительной линией, которая присуща бурятским живописцам.

Сколько же работать нужно над таким тылыком при такой тонкости работы?! На такую работу способен только восточный художник.

Итак, в изображениях покойных божеств, художник строит по уставу композицию так, чтобы передать всю глубину безмятежного покоя, ту „нирвану“, в которой пребывают бурханы.

Иное мы видим в изображении докшитов, где нет и тени намека на безмятежный и сладостный покой.

Здесь все полно движения. Ужасные нагромождения всяких чудищ средневекового Босха, наши иконописные попытки изображений ужасов ада ничто в сравнении с докшитами. Только восток может дать подобное! Иконописный устав, повидимому, в этих изображениях не так строго сдерживает художника, т. к. фантазия художников в них достигает наивысшего напряжения. Докшиты, по большей части, изображены в пляшущей позе, с распростертыми руками, с лицами полными гнева, нечеловеческой ярости; тело их обнажено, всегда необыкновенно могуче, на руках когти. Лица теряют свою овальность, приближаются к квадрату, зубы вырастают в клыки. Глаза теряют удлиненную форму и, преисполненные ужаснейшей яростью, становятся громадными и круглыми. Часто, для придания большей силы и могущества, число голов и рук увеличивается. В руках докшитов рисуется оружие, змеи, человеческие кости, знамя, вачиры и докшиты бывают окружены предметами пыток и мучений. Наряду с безобразным лицом и обнаженным телом, докшиты всегда украшаются драгоценными поясами, запястьями и ожерельями. Если ко всему прибавить складки одежд, треплющихся вокруг стана докшита и громадные языки пламени рвущегося в буйном вихре, из-за спины докшитов, принять во внимание, что живописец в такой картине дает самые сильные, самые неожиданные красочные контрасты, употребляя всю силу цветовой интенсивности своей палитры,— мы поймем всю мощь изобразительной силы бурятских живописцев.

Из упомянутого относительно композиции двух противоположных состояний покоя и титанического движения, мы видим, что художники дацанов в лучших тылыках разрешают свою задачу прекрасно. Лучшего заполнения плоскости, без знания светотени, воздушной и линейной перспективы без знания анатомии (при изображении исключительно человеческой фигуры) трудно придумать. В этом главное значение живописи дацанов.

Коснусь еще кое-каких картин другого рода.

В первом этаже есть две больших картины, изображающие „Тугут-дацан“. Трактовка построек, их распределение, изображение деревьев, вкомпановка человеческих фигур весьма близко напоминает наши лубочные „Афоны“.

Вообще сложные картины, в которых есть попытки ввести пейзаж, как фон для изображения эпизодов из жизни будды, менее интересны, чем тылыки.

Считаю уместным описать способ и технические приемы изготовления тылыков. Мне пришлось увидеть все стадии

изготовления тылыка старым художником дацана Джалсарей Дамъяновым.

Тылык рисуется на тонком ровном полотне, которое туго натягивается на подрамник, грунтуется белилами в порошке или хорошим мелом с рыбьим клеем. После высыхания грунт шлифуется гладкой костью. Краски берутся в порошке, лучшего качества. Растирают их в фарфоровых чашечках аптекарским пестиком с такой тщательностью и умением, что краска получается удивительной чистоты и звучности и приобретает великолепную кроющую способность. Нарисовав карандашем контуры, художник заполняет рисунок чистыми тонами, редко прибегая к смешению красок. Потом идет бронзировка и обработка набронзированных участков агатом путем вдавления и шлифовки, чем достигается разница в блеске бронзы. Бронза употребляется китайская. Оконтуривание рисунка, в котором художники проявляют такую виртуозность, бывает в конце тончайшей мягкой кисточкой Затем тылык наклеивается на яркую шелковую материю таким образом, что остаются большие поля. Сверху и снизу прикрепляются палки для скатывания тылыка. Величина тылыков бывает от четверти аршина до 3 аршин.

Любовь к краске у бурят проявляется везде, где только возможно что-либо расписать.

Колесницы, барабаны, кресла, столики, шкафчики для бурханов, колонны и, наконец, резные наличники окон и резной пояс орнаментации фасадов дают широкое поле для приложения декоративного искусства бурят.

Окраска барабанов, произведенная китайскими и бурятскими мастерами, значительно разнится по выполнению.

Первые сделаны тоньше, ювелирнее, с большим малярным мастерством, вторые грубее, декоративнее и в смысле подбора красок живее.

Изображенные на барабанах драконы весьма умело вкомпанованы в круг и по наружному поясу барабанов.

Раскраска колонн, фасада, ставней тесно связана с резьбой по дереву.

Весь орнамент, обычно представляющий из себя комбинацию геометрических форм с простыми растительными, сначала вырезывается, а потом раскрашивается.

Стоит внимательно всмотреться в разбивку на орнаментальные планы всего окрашенного пространства, проследить то равновесие и гармоничную связанность тонов, которые, несмотря на кажущуюся пестроту, дают звучное и цельное впечатление, стоит вспомнить лучшие образцы тылыков,— как почувствуешь ту своеобразную живописную культуру,

которая проникла к бурятам с древнейших времен Китая и Индии и, приобретя чисто бурятские черты, твердо укрепилась в этом народе.

Скульптура.

Скульптура проявляется в обработке мрамора местного (кадаинского) происхождения, резьбе по дереву, обработке металла и в лепке из глины. Вообще же скульптура имеет меньшее значение, чем живопись.

Агинский дацан не так богат образцами мрамора, как напр. Цугольский.

Следует указать на рельеф льва на пьедестале колонны, весьма хорошо вкомпанованный в четыреугольник, да восхитительное изображение будды на мраморной доске субургана, расположенного на горе возле храма Майдари.

В последнем художник чутко понял материал мрамора, любовно обработав лицо, с необыкновенно красивыми восточными губами и разрезом глаз. В трактовке же стилизованных рук, художник проявил изящество, легкость и большое понимание материала в связи с светотенью.

Когда яркое солнце освещает эту доску, бросая мягкие, прозрачные, теплые тени, доска эта производит чарующее впечатление. И жаль становится, что нет больше образцов, более крупных и сложных, где бы этот, безусловно одаренный мастер, смог бы полностью выявить себя.

Резьба по дереву у бурятских художников широко распространена.

Колонны, орнаментация дверей, ставней, входа, орнаментация колесниц, тронов бурханов—вот где резьба играет большую роль в декоративном отношении, служа рельефными формами для окраски.

Самостоятельное значение резьба по дереву имеет незначительное. Это объясняется отсутствием среди местных древесных пород годных для художественного оформления. Во втором этаже, правда, есть вырезанные 7 фигур „Семи драгоценностей“, но они, довольно художественно выполненные, начинают ломаться от пересыхания.

Как пример прорезного, мастерски скомпанованного деревянного орнамента, могу указать на решетку над дверями храма Рая.

Большой интерес представляют фоны-ореолы за тронами бурханов. Всегда крупный декоративный орнамент фонов бывает позолочен. И, вообще, бурханы на фоне этих ореолов, со строгими спокойными лицами, с массой позолоты вокруг, задрапированные в голубые шелковые ткани и парчу, в полумраке дацана представляют интересную картину.

Особенно любопытен в этом отношении храм Рая.

В громадной стеклянной витрине, в два этажа высотой, занимающей почти весь храм, устроен какой то базар богов самых разнообразных величин. На главном месте сидит бог рая, окрашенный в роскошный красный тон. По обе стороны два золоченных. Перед ними расположена такая масса небольших будд, каких-то праведников, каких то фантастических птиц, цветов, каких-то удивительно тонко сработанных больших и малых моделей храмов,—что разобраться в этом хаосе довольно трудно и, только внимательно вглядевшись со средины, поймешь, что все это расставлено в стройном порядке.

По необыкновенной тонкости и изяществу модели храмов достойны удивления. Стиль их—чистейший китайский с его вычурными, изящными формами с тонко проработанными деталями. Построй их в нормальном размере и получится чудо восточной архитектуры!

Что касается литых бурханов, так это работа китайская. Сделаны они по определенному шаблону, согласно уставов, общих для живописи и литья. Величина их различна,—от одного вершка до нескольких сажен. Особенно грандиозна статуя Майдари, голова которой касается потолка 2-го этажа. Литые бурханы имеют тип покойных божеств и особенного художественного значения не имеют. Зато орнаментация на тронах больших бурханов, резанная по дереву местными мастерами, превосходна. Особенно декоративны львы на троне Майдари, умело выкрашенные.

Коснусь теперь курильницы, стоящей во дворе центрального дацана против входа, сделанной по модели упомянутого мной художника Джалсарей Дамъянова.

Она шарообразна, поддерживается тремя ногами в виде батраев и увенчана упрощенным до примитива львом. Курильница чугунная, отлита в Петровском заводе. Грубость чугуна учтена художником, мелких деталей нет; композиция строга и декоративна. И если стать на одну линию с кумирней, курильница удивительно хорошо связывается с ее общей массой.

Вторая курильница, о которой следует упомянуть—это в 3-м этаже, медная, китайской работы.

Она представляет из себя много этажную пагоду, основание которой покоится на трех головах слонов. Работа тонкая, хорошая.

Скульптура бурханов из глины, имея довольно широкое распространение, художественного значения не имеет. Форма божеств та же, что и медных. Сработаны бурханы из глины со свойственной восточным художникам чистотой и отчетли-

востью деталей. Бурханы обжигаются, для чего делаются пустыми внутри. После обжига они раскрашиваются и бронзируются.

Орнамент.

Орнамент в дацанах имеет большое значение. В нем, наряду с элементами чисто китайскими, отчетливо обозначаются черты, аналогичные русскому народному орнаменту. Область бурятского орнамента настолько обширна и разнообразна, что ждет своего специального исследователя.

Разный материал дает различный характер орнаменту, чем можно воспользоваться для некоторой классификации.

Дерево. Резной орнамент имеет важнейшее значение. Резьба крупная, формы полулистовые с геометрическими. Окраска яркая и несовершенная в смысле малярного ремесла. Образцы на фасаде, верхняя часть колонн, двери и наличники. Троны и колесницы дают более тонкую резьбу; формы орнаментов бурятские с большим устремлением в декоративную сторону.

Медь. Формы чисто китайские. Образцы на небольших курильницах, габалах, трубах, бумбах, кувшинах, жертвенниках. Часто бывает орнаментирован дракон.

Краска. Орнамент живописный ближе всех напоминает русский народный. Образцы на тронах главенствующих лам, на стенах второстепенных дацанов, особенно же на столиках, шкафчиках и домашних божницах.

Серебро. Орнамент в серебряных изделиях широко распространен среди простых бурят. Обработка серебра представляет чрезвычайный интерес. Разнообразие форм орнамента на верхушках шапок, нагрудных украшениях, серьгах, перстнях, поясных привесках, бляхах на седлах и сбруях, огнивах—поразительно. Отделка ножей отличается тонкостью. И вообще в орнаментации серебра чувствуется китайское влияние.

Кожа. Своеобразны украшения ни гутулах (обувь). На цветной коже или плисе весьма искусно нашивается довольно затейливый орнамент в виде лежачей комбинированной осьмерки.

Ксилография.

Резьба клише по дереву имеет довольно широкое распространение. И опять таки, это искусство всецело находится на службе у религии. Клише служат для оттисков дешевых рисунков—изображений божеств—чаще на белой материи, реже на бумаге. Покупая эти священные платки, буряты развешивают их на „Обо“.

Надо отдать справедливость той тонкости и тщательности обработки дерева, какую проявляют бурятские художники.

Простым маленьким ножичком они выбирают дерево сплошь, оставляя тонкую линию, так что рисунок состоит из тонких линий без больших черных плоскостей. Режут только по слою, клише по торцу не встречается. Жаль, что восхитительное свойство бурятской линии ксилографами не передается на дереве, и линии дается чисто формальное значение.

Вообще же, дерево, как материал, не понято бурятскими художниками и вся их усидчивость в обработке дерева не извлекает всех возможностей из этого прекраснейшего материала.

В заключение считаю не лишним упомянуть о декоративной стороне бурятских хуралов. Лично мне пришлось видеть два раза хурал „Круговращение Майдари". Зрелище поистине примечательное. Тысячи приезжих бурят богомольцев, одетых в дорогие праздничные костюмы, сотни лам в своих ярких одеяниях – все это на фоне центральной кумирни под горячим летним солнцем представляет картину, настолько интересную по краскам, по движению, по необыкновенному распределению толпы, что удивляешься, как до сих пор ни один художник не воспользовался моментами хурала для своих картин.

А что может дать художнику „Цам"!

Объяснение этому одно—буряты неведомы русским художникам.

И совершенно очевидно, что наступает момент широкого изучения этого народа, его искусства, пока замкнутого в круг служения религии.

И верится, что под руководством своих Советов, способностям этого народа дан будет безграничный простор, роль искусства будет распространена в сторону общественного обслуживания, появятся новые художники и наступит расцвет бурятского искусства, т. к. высокая одаренность и способность этого народа к графическим искусствам несомненна.

Художник *И. Сверкунов.*

Материалы к биографии П. Н. Рязанцева.

I.

Имя художника Прокопия Николаевича Рязанцева знают очень немногие. Он не получил должной оценки своего творчества ни у современников, ни долгое время спустя.

Бытовые условия жизни и культурная среда такого провинциального сибирского города, каким был Нерчинск во второй половине прошлого века, создавали известность людям совсем другого рода деятельности.

Всей Сибири было тогда знакомо имя такого коммерческого и промышленного предпринимателя, каким был в Нерчинске М. Д. Бутин, а скромный, хотя-бы в высшей степени ценный и полезный культурный труженик, каким именно и был П. Н. Рязанцев, был мало известен даже за пределами родного города.

Человек с несомненными художественными дарованиями он, вследствие целого ряда неблагоприятных условий, не получил законченного образования ни общего, ни специально художественного. Это обстоятельство не могло, конечно, не отразиться самым заметным образом на его работах.

Среди его картин, портретов, икон, рисунков есть такие, которые отличаются большими художественными достоинствами, в то время как другие являются совершенно неудачными как в отношении замысла, так и по исполнению. Случается, что одну и ту же работу можно оценивать самым противоположным образом, если подходить с различных точек зрения.

Но в творчестве П. Н. Рязанцева есть одна сторона, которая необходимо должна быть выделена по своим достоинствам.

Это его этнографические работы: картины, этюды, рисунки из быта бурят в Забайкалье и гиляков по Амуру.

Подобно тому как в Уссурийском Крае В. Г Шешунов заслужил наименование „певца уссурийской природы в красках“, здесь, в Забайкалье, П. Н. Рязанцев должен быть поставлен на первое место, как художник-этнограф.

Работы П. Н. Рязанцева в этом направлении отличаются большим мастерством и законченностью и обнаруживают в нем поразительную наблюдательность и понимание самых разнообразных сторон местной инородческой жизни.

Типы, повседневный быт, шаманство, ламаизм—все было затронуто П Н. Рязанцевым в своих работах.

Вот эта этнографическая сторона художественного творчества П. Н. Рязанцева, наряду с общей оценкой его личности, как одного из немногих тружеников искусства в Забайкалье в то время, и побудила автора настоящей заметки приняться за собирание материалов к его биографии и характеристике.

Печатаемые здесь материалы заимствованы частью из записок самого П. Н. Рязанцева, частью сообщены его сыном А. П. Рязанцевым, проживающим сейчас в г. Нерчинске. Они не могут претендовать на полноту, законченность, а должны быть рассматриваемы именно как материалы, подлежащие дополнению, критике, проверке.

Каждое сообщение в этом направлении будет принято автором с глубокой благодарностью.

II.

Прокопий Николаевич Рязанцев родился в г. Нерчинске Забайкальской области, в 1829-ом году, в бедной мещанской семье.

Отец его Николай Иванович, занимавшийся хозяйством, с трудом кормил свое семейство, состоящее из жены, четырех сыновей и стольких же дочерей.

Из всех детей только один Прокопий Николаевич был отдан отцом учиться в приходское училище, где он с успехом занимался.

Из третьего отделения приходской школы Прокопий Николаевич был переведен отцом в первый клас Нерчинского уездного училища.

В течение успешного прохождения курса первых двух классов уездного училища, особенно же при переводе в третий класс, Прокопий Николаевич обнаружил особые способности в рисовании, черчении, чистописании, каллиграфии.

На склонности мальчика обратили большое внимание тогдашний смотритель училища Чаусов и наставник Крюков.

Однако бедность семьи сказывалась очень сильно и отец решил взять сына из училища.

В этот тяжелый для мальчика момент его наставники Чаусов и Крюков пришли к нему на помощь.

Указывая на большие успехи мальчика в рисовании, они уговорили отца не прерывать его образование.

Отец согласился и оставил сына в училище. Тогда Чаусов и Крюков взяли Прокопия Николаевича на свое попечение,

чтобы дать ему возможность, не обременяя отца, закончить полный курс.

Смотритель училища Чаусов, бывший в тоже время и преподавателем искусств, стал давать Рязанцеву отдельные уроки живописи и снабжал его масляными, акварельными красками и всеми необходимыми принадлежностями для рисования.

Рязанцев с увлечением занимался и оказывал большие успехи.

Скоро ученик становится ближайшим помощником своего учителя и начинает заменять его в преподавании рисования детям.

Надежды, возлагаемые воспитателями на своего питомца оправдываются.

Вскоре Чаусов выдвигает Прокопия Николаевича на должность преподавателя рисования в руководимом им училище.

Но кандидатура П. Н. Рязанцева встречает серьезные возражения со стороны учебного начальства, которое ссылалось на незнакомство с кандидатом.

Для устранения этого препятствия П. Н. Рязанцев представляет по начальству свои рисунки, прописи по чистописанию и каллиграфии, чертежи.

Последнее в свою очередь представило их на рассмотрение в Академию Художеств, где они и получили похвальный отзыв.

После этого П. Н Рязанцев был утвержден в должности преподавателя искусств Нерчинского уездного училища. В этой должности он пробыл 26 лет и дошел до чина губернского секретаря.

Получая за преподавательский труд в училище 22 рубля жалованья в месяц, обзаведшийся семьей, состоявшей из жены, двух сыновей и дочери, Прокопий Николаевич едва влачил свое существование.

Думать о дальнейшем усовершенствовании в искусстве и пополнении своего образования было невозможно.

В поисках постороннего заработка Рязанцев тогда пишет много икон по заказам горожан и жителей подгородных деревень.

До сих пор редкий дом в Нерчинске и ближайшей деревне не имеет иконы его работы.

Писанные им иконы имеются также в Нерчинском соборе.

В это время обратил на Рязанцева внимание местный купец и известнейший золотопромышленник М Д. Бутин, который и стал давать ему много работы.

По его же приглашению Прокопий Николаевич много раз ездил вместе с ним по бурятским степям.

Вместе с Бутиным Рязанцев побывал в Аге, Цуголе и других местах Восточного Забайкалья.

Во время этих поездок Рязанцевым и были срисованы с натуры в большом количестве бурятские типы, улусы, моления и др. самые разнообразные бытовые сцены.

В дальнейшем эти рисунки были разработаны им в целый ряд картин.

В 1873-ем году при проезде через г. Нерчинск быв. великого князя Алексея Александровича Рязанцевым была поднесена ему картина из бурятского быта, изображающая моление лам у ключа. Взят тот момент, когда буряты бросают монеты в источник.

За эту картину он получил от быв. великого князя золотые именные часы с цепочкой и соответствующую грамоту.

Еще две картины были им поднесены проезжавшим генералам: Корсакову и другому, фамилию которого не удалось теперь установить.

За эти картины он получил от них двое серебряных часов.

Кроме совместных поездок по бурятским степям, М. Д. Бутин, разрабатывавший тогда Дарасунские прииски, неоднократно отправлял туда Рязанцева.

Результатом этих поездок были три картины, рисованные с натуры масляными красками и изображавшие виды приисков.

Одна из этих картин находится сейчас в Нерчинском реальном училище.

Кроме жанровых картин и пейзажей Прокопий Николаевич занимался портретной живописью. Местные жители заказывали ему портреты которые и исполнялись им с натуры. Многие из этих портретов можно видеть до сих пор в разных домах гор. Нерчинска.

Давая частные уроки по живописи, Прокопий Николаевич был недолгое время первым учителем известного впоследствии худ.-забайкальца Николая Иван. Верхотурова, который в бытность заграницей написал целую коллекцию портретов вождей европейского социализма и русских политических эмигрантов.

В 1887 году Прокопий Николаевич, будучи уже стариком, подал прошение об отставке и уступил место преподавателя искусств в училище своему ученику Афиногену Пантелеймоновичу Колосову.

В том же году, 7 сентября, он с женой и обоими сыновьями выехал на жительство в г. Благовещенск, где продолжал свою художественную работу, в результате которой оставил там много картин и портретов.

Из Благовещенска Прокопий Николаевич вместе со старшим сыном ездил в низовья Амура до г. Николаевска и притока Амура Амгуни.

Здесь его сын дал ему возможность жить более обеспеченно и Прокопий Николаевич на старости лет много работает, рисуя с натуры гиляков, быт их, типы, а также виды Амура.

Картину, изображающую езду гиляков на собаках, Прокопий Николаевич поднес Николаю II во время его путешествия в Японию в 1891 году, за что получил серебряную медаль с изображением Александра III-го.

В сентябре 1892 года, как видно из его записей, Рязанцев приезжает с Амура снова в Нерчинск.

Два года с небольшим он проводит то в Нерчинске, то на прииске Бельмачихе у И. И. Казанова.

13-го июля 1895 г. он возвращается обратно в Благовещенск.

Последние годы своей жизни П. Н. Рязанцев проводит со старшим сыном, не желая больше расставаться с ним до самой смерти.

Так-как сын его, находясь на частной приисковой службе, должен был постоянно менять свое местопребывание, то они все время ездят по тайге, переезжая с одного прииска на другой.

И вот, когда они были на прииске Николаевском, находящемся в глухой тайге, в 12 верстах от р. Амура и в 200 верстах от г. Николаевска, Прокопий Николаевич скончался, достигнув почти семидесяти лет.

Это случилось 7-го сентября 1897-го года.

Сын там-же и похоронил отца.

III.

Краевой Музей имени А. К. Кузнецова в г. Чите, стремясь осветить в своих коллекциях все стороны жизни Забайкалья, несколько лет тому назад поставил себе задачу—-представить возможно полнее творчество П. Н. Рязанцева.

Но только в последнюю зиму, благодаря поездке автора этой заметки в г. Нерчинск, откуда им был доставлен в в Читу ряд работ П. Н. Рязанцева, Музею удалось, правда, в минимальной доле осуществить свое задание.

Собрание работ П. Н. Рязанцева, имеющееся теперь в в Музее, занимает левый простенок вестибюля, справа от входа в естественно-исторический отдел.

Состав его следующий:

1) „Потоп“—картина масляными красками, по замыслу чрезвычайно характерная для Рязанцева, как художника —этнографа, но по исполнению очень слабая.

2) Превосходный портрет девушки с розой, писанный масляными красками в мягких тонах, полный тургеневского настроения.

Ни один посетитель Музея, чуткий к вопросам искусства, не проходил, не остановив своего внимания на этом портрете.

3) Портрет девушки с кроликом, рисованный масляными красками, по исполнению неудачный.

4) „Буряты у юрты“—картина масляными красками, очень характерная с этнографической стороны, но с большими художественными недостатками.

5) „Благословение ширетуя“—рисунок акварельными красками, чрезвычайно ценный в этнографическом отношении, тонко и мастерски исполненный.

6) Четыре превосходных рисунка типов бурят и лам, к сожалению, оставшихся незаконченными—работы пером и акварельными красками.

7) „Старый город Нерчинск“,—место где был заключен мирный договор с китайцами в 1689 г.—рисован пером с натуры в 1868 г.

Работа имеет историческое значение.

Составилась Рязанцевская коллекция следующим образом:

№ 1—пожертвован Музею Т. Д. Мауриц, урожденной Бутиной в 1921 г.

№ 2—пожертвован Н. Суровцевой в 1916 г.

№ 3—пожертвован Б. Р. Тилле в 1921 г.

№ 4—приобретен на средства Музея в г. Нерчинске в 1921 г.

№ 5—поступил из Нерчинского Музея, где имеется значительное количество работ Рязанцева, в 1921 г.

№ 6, 7—приобретены на средства Музея в г. Нерчинске у сына П. Н. Рязанцева А. П. Рязанцева в 1921 г.

Вот состав и история небольшого собрания работ П. Н. Рязанцева, находящегося в Читинском Музее.

Большое количество его работ имеется у разных лиц в в Нерчинске, Благовещенске и других местах Восточной Сибири.

Краевой Музей имени А. К. Кузнецова будет принимать все меры к пополнению своей коллекции, будет стремиться представить здесь творчество П. Н. Рязанцева наиболее исчерпывающе.

Но задания Музея смогут вполне осуществиться лишь в том случае, если лица, могущие быть полезными в этом отношении своими указаниями или пожертвованиями, окажут Музею свое содействие.

Краевой Музей нуждается в поддержке общества и ждет ее.

IV.

Список работ П. Н. Рязанцева, составленный на основании сохранившихся отрывочных записей в его бумагах.

Работы в Забайкалье до 1887 года, когда П. Н. Рязанцев переехал в Благовещенск.

1. Икона Скорбящей Богородицы. В Нерчинском Воскресенском Соборе.
2. Икона Николая Чудотворца. Там-же.
3. Св. Семейство. У Зензиновых.
4. Икона Николая Чудотворца. В местной команде г. Нерчинска.
5. Картина из бурятского быта. У М. Д. Бутина.
6. „ „ „ „ У Н. А. Налетова.
7. „ „ „ „ У Симонова.
8. „ „ „ „ У Иннокентия Митрополита Моск—го.
9. Картина из бурятского быта. У американца Людорфа.
10. „ „ „ „ У Карпинского.
11. Русское семейство. У Бутина.
12. Нимфа. } У И. И. Шилова.
13. Пейзаж. } У И. И. Шилова.
14. Пастушка. } У И. И. Шилова.
15. Пастушка другой сюжет. } У И. И. Шилова.
16. Огурцы с натуры. } У И. И. Шилова.
17. Ермак. } У А. И. Шилова.
18. Девочка. } У А. И. Шилова.
19. Бурятская группа. } У П. Н. Колосова.
20. Девочка. } У П. Н. Колосова.
21. Девочка другой сюжет. } У П. Н. Колосова.
22. Огурцы. } У П. Н. Колосова.
23. Моление лам. У быв. вел. князя Алексея Александровича.
24. „По небу полуночи Ангел летел“. У М. А. Зензинова.
25. Буряты у ключа. У М. Д. Бутина.
26. Приисковые виды. У него-же.
27. „ „ У Н. А. Токмакова в Кяхте.
28. „ „ У М. М. Зензинова.
29. „ „ У П. А. Зензинова.
30. Букет цветов. У М. Д. Бутина.
31. Букет. У губернатора Лохвицкого.

32, 33, 34, 35. Картины масляными красками. Сюжеты неизвестны. У П. И. Першина.

36. Нимфа. У адъютанта И. А. Менчугова.

37. Портрет Капараки.

38, 39, 40, 41, 42, 43. Акварели из бурятского быта, бывшие на выставке в г. Чите. У Шилова.

44. Улус. У С. А. Артемьева.

45. „ У К. Я. Черняева.

46, 47. Портреты с фотографий. У И. И. Шилова.

48. Портрет. У В. Е. Полутова.

49. Портрет. У А И. Бессонова.

50. Театральный занавес.

51. Экспедиция. У Бутина.

52. Портрет Александра II-го. В Нерчинском Уездном Училище.

53. Неизвестный план. Для И. Ф. Голдобина.

Работы на Амуре с 1888 года.

Виды берегов р. Амура.

54. У Генерал-губернатора Барона Корфа.

55. У Н. В. Ельцова.

56. У Г. Г. Попи.

57. У Гартунга.

58 У Сленкова.

59. У Пахолкова.

60. У неизвестного артиллерийского офицера.

61. У Шустова.

62. }
63. } У Петерсона.
64. }

65. У Воложанинова.

66. У М. Ф. Бородина во Владивостоке.

67. Закат солнца на р. Амуре. У А. П. Серебряникова.

68. Ожидание на берегу моря. У Попи.

69. Пароход „Нерчуганин". У Клюева.

70. Пароход „Джелта". У А. П. Серебряникова.

71. Ожидание. У А. И. Рогонова.

72, 73, 74. Вензеля к проезду Николая II. Для Дикмана.

75. Езда гиляков на собаках. Была поднесена Рязанцевым Николаю II.

76. Икона Албазинской божьей матери. Для епископа Гурия.

Работы в Забайкалье с 1892 по 1895 г.г.

77. Портрет И. А. Рыжкова.
78. Портрет Иоанна Кронштадтского. У Корякина.
79. Приисковый вид в Бельмачихе. } У И. И. Казанова.
80. Охотники. } У И. И. Казанова.
81. Скала графа Н. Н. Муравьева на Амуре. } У И. И. Казанова.
82. Езда на собаках. У Масловского.
83. Вид Амура. У Козулина.
84. Ламское моление. У Бутиных.
85. Езда на собаках. У Е. И. Шульгина
86. Образ Тихвинской иконы божьей матери.
87. Рыбаки. У А. Н. Макарова.
88. Буряты у юрты. У Рифа.
89. Езда на собаках в устье р. Амура. У А. А. Гусева.

Работы в Благовещенске с 1895 года—во второй приезд.

90. Нашла коса на камень. У И И. Мамонтова.
91. Езда на собаках. У доверенного фирмы Кунст и Альберс.
92. „ „ „ У И. А. Першина.
93. „ „ „ У С. С. Шадрина.
94. „ „ „ У М. В. Мордена.
95. Амур ниже Ревиной. У А. А. Воробьева в Николаевске на Амуре.

Названия картин, писанных неизвестно когда.

96 Рыболовы гиляки.
97. Огурцы у китайцев.
98. Рай Магомета.
99 Нимфы купаются.
100. Водопады на луне.
101. Утопающие на челноке.
102. В лунную ночь.
103. Шивкинские скалы на р. Шилке в Забайкалье.
104. Пастух бурят.
105. Горящие горы на р. Амуре.
106. Охотники на лодке в разлив.
107. Огурцы и цветы.
108. Спасение из тьмы, тумана и волн.
109. Горящие горы.
110. Скала графа Муравьева.
111. Семейство. Опасность на волнах.
112. Поручаю Тебе, Господи, мать с малюткой.
113. У Распятия.
114. Находка.
115. Собака спасает от гадюки.

А. Харчевников.

Несколько слов обороченах и их фольклоре.

Помещаемые здесь сказки записаны мною больше десяти лет тому назад у ороченов Баргузинской тайги, так называемых, Баунтовских. За исключением одной, помещенной под номером 10, это, собственно говоря, не сказки в общепринятом смысле этого слова, а своего рода исторические рассказы.

Научное значение этих нескольких записей ничтожно и они, конечно, ни в малейшей степени не характеризуютороченский фольклор как таковой, так как получены случайно и несовершенным, в техническом отношении, путем: имея в то время своей задачей изучение материальной культуры ороченов, я лишь изредка обращался к вопросам фольклора и на небольшом опыте мог убедиться, что эта задача очень трудна, так как без знания языка работа в этой области почти невозможна.

Сказки, которые, несомненно, представляли большой лингвистический и этнологический интерес, не поддавались переводу, так как ни сам сказочник, ни его слушатели и мои проводники не владели достаточно русским языком, чтобы одолеть повествование мифологического характера и найти нужные понятия и образы на русском языке. Это техническое затруднение, из котораго так и не нашлось выхода, привело к тому, что в дальнейшем мне рассказывали уж сказки „полегче", сюжетом которых были уже события, быт, а не миф.

К сожалению, я не мог вернуться к этому в дальнейшем. Сожаление мое вызывается тем, что даже при тех слабых и неудачных попытках, которые мною предпринимались тогда, я убедился, что ороченский фольклор представляет много интереса и материала для исследователя и этот богатый запас народного творчества гибнет на наших глазах вместе с его хранителями стариками-сказочниками, гибнет вместе с гибелью самобытно ороченской культуры и может случиться, что в недалекие дни и самого орочена мы будем знать только по музейным манекенам, фотографиям да скудным записям немногих исследователей.

Фольклор ороченов, в непосредственном соседстве с которыми мы живем десятки лет, не только неизвестен и не изучен, но даже больше—вызывает сомнения в существовании и не редки случаи, когда человек, соприкасавшийся с оро-

ченами в течении долгих лет, ничто-же сумняшеся, заявляет, что у ороченов нет ни сказок, ни легенд, ни песен.

Такое мнение может очень легко возникнуть и показаться основательным, если принять во внимание следующее: орочен привык считать себя ничтожным человеком по сравнению с русскими, якутами, бурятами, с которыми он встречается.

Богатство культуры этих его соседей подавляет его. Дома, в которых живут русские, вещи их обихода, их оружие, письменность, равно, как и многолюдство якутов, бурят, их богатство—все это заставляет орочена, который, действительно, все своё носит с собой, очень низко расценивать себя, свою культуру.

И, быть может, поэтому самое интимное, душу своей народности—фольклор прятать как можно дальше, хранить как можно сокровеннее для того, чтобы в своем кругу, для самого себя, знать, что и у него есть что то, что делает его равным этим могущественным соседям, что то свое, благодаря чему, и орочены „хотя и не настоящие, а все таки люди"—как сказал мне один старик орочен.

Помимо этого цивилизующее влияние соседей сказывается на ороченской молодежи в том смысле, что она старается как можно больше походить на этих соседей и как можно меньше на ороченов. В тех редких случаях, когда орочен выучивался русской грамоте, он считал нужным говорить как можно замысловатее, третировать земляков как можно больше и при всяком случае подчеркнуть разницу между ним, образованным человеком, и его невежественными сородичами. Модными делались одежда, обычаи, песни соседей, свое же забывалось, считалось ничего не стоящим.

И, возможно, что самой основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является та, что большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях при известных условиях.

Последнее предположение я основываю на следующих наблюдениях: хоровое пение и танцы орочен приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер „благодарения" божества.

Что касается рассказывания сказок, то оно, в отношении некоторых категорий сказок, допускается лишь поздней осенью, в известное время, когда „Кичиги" (созвездие Ориона) стоят высоко. Язык сказок, повидимому, также имеет осо-

бенности и формы, уже непонятные современным ороченам чем и объясняется неудача их перевода.

Есть легенды, которые сознательно скрываются по тактическим соображениям. Так от Д. Э. Ринчино, изучавшего бурятский фольклор, мне пришлось слышать легенду, объяснявшую причину вымирания ороченов. По легенде причина эта заключалась в том, что когда орочены были подвластны чуть ли не великому Чингису, они чем то разгневали Хана и он обрек их на смерть. Был сделан плот, на плот посажен орочен с семьей и отпущен по течению какой то неизвестной реки. После долгого плавания плот выбросило на берег в чужой земле, где и рассеялись орочены. Они не погибли, но все равно они обречены на смерть и потому вымирают.

Эту легенду Д. Э. Ринчино получил с пояснением, что старики хранят ее в тайне, чтобы народ не впал в уныние, зная свою обреченность.

Если, по указанным выше причинам, изучение ороченского фольклора представляет значительные трудности и, благодаря им, эта область ороченского творчества остается для нас до сих пор книгой за семью печатями, то необходимо отметить еще одну причину, по которой эта книга так и может остаться непрочитанной. Причина эта —вымирание ороченов. Вымирание это – процесс, происходящий на наших глазах, дающий определенные результаты в течение такого короткого срока как 15-20 лет.

На наших глазах погибает своеобразная культура и носители ее. Изучение этой культуры скоро сделается невозможным. Те старики-сказочники, которых я знал в 1912 г. уже умерли, вместе с ними погиб, несомненно, большой запас народного творчества, то, что они передали своим слушателям, если и дойдет до нас, то в очень незначительной части.

И вот, как всегда, когда поднимается вопрос о сибирских инородцах, нельзя пройти мимо этого проклятого вопроса об их вымирании.

Так ли уж непредотвратим и неизбежен этот процесс? „Природа не сентиментальна. Выживают лишь высшие расы, способные воспринять европейскую культуру. Низшие, в том числе и сибирские инородцы, гибнут. Это очень печально, но это факт и его надо знать и надо спешить пока есть возможность изучить эту культуру по ее живым носителям"—так напутствовал нас когда то, ныне умерший, В. В. Радлов.

Факты, как будто, подкрепляют это мнение. За эти годы положение ороченов, несомненно, ухудшилось и это несмотря на то, что в эти годы делались попытки придти им на помощь—организовывалась кооперацией фактория, налаживался сбыт их пушнины и т. п.

Если вымирание таких племен непреложный исторический закон, то тогда надо последовать совету Радлова и торопиться изучать их культуру ради обогащения общечеловеческой сокровищницы знания.

Если же пример Америки, Дании, сумевших приостановить вымирание своих инородцев разумными и своевременно принятыми мерами, говорит за то, что и положение наших туземных племен не безнадежно, то тем более надо спешить с их изучением, потому что только такое изучение может дать знание, что и как должно быть сделано для их экономического и культурного подъема.

Все те рецепты, которые предлагаются для улучшения быта туземных племен Сибири, в частности ороченов, обычно представляют ряд благих пожеланий относительно организации медицинской помощи, устройства магазинов-складов, снабжения охотничьими припасами и т. д.

При всей своей целесообразности, все эти рецепты, от долгого употребления лишь на бумаге, мне кажется, потеряли свою чудодейственную силу и вряд ли дадут значительное изменение наблюдаемого положения.

Все эти начинания фатально кончаются крахом, пока они предпринимаются как своего рода социальная филантропия.

Мне представляется, что положение ороченов может быстро и заметно измениться к лучшему, так как их экономическая база дает для этого достаточные основания. Весь вопрос в их самодеятельности, в способности взять дело в свои руки, а не полагаться на помощь, жалость со стороны.

У ороченов нет своей письменности, нет грамотных и по русски и это очень затрудняет дело целесообразного построения их административной и хозяйственной жизни. Но это очень смышленный, способный народ с большими социальными навыками, еще неразвращенный той цивилизацией с которой ему пришлось иметь дело.

Если им будет дан достаточный инструктаж, они наладят свое дело сами и гораздо лучше, чем налаживали его для них чужие.

Задача власти вызвать к жизни творческие силы самого народа и принять меры охраны его, наряду со всеми трудящимися, от эксплоатации. Для этого не надо ни миллионных затрат, ни долгих лет.

Обратить внимание на положение ороченов важно в настоящее время особенно потому, что изменилось их правовое положение: вся территория на которой они проживают вошла в состав Бурят-Монгольской автономной республики. Если раньше основой общественного ороченского бюджета являлось признание за ними прав на сенокосные и рыболов-

ные угодия, которые они и сдавали в аренду, то теперь возможно резкое изменение этого положения.

Других источников дохода, если не считать их промысла, у них нет. Но обложение их промысла явится для них новшевством очень тяжелым.

Вопрос об их общественном бюджете и о целесообразном использовании источников их доходов приобретает особое и практическое и юридическое значение.

Но разрешение этих вопросов в силах и компетенции лишь правительственных органов. Задача же и обязанность научных организаций и работников просвещения учесть то положение, в котором в настоящее время находится орочен-ское племя, важность изучения его материальной и духовной культуры и принять посильные меры к этому изучению, памятуя, что, чем скорее и лучше будет произведено это изучение, тем скорее и целесообразнее могут быть намечены меры к прекращению его вымирания, а затем и к его дальнейшему развитию.

№ 1.

Сначала никто здесь не жил. Тайга пустая была, только зверь ходил. Потом пришел с моря один старик—орочен. Пришел по Витиму на Баунт. Стал жить. Зверя было много, рыбы, птицы. Здешнее место было как ошынкан-теплая земля.

Старик пришел с Яю. Яю-река, в море идет.

Стал жить старик. Было у него пять сыновей. Стал старик делить семью. Одному сыну говорит: ты будешь нодягыр, другому—ты труягыр, третьему—ты огдолор, четвертому—ты кындыгыр (кындыгыр значит меткий, попадающий: палку кинул-кынн, попал-кындыгыр), пятому—ты лакшикагер (это значит хватун. Все шибко берет, хватает).

Так назвал старик сыновей и разослал их в разные стороны. Пускай ищут себе жен. Сыновья ходили кто три, кто пять лет. Потом сходились. Что-же—имя разно, будто чужие, ну брали друг у друга женщин в жены. В своем роду ведь нельзя брать, только в третьем колене. Так стало пять родов.

(Записано от орочена Донгыуль, Ильи Молчанова, на Усое).

№ 2.

Раньше жили не так. Хлеба не знали, водки не знали, соли не ели. Это когда соль стали знать, тогда перестали зверя слышать по духу. Раньше, когда соли не знали, зверя чуяли духом, как зверь сам.

Воевали с другими народами много. Воевали с тунгусами, которые жили у Баргузина. Тунгусы по ороченски назывались „вокрой", они жили на Быто. По Баргузину жили „мурчель". Воевали с Мамырами.

Жили как звери: ходил по лесу, ловил зверя, птицу. Потом догадался лук сделал. Тогда лучше стало—луком зверя били большого.

(Записано от орочена Туто-Екима—на Аунике).

№ 3.

Раньше воевали много, с Баргузинскими тунгусами, со всеми. Увидят друг друга, сейчас убьют. Но все наши били, сказывают, наших не били.

Один раз наш ходил промышлять. Там тунгусы его увидели, убили. У него Керикан брат был. Керикан с двумя еще ороченами пошел туда, чтобы за брата им отомстить.

Теперь в Баргузин пойти надо харч брать. На коне идти надо сколько дней. Они так пошли. Что убьют—едят.

Пришли. Около юрт в лесу стали. Кто, филин ли, кто другой сядет близко к юртам они на пятьдесят, на сто сажен стрелят из лука—убивают. Юрту стрелят—сквозь пробьют. Тунгусы испугались—так всех убьют. Давайте, кричат, мириться. Как—сделали гулянку. Говори, за брата что хочешь.—Керикан говорит: у моего брата было десять пальцев на руках. За пять пальцев давайте пять девок, за пять—пятьдесят коней.

Дали. Он пришел на Баунт разделил всем девок, коней. Тогда у орочен стали кони.

(Записано от орочона Туто-Екима—на Аунике).

№ 4.

Керикан убивал один сотню, тысячу людей. Его стреляют не могут попасть, только раз в волоса попали. Он луком только водит—всех убивает.

(Там же).

№ 5.

Когда Керикан был маленький умер у него отец. Орочены решили бросить его с матерью—что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла зарыла уголь с огнем дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь—огонь был.

Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конце нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Стрелил. Другого—тоже. Пришел матери сказал—пошли следить, нашли—мертвы.

Стало одежи много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал.

А орочены ничего не промышляли. Пришли на старо место—огонь есть, мясо есть. Керикан их же кормил. Дали ему хороший лук. Ну, а с хорошим луком ему что...

(Записано от орочена Донгыуль на Усое)

№ 6.

Раз оставили Керикана сторожить, а он ушел в лес промышлять. Пришел—все убиты. Только сестру его, хорошая девка была, взяли—увели с собой. Он испугался—один. Убьют.

Сестра его, пока других убивали, успела его лук спрятать—сунуть в снег. Он нашел.

Взял обжег себе унты, щеки обжег, идет-падает. Пришел к тем. Сестра его увидала говорит: „это наш пастух. Оленей пасти умеет, дров наладить может. Только стрелять не умеет. За это его кормили".

Те говорят—пусть пасет оленей. „А почему обжег"—спрашивают. Сестра говорит: „это мы все играли, жгли ему". Ладно. Стал жить.

Только один старик все говорит—надо убить его. Но те говорят—пусть живет. Так они не стали ничего думать.

Керикан ночью встал, собрал все луки, раз-сломал. Разбудил их—они кинулись на него. Он стал стрелять. Убил всех.

Этот Керикан самый главный был. Однако от него все и пошли.

(Записано от орочена Конко-Тупарева—на Бонбахте).

№ 7.

Пришел на ороченов народ, который звался „вокрой". Было их без счета. Орочены сделали кругом земляной вал и укрылись за ним от стрел, которыми осыпали их вокрой. Но худо было, вокрой подходили все ближе и ближе. Ну орочены надеялись на старого, большого шамана, который был с ними. Стали просить его—спаси.

Шаман стал шаманить. Бубен будто гром гремел. Из тайги ему разные голоса откликались.

Три дня и три ночи шаманил шаман. Потом вышел из з вала и стал перед народом вокрой.

Махнул шаман рукой и от его руки пошла по тайге буря, вырывало деревья с корнем. Погибали вокрой, давай просить мира. Дали клятву не воевать.

Через год они тайком опять пошли на орочен. Напала на них худая болезнь. Они вернулись.

Вот какие раньше были шаманы.

(Записано от орочена Конко в местности Чулбули, где имеются остатки какой то кольцевидной насыпи-вала).

№ 8.

Раньше лучше знали свою веру. Шаман свой человек был, постоянно говорили, все видели, узнавали. Шаман разный бывал: который черному богу шаманил, который доброму. В два места ходил шаман—в ошынкан (теплая земля) и к черному богу в землю. Когда шаман умирал так, если настоящий был, весь уходил.

Хоронили его, потом ходили туда сидеть день, два-три, придешь его нет—ушел.

Когда умирал простой человек шаман через год „следил“ —куда ушел покойник в ошынкан, или в землю. Покойнику в дорогу клали все—котел, халат хороший, все.

(Там же).

№ 9.

Бог добрый к ороченам. Дал им жить, веру дал и там даст что-нибудь. Веру так дал, старики сказывают: жил давно один орочен с семьей. Раз сидит у юрты, смотрит—Бог идет. Подошел к нему, говорит: „я сейчас пойду там другой человек живет—ему дам веру, потом вернусь—тебе какую-нибудь дам“. Ладно. Ушел Бог и долго не было.

У орочена в семье кто то болен стал. Ждал, ждал орочен Бога—нету. Тогда стал орочен шаманить, стал делать из дерева рыб, ну чего надо. Делает. Смотрит—идет Бог. „Ты чего делаешь“—спрашивает. Орочен говорит—„у меня человек болен, я шаманить хочу“. Тогда Бог говорит: „ну, как знаешь, делай так.“ И ушел Так стал орочен шамаить.

№ 10.

Старуха старая в шалаше сидит. Колена у ней стальные. Сидит—ноги у ней стерпли, стала их тереть, колени—оттуда вышли два ребенка, стали сосать коленки. Два три дня прошло, стали сами промышлять. Луки им старуха сделала.

Один раз прибежали испуганы—два каких-то на лошадях хотели их забрать.

Старуха махнула топором, на три сажени вколотила этих людей в землю. Стали попрежнему играть.

Нашли ровное место стали пробывать чей лук дальше бьет, оба хвастались: мой, мой'.

Оба стрелили—обе стрелки ровно стоят в земле. Побежали—это моя это моя, тянут, крепко стоят, не могут взять. Копать стали, больше копают—дальше стрелки в землю идут. Вовсе не видать стало.

Плакать стали, жалко стало. Ничего не могли сделать. Смотрели какая это земля. Сели поговорить.

Удивляются, что это в земле что то слышно, человек будто говорит там. Слышат говорит: „я вам лучишки отдам, вы у бабушки топор украдите“.

Топор украли, таском его потащили туда где луки были, замахнулись—вышли из земли два человека, два на конях, кони чубарые. Чокучане—эти люди. Говорят старшему (брату)—„отдай младшего, много лучков сделаем“. Не дал, побежали, топор с собой. До старухи не добежали, чокучане их догнали одного (младшего) взяли. К седлу привязали.

Один остался, плачет. Топор домой потащил. Старуха слышит—плачет. Старуха как будто спала—шевелится стала. Он говорит—мы напрасно там, в том ключе, играть стали, мы там луки пробывали (рассказывает что было... чокучане зубами стрелы держали, брата взяли, я один остался). Старуха будто спросонья не знает что делать. Села—„а где топор, давай сюда“. Взяла топор не смотря махнула, говорит: „ах, жалко мальчишку, топор, если ты мне моего дела не справишь, не оправдаешь, то сгний, пропади там. Если дело исполнишь, то приходи назад“.

Говорит топору: „гора не держи, лес попадет—сплошь вали, догонишь там в землю схорони и горой закрой“.— Так отправила топор.

Время идет, мальчишка все ходит там где голос слышал, где брата взяли.......

Топор догнал в утесах схоронил. Мальчишки нет нигде— толи спрятали, толи бежал—чокучане ведь в воде, под землей, под горой шли.

Топор сказывает о своих трудах, сильно устал, мучился.

(Записано от орочена Конко-Тупарева—на Чине. Рассказ этот сопровождался припевом, который менялся после различных строф. Сказочник рассказывал речитативом, иногда пел. Припев подхватывался слушателями. Припев можно приблизительно передать звуками: догхе, догхе конх, коййо-ло-нэ. Припев перевести не удалось.)

И. Малых.

Архивное дело на Дальнем Востоке.

Его состояние и проблемы.

Архивное дело на Дальнем Востоке находится в настоящий момент в довольно тяжелом состоянии, вот основная формула, которая невольно возникает, когда окинешь взглядом громадный район и учтешь те положения, при которых уменьшаются, хиреют и бесследно исчезают архивы провинции. Последнее явление не ново: не говоря о гражданской войне, во время которой, естественно, погибло не мало, очень возможно, ценных архивов, отсутствие интереса широких народных масс к архивам и архивному делу создает тот факт, что на гибель архивов иногда смотрят, как на нечто целесообразное, когда, с уничтожением архива, отходит в область безвозвратного прошлого и старый строй и бывшие грехи. О пригодности архивов для научного воспроизведения этого прошлого почти не думают. Возьмем на себя смелость, пользуясь оффициальным материалом, несколько осветить вопрос о состоянии архивного дела за период 1921-1922 г.г.

Из архивов, находящихся в городе Чите, прежде всего необходимо отметить громадный архив Нерчинской Воеводской Канцелярии. Архив этот оказался в 1921 г. в сравнительно сносном состоянии в подвальном помещении б. областного дома. При проверке его не оказалось некоторого количества дел: бесследно исчезли материалы, представляющие интерес даже по одному названию, например, дело Нерчинского монастыря. Сохранившиеся дела оказались почти все в полной исправности и вполне пригодны для научной разработки. Центр тяжести их падает на конец 18-го и начало 19-го столетия. Написаны они настолько хорошо, что по ним можно проследить постепенное изменение букв. Бумага, употреблявшаяся в то время, достаточно прочна и груба, но последнее способствовало сохранению написанного. Чернила от времени поблекли, но разобрать рукописи почти во всех случаях вполне возможно. Легкость чтения в значительной степени зависит от почерка: попадаются четкие прописи в очень ранних делах по времени и эти прописи, несмотря на попадающиеся титла, своеобразные буквы иногда индивидуального характера и украшения в виде оригинальных росчерков, читаются очень свободно. Наряду с этим, нередко попадаются трудные для чтения почерки даже в делах, относящихся к первым

годам XIX-го столетия, когда начертания букв уже значительно упростились.

Архив Нерчинской Воеводской Канцелярии имеет несомненную ценность, как представляющий обширный и разнообразный материал, обнимающий Нерчинский край. Исследование и ознакомление с этим материалом играет прежде всего роль, в смысле ознакомления с краем в его прошлом, как отдельной территориальной единицей. Далее не надо исключать бытовую, хозяйственную, промысловую и некоторые другие стороны, представляющие несомненный интерес.

Из других архивов, находящихся в Чите, необходимо отметить архив Горного Управления, архив каторжан, архив окружного суда.

Архив Горного Управления пережил все невзгоды переходного времени гражданской войны: в подвальном помещении дома б. Горного Управления (Смоленская ул.) от него осталась бумажная куча, разрозненных листов различных дел, покрывавших пол приблизительно на поларшина. Колоссальное количество материала было выкрадено и продано за бесценок на базары (осенью 1921 г. в Чите не было, можно сказать, ни одной лавки, в которой покупателю купленную вещь, или съестные припасы не завернули бы в лист драгоценного архивного дела Горного Управления).

Наглость мародеров, грабивших архив, доходила до того, что они однажды принесли железный лист и на нем жгли архивные документы, чтобы при свете огня лучше осмотреться в темном подвале и плотнее нагрузить мешки.

В конце осени 1921 г. в Чите была произведена внезапная выемка архивных материалов из базарных лавок. Выемка эта, несмотря на то, что в ней участвовало сравнительно небольшое число лиц, дала значительное количество материала. В некоторых лавках находили по нескольку пудов архивных дел. Многие из отобранных архивных дел прекрасно сохранились; некоторые из них оказались 30-х и 40-х годов XVIII-го века.

Торговцы не были подготовлены к сюрпризу и были очень недовольны.

Ясно, что выемка только частично поправила положение архива Горного Управления: значительная часть его бесследно исчезла. Да и что можно было поделать, когда прочный засов, на который была заперта дверь подвального помещения, был разбит и сорван.

Архив каторжан, находящийся при Читинской Областной тюрьме занимал небольшое, изолированное, мало приспособленное для работы помещение. Осенью 1921-го года он нахо-

дился в разбитом состоянии, но тогда же принимались меры к его разборке и использованию. Архив этот, надо полагать, содержит не мало интересных дел. При нем может быть устроен фотографический отдел снимков бывших каторжан.

Об архиве Окружного Суда можно заметить, что он представляет известный интерес, как содержащий большое количество дел криминального характера, и что меры к его сохранению осенью 1921-го года были приняты.

Кроме указанных архивов в Чите необходимо отметить еще архивные материалы Областного Управления, архив по казачьим делам, архив милиции при правительстве Колчака и некоторые другие.

Из архивов, находящихся в городах Дальнего Востока, представляют большой интерес архивные материалы Прибайкалья.

В конце 1921-го года в заведывании уполномоченного по охране и разработке архивных материалов Прибайкалья В. П. Гирченко состояли следующие архивы: архив бывшего Верхнеудинского Полицейского Управления, содержащий дела с 1760-х годов до начала XX-го века; архив города Верхнеудинска, содержащий дела с 1780-х годов до конца XIX-го столетия; часть Тарбагатайского волостного архива, вывезенная уполномоченным в Верхнеудинск в ноябре 1921-го года и заключавшая около 500 архивных дел с 80-х годов XVIII-го века по 30-ые годы XIX-го столетия.

Из этих архивов обширный архив города Верхнеудинска разобран и содержится в порядке.

Громадные архивы находятся в Благовещенске, так, в распоряжении Амурского Областного Управления к концу 1921-го года находился комбинированный архив, составленный из архивов: военного губернатора, земства и исполкомов, в количестве до 60 000 дел.

Архив этот имеет свое начало почти с самого основания Амурской Области и представляет большую историческую ценность. Вследствие переворотов за время революции он подвергался нескольким перевозкам, иногда с большой поспешностью. Это послужило причиной того, что архив существенно пострадал. К концу 1921-го года архив нуждался в соответствующем помещении.

Многие архивы, рассеяные по различным местам Дальнего Востока, частью погибли, частью находились в 1921—22 годах в угрожающем положении.

Так, известный Разгильдеевский архив в период революции погиб, архив князей Гантимуровых при Урульгинском волостном комитете до 1922-го года почти не оберегался и из архивных дел вырывалась бумага для нужд канцелярии.

Сведения об остальных провинциальных архивах можно представить в следующей статистической таблице:

Таблица состояния провинциальных архивов.

Вообще не оказалось архивов.	Архивные материалы частью уничтожены во время революции, частью остались.	Совсем уничтожены во время революции.	Расхищены во время гражданской войны, оставш. часть используется учреждениями.	Сохранившиеся архивы местных самоуправлений, различных учреждений, приисков.	Число полученных сведений.	Примечание.
26	8	14	11	18	77	Сведения показаны за время с октября 1921-го года по февраль 1922-го по Забайкалью.
34%	10%	18%	14%	24%	100%	

Из приведенных цифр видно, что 18% архивов было уничтожено во время революции, остальные так или иначе пострадали, что также составит значительный процент; сохранилось приблизительно 24%.

Если присоединить архивы, находящиеся в городе, последняя цифра может быть несколько увеличена.

В общем, на Дальнем Востоке в период 1917—1922 г. г. осталось незначительное число архивов, которые могут быть признаны вполне сохранившимися.

К этому нужно добавить, что в 1921—22 г. г. почти ничего не было слышно об архивах Приамурской и Амурской губ., а равно и Камчатки. В последнее время получились сведения неоффициального характера, которые рисуют далеко не блестящее состояние архивов в Приморских губерниях

Что касается церковных архивов, то о них имеются скудные сведения. По оффициальным данным в конце 1921-го года архив Епархиального Совета с делами за все XIX-ое и начало XX-го столетия находился в полном порядке в специальном помещении под ответственностью особого лица.

Архив читинских духовных мужских учебных заведений был расхищен.

Архивы церквей в провинции, повидимому, уцелели.

В общем, хотя данные рисуют тяжелое положение архивов на Д. В., можно все же смотреть с бодростью на будущее: с оставшейся частью архивов можно будет со временем значительно восстановить жизнь прошлого. Печальная-же сторона заключается не столько в том, что 18% архивов окончательно погибли, а в том, что к оставшимся архивам, большею частью, потрепанным и разбитым, необходимо проявить большую заботливость и внимание.

Как известно, архивное дело требует значительного количества специалистов, но в ближайшие годы трудно ждать отпуска необходимых сумм на их содержание, и вследствие этого архивы некоторое время будут находиться в зависимости от местных условий.

Каковы будут результаты этого, можно так или иначе предполагать, но несомненно, что еще часть архивов бесследно исчезнет.

В этом отношении характерно замечание заведующего губ. архивом одной из центральных сибирских губерний, который в 1921-ом году оффициально писал следующее: „Сохранность архивов зависит от того, будут ли безотлагательно снабжены все советские учреждения в потребном количестве писчей бумагой для канцелярской надобности. В противном случае ни издание декретов и обязательных поста-

новлений, ни рассылка грозных руководящих циркулярных распоряжений, ни применение даже решительных мер о привлечении виновных к судебной ответственности за расхище ние и уничтожение архивных материалов, не помогут архивному делу, и от архивов напр. уездных и волостных, как уже наблюдается и теперь, вследствие бумажного кризиса, не останется скоро совершенно следов“.

Таким образом, местные условия могут быть самыми разнообразными.

Переходя ближе к проблемам архивного дела, можно предполагать, что в будущем все же должен развиться интерес к старым материалам. Причину этого можно видеть в том, что архив должен лечь в основу понимания современности во многих областях. Так, прежде архивами интересовались, главным образом, историки и отчасти археологи. Со временем ученые и таких специальностей, как естествоведение, встретят для себя необходимость обратиться к архивам, например в вопросе—с какими видами растительного или животного царства соприкасались первые насельники данной местности. Географы по архивным данным могут восстановить русла исчезнувших рек, рельеф данной местности, линию течения рек и т. п. Вообще нет специальности, в которой архивы не оказали бы ту или другую ценную услугу.

С течением времени необходимость при исследовании какого-либо вопроса обращаться к прошлому сделается настолько очевидной, что значение архивов сильно поднимется. Последнее послужит причиной более внимательного и бережного отношения к архивным материалам. Сообразно с этим в городах будут образовываться специальные комиссии по разработке архивных материалов из лиц различных специальностей, что, можно надеяться, значительно улучшит состояние архивного дела.

В деле сохранения провинциальных архивных материалов, пока судьба их зависит от местных условий, играет большую роль ознакомление широких народных масс с сущностью архивного дела и его значением для освещения жизни в прошлом. Чем более ознакомятся народные массы со значением архивов, тем более сохранны будут архивы на местах

В крупных центрах, целесообразно образование архивных секций, ближайшей задачей которых должно явиться сохранение архивов на местах, находящихся в сфере их наблюдения, учет архивных материалов и при благоприятных обстоятельствах, разработка последних. Секции эти могут образовываться при любом учреждении, имеющем какое-либо отношение к архивному делу.

В особенности целесообразно возникновение и функционирование архивных секций при *музеях*.

Организация архивных секций не представляет никаких затруднений: здесь необходимо только заинтересовать нескольких специалистов судьбой архивного дела и облегчить возможность работать путем предоставления секции части помещения и некоторых, хотя бы минимальных средств. При этих условиях лица, интересующиеся архивами, смогут развернуть в большем или меньшем масштабе работы по архивному устроению.

Размер работ архивных секций мог бы быть крайне значительным, если бы нашлось большое количество работников, которые к тому-же могли бы отдать значительное время архивной работе. Но так как охотников заниматься старыми материалами находится слишком мало, архивные секции фактически поведут работу в скромных размерах.

Последовательно работы секции могут быть представлены в следующем порядке.

Прежде всего необходимо учесть архивы, которые могут быть в сфере наблюдения данной секции. Учет необходимо сделать, по возможности, самый точный. Необходимо знать места, где сосредоточены архивы, определить условия их обстановки, выяснить возможность сохранности. Далее необходимо знать основное содержание архивов по делам.

Значительную часть работы представит разбор материалов и приведение их в желательный вид. На это потребуется значительное время, достаточное число рабочих рук и, наконец, многое зависит от большего или меньшего опыта работников. Существенную часть работы представляет разработка материалов, к чему и необходимо особенно стремиться архивным секциям.

Конечно, вся предварительная работа может быть сосредоточена в руках власти через соответствующие органы. Тогда, при нормальных условиях, важнейшей работой секции явится научная разработка архива.

Помимо этого, при всех условиях архивные секции могут развернуть работы в отношении поисков архивных материалов в частных домах у отдельных лиц, куда членам секции гораздо легче доступ, чем специальным учреждениям. Нередко в частных руках находятся чрезвычайной важности документы, записки и вообще материалы, которые, большею частью, бесследно гибнут, в особенности после смерти любителя-коллекционера или просто лица, любовно оберегавшего старые предметы при своей жизни и иногда не знавшего, что с ними сделать. Таких архивных материалов в России несомненно пропало очень много.

Нередко на темп работы влияет то обстоятельство, что специалисты по архивному делу отдаляются от разработки архивных материалов в силу того, что не надеются на издание своих научных работ. Опасение это не вполне основательно: часто бывает так, что возникающий журнал крайне нуждается в серьезном материале и предложенная работа будет встречена с большим сочувствием. В виду этого целесообразно подготовлять научные материалы заблаговременно, а при соответствующей обстановке они могуть быть напечатаны.

Кроме того большое значение имеет и выбранная тема, на что также необходимо обращать внимание.

Таковы меры, которые могут поддержать архивное дело в крае и предотвратить столь частые случаи исчезновения архивных материалов. Но самое главное, повторим, необходимо пробудить интерес к прошлому в трудящихся массах, тогда состояние архивного дела будет прогрессивно улучшаться.

При разборе архивов необходимо отметить архивные материалы по партизанскому движению, начало собирания которых было положено комиссией, функционировавшей в 1920—21 г. г. и собравшей значительное количество материалов в виде рукописей, документов, фотографий и т. п.

Архивные секции могут и здесь оказать серьезное содействие в особенности через членов, работающих по линии железной дороги.

Вообще с созданием архивных секций необходимо поспешить, так как от их деятельности зависит положение архивного дела в крае.

М. Камский.

Чита Гостипография

Гублит № 454 тираж 1000

СОДЕРЖАНИЕ:

